

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**МАТЕРИАЛЫ
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

25–29 апреля 2022 года

В пяти частях

Часть третья

Минск
МГЛУ
2022

УДК 800
ББК 81.2
М34

Редакционная коллегия: Н. Е. Лаптева (*ответственный редактор*), Л. А. Тарасевич (*зам. ответственного редактора*), Т. Н. Андреева, А. А. Баркович, Т. Г. Дементьева, Р. В. Детскина, И. В. Дмитриева, Н. С. Евчик, Е. Г. Задворная, И. Г. Колосовская, И. В. Лешкевич, И. В. Метлушко, Л. Н. Неборская, Н. П. Петрашкевич, Л. В. Рускевич, Д. В. Степанова, И. В. Чучкевич, Е. В. Шилей, В. В. Яскевич.

Материалы ежегодной научной конференции преподавателей М34 и аспирантов университета, 25–29 апр. 2022 г. : в 5 ч. Ч. 3 / отв. ред. Н. Е. Лаптева [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – 236 с.

ISBN 978-985-28-0178-2 (Ч. 3)
ISBN 978-985-28-0174-4

Третья часть сборника содержит материалы работы секций по направлениям «Теория языка», «Грамматика», «Фонетика», «Прикладная лингвистика», «Сопоставительное языкознание», а также круглых столов «Актуальные проблемы корпусной лингвистики», «Проблемы и Прогнозы. Технологии общения в PR-деятельности», «Дикция и голосоведение в образовании современного студента», «Лексические и грамматические единицы в различных типах дискурса», «Молодые исследователи в инновационном поиске».

УДК 800
ББК 81.2

ISBN 978-985-28-0178-2 (Ч. 3)
ISBN 978-985-28-0174-4

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2022

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

В. Р. Абреу-Фамлюк

ЭКСПЛИКАЦИЯ СТЕПЕНИ РЕЛЕВАНТНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Релевантность является одним из параметров, весьма широко и разнообразно трактуемых в современной лингвистике. Применительно к диалогическому дискурсу под данной характеристикой понимают актуальность, значимость, своевременность, уместность информации в рамках высказываний участников диалога. В работе проанализированы контексты научной и политической дискуссии, включающие интерпретирующие речевые акты (ИРА) – высказывания, в которых в вербализованном виде представлены результаты понимания реципиентом некоторого сообщения.

В наиболее употребительных разновидностях ИРА, ориентированных на трактовку слов партнера по коммуникации, смыслового выделения информации часто не происходит. Это связано с тем, что в рамках таких ИРА ведущим коммуникативным намерением говорящего выступает не указание на степень релевантности информации, а верификация корректности своего понимания сообщения:

– Я правильно понимаю, что институт законодательно-сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации занимается политической деятельностью?

В зависимости от ряда факторов степень проявления релевантности в интерпретирующих речевых актах различна. П е р в ы й фактор, который необходимо учитывать, – это наличие / отсутствие информационного выделения в важнейшей части интерпретирующего речевого акта – языковом маркере (*вы говорите что, правильно ли я понимаю, что, то есть* и проч.). Некоторые формальные маркеры ИРА, несмотря на их относительную немногочисленность, могут рассматриваться как элементы, эксплицирующие параметр релевантности. Так, выражения наподобие *обращать внимание* очевидным образом ориентированы на выделение наиболее важной информации в реплике собеседника:

*– Валерий Александрович **обращает наше внимание на то, что** сегодня многое изменилось, приобрело другой смысл, что многое из привычных ранее вещей ставится под вопрос, что сам смысл культуры стал иной и так далее.*

Формальный показатель *обращает внимание* одновременно указывает на то, что говорящий осуществляет интерпретацию ранее воспринятого сообщения, и на то, что он подчеркивает в этом сообщении наиболее существенные сведения. Категория релевантности, таким образом, получает эксплицированное выражение наряду с ключевой для ИРА интенцией толкования высказывания.

Второй фактор – нейтральность / оценочность высказывания по параметру релевантности – стоит рассматривать как сопутствующий первому. ИРА, содержащие элемент информационного выделения непосредственно в языковом маркере, так же, как и те, в которых такое выделение осуществляется в иных частях речевого акта, могут анализироваться по критерию нейтральности / оценочности. При нейтральном характере выражения степени релевантности в ИРА присутствуют специфические лексические единицы (как правило, прилагательные типа *важный, критический, главный, основной*, а также существительные *смысл, суть* и т. п.):

– *Правильно ли я вас понял, что для вас **критическим** здесь явилось упоминание и использование повторяемости, а не порядка как такового...?*

В рамках ИРА оценочного характера экспликация степени релевантности осуществляется с помощью разнообразной в большинстве случаев негативно окрашенной экспрессивно-оценочной лексики:

– *Уважаемый Александр Алексеевич, вы ссылаетесь на этнорелигиозные меньшинства и привели совершенно **некорректный** пример, не имеющий отношения к делу.*

Негативная оценка релевантности высказывания, как правило, сочетается с интенцией несогласия: говорящий имеет намерение не только осуществить интерпретацию услышанного, но и не согласиться с озвученной пропозицией. Указание на нерелевантность информации в таких контекстах представляет собой лишь дополнительный аргумент для возражений собеседнику.

Важно отметить, что положительную оценку высказывания по параметру релевантности не стоит отождествлять с собственно позитивной оценкой слов собеседника: в первом случае говорящий подчеркивает такие качества воспринятого высказывания, как значимость, уместность, актуальность, важность и т. п. (пример а); во втором случае важны такие характеристики, как истинность, правильность, корректность, выбор средств выражения (пример б):

а) – *Николай Владимирович, **вы очень важный вопрос подняли**, что касается предоставления так называемых социальных норм потребления электроэнергии, теперь уже и речь идет о потреблении воды.*

б) – ***Вы правильно сказали**: одно дело – стоять вот здесь, на трибуне, и смотреть в глаза депутатам, а другое дело – за спиной депутатов делать такие заявления, поэтому, возможно, это тоже выход.*

Оценивая некоторое сообщение как верное, говорящий с ним имплицитно соглашается, а характеризуя некую информацию как важную, ключевую и значимую, коммуникант вполне может впоследствии подвергнуть ее сомнению или опровергнуть:

– *Насколько я понял, главный смысл первого доклада был в том, что не только у нас, но и везде плохо, всюду нехорошо, все врут, все скрывают информацию. Но зачем говорить обо всех? Разве не правильнее было бы сказать, что есть те, которые врут, а есть те, которые не очень врут? Это была бы более правильная постановка вопроса.*

В приведенном примере в рамках ИРА говорящий выдвигает гипотезу относительно сути ранее воспринятого высказывания (*смысл первого доклада был в том, что*) и тем самым осуществляет информационное выделение по параметру релевантности, однако далее ставит под сомнение избранную собеседником форму выражения.

Таким образом, анализ интерпретирующих речевых актов в научной и политической дискуссии позволяет заключить, что релевантность в этих типах институционального диалога является необязательной для выражения категорией. На степень информационного выделения в совокупности воздействуют такие факторы, как расположение средств экспликации релевантности в рамках / за пределами языкового маркера ИРА, а также нейтральность / оценочность высказывания по критерию релевантности.

И. М. Басовец

СПОСОБЫ МЕТАПРАГМАТИЧЕСКОГО СИГНАЛИЗИРОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОНСТРУКЦИЙ АВТОРИЗАЦИИ И ДЕАВТОРИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Языковые единицы, употребляемые говорящим в различных контекстах, могут быть интерпретированы адресатом по-разному, поэтому адресант использует метапрагматическое маркирование для направления адресата в том ключе, в котором ожидает быть понятым, поскольку лингвистическое поведение интерпретатора медиатекста в общих чертах предсказуемо адресанту, а метапрагматическое маркирование может послужить сигналом языковой рефлексии в интерпретационных процессах. В работах современных лингвистов, посвященных изучению метапрагматики, эксплицитные элементы металингвистического сигнализирования включают: метапрагматические дескрипции; металингвистические глаголы; цитируемую, сообщаемую речь; дискурсивные маркеры осведомленности; наречия, указывающие на пропозициональную установку; интенсификаторы и хеджи; самореферентные выражения; металингвистические референты и др.

На примере статьи под названием «The age of marriage is being raised in England and Wales», опубликованной в The Economist 5 марта 2022 года, рассмотрим, каким образом работает метапрагматическое маркирование в англоязычном медиадискурсе с привлечением авторизованных и деавторизованных высказываний, которые содержат ссылки на источники информации. Как известно, письменный новостной текст представляет собой такую разновидность вербальной активности, которая отмечена высокой степенью осознанности в совершении лингвистического выбора при кодировке субъектов – источников информации, поскольку ссылка на источники сведений является одним из его базовых конститuentов.

Открывающий анализируемую статью элемент металингвистического сигнализирования представлен бессубъектной конструкцией деавторизации:

It is a truth universally acknowledged that when it comes to marriage, Britain is a bit odd ‘**Это общепризнанная истина**, что, когда речь идет о браке, Британия кажется немного странной’. В данном примере наблюдается сдвиг истинностного ранга суждения, когда посредством фактивной конструкции вводится оценочная пропозиция неверифицируемого характера. Благодаря использованию бессубъектной конструкции оценочная пропозиция подается как общепризнанная истина, а адресант маскирует собственную оценку. В случае опущения конструкции деавторизации оценочное суждение о Британии исходило бы от журналиста, реализуя стратегию субъективизации, поэтому автор пользуется бессубъектной конструкцией как хеджем для снижения коммуникативных рисков за сообщаемое. Кроме того, хедж содержится в самой пропозиции и представлен наречием *a bit* ‘немного’.

Еще один эксплицитный элемент металингвистического сигнализирования в данной статье представлен металингвистическими референтами, вербализованными субъектными компонентами субъектно-предикатной и предложно-падежных конструкций деавторизации в следующих высказываниях: *Some believe the new law is unnecessary* ‘**Некоторые считают**, что новый закон не нужен’; *But for most of its history, and for many still, marriage has been about property and power, not passion* ‘Но на протяжении большей части своей истории, а **для многих** и по сей день, брак был связан с собственностью и властью, а не со страстью’; *Unlike most of its neighbours, who insist that people must be 18 to marry, Britain allows 16-year-olds to wed with parental consent (and in Scotland without it)* ‘**В отличие от большинства своих соседей, которые настаивают** на достижении 18-летнего возраста для вступления в брак, Великобритания позволяет 16-летним жениться с согласия родителей (а в Шотландии без него)’. Для читателя подобные метапрагматические референты *some* ‘некоторые’, *many* ‘многие’, *most of its neighbours* ‘большинство ее соседей’ в составе конструкций деавторизации могут а) маркировать отсылку на иные ресурсы, требующие дополнительного поиска информации для выяснения при необходимости, для кого такой закон не нужен, для кого брак связан преимущественно с собственностью и властью и для представителей каких стран, соседствующих с Великобританией, важно сохранение порогового возраста вступления в брак, так как в тексте статьи гиперссылок не представлено; б) продемонстрировать осведомленность журналиста с исследуемым вопросом с разных точек зрения, тем самым создавая эффект представления контрастивных позиций пусть и в весьма усеченном виде; в) отражать автоматический характер процессов выбора способа кодировки субъекта – источника информации в составе клишированных конструкций, типичных для использования в качестве ссылок на источники информации в целях стилистической экономии; г) быть продуктом осознанного личного выбора автора статьи, поскольку в новостном дискурсе выбор слов и построение структуры информирования и аргументации являются высоко значимым действием, продуктом сознательного усилия. При этом адресат не может однозначно определить, можно ли считать

представление субъекта – источника информации в обобщенном и неопределенном виде в полной мере осознанным выбором или автоматическим употреблением клишированных конструкций адресантом, равно как и декодирование прагматических эффектов может различаться у разных представителей читательской аудитории.

В отличие от металингвистических референтов, в которых метапрагматическое сигнализирование осуществляет субъектный компонент изучаемых нами конструкций, в качестве метапрагматической дескрипции в анализируемой статье выступает глагольный компонент конструкции деавторизации с нереферентным обобщенным субъектом: *It aims to help prevent forced marriages and has been welcomed by campaigners* ‘Он нацелен на предотвращение принудительных браков, и ему **выразили поддержку активисты протестного движения**’. Как известно, сообщение о вербальном поведении неизбежно носит толковательный характер. Здесь описание речевого акта поддержки *has been welcomed* ‘выразили поддержку’ демонстрирует прагматическое обогащение высказывания журналистом, поскольку отражает не только сам факт констатации речевого действия субъекта, но и его позитивно-оценочную интерпретацию со стороны говорящего при помощи глагола с положительной коннотацией. В случае с конструкциями авторизации приводится косвенная речь референтного субъекта, сравним: *Jasvinder Sanghera, who founded a charity that has campaigned against child marriage, disagrees* ‘**Джасвиндер Сангера**, основавшая благотворительную организацию, выступающую против вступления в брак с несовершеннолетними, **не соглашается**’; *You cannot, she points out, drink alcohol or gamble at 16* ‘**Нельзя, подчеркивает она**, употреблять алкоголь или играть в казино в 16 лет’. Кодировка косвенной речи а) отражает лишь дейктические центры оригинального высказывания при помощи металингвистических глаголов, реализуя интертекстуальность; б) позволяет журналисту конкретизировать речевое действие источника информации сквозь собственную интерпретационную призму восприятия, подавая метапрагматический сигнал читателю. В частности, в наших примерах, журналистский выбор описания речевых событий Джасвиндер Сангеры пал на лексические единицы *disagrees* ‘не соглашается’, *points out* ‘подчеркивает’, где имеет место прагматическое обогащение внутри конструкции авторизации, конкретизирующее речевое действие первоисточника. Метапрагматическое сигнализирование посредством данных глаголов в составе конструкций авторизации позволяет адресанту направить адресата по интерпретационной траектории и декодировать несогласие основателя благотворительной организации с предыдущей эксплицированной в тексте точкой зрения в отношении снижения возраста вступления в брак и усилить ее аргументацию путем приведения сравнения с разрешенным возрастом употребления алкоголя и игры в казино.

Таким образом, в англоязычном медиадискурсе способы метапрагматического сигнализирования с использованием конструкций авторизации и деавторизации включают 1) бессубъектную конструкцию деавторизации

с функцией хеджирования; 2) субъектный компонент конструкции деавторизации в качестве металингвистического референта; 3) глагольный компонент конструкции деавторизации в качестве метапрагматической дескрипции; 4) глагольный компонент конструкции авторизации в качестве описания функций речи с передачей дейктических центров оригинального высказывания при помощи металингвистических глаголов. В случае с глагольными компонентами анализируемых конструкций в целях метапрагматического сигнализирования имеет место прагматическое обогащение, которое отражает оценку коммуникативного статуса и значения описываемых речевых событий автором статьи. Метапрагматическое маркирование в медиатекстах позволяет журналисту направить адресата по интерпретационной траектории; конкретизировать речевое действие источника информации сквозь собственную интерпретационную призму; усилить аргументацию; маркировать отсылку на иные ресурсы и реализовать интертекстуальность, продемонстрировать прагматическую осведомленность с представлением контрастивных позиций; замаскировать оценочные пропозиции под истинностные и снизить коммуникативные риски.

Е. А. Беликова

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В современной лингвистике принято не только анализировать формально-грамматические и семантические особенности языковых явлений, но и учитывать коммуникативно-прагматическую специфику их реализации в той или иной дискурсивной сфере, в том числе научной. Это справедливо и для отрицательных конструкций, функционирующих в научном тексте.

В исследованиях по проблеме отрицания не раз отмечалось, что отрицательные конструкции обладают риторическим потенциалом (Т. Givon 1978, G. Tottie 1991, J. D. McCawley 1991, J. Moeschler 1992). Как показывает анализ литературы, в английском языке к таким структурам относят следующие: контрастивное отрицание; повтор отрицательной конструкции (дублирующее отрицание); вопросительно-отрицательные высказывания.

Ввиду достаточно сложной жанровой организации научной коммуникации, на наш взгляд, следует также обратить внимание на особенности употребления конструкций с отрицанием в различных жанрах научного дискурса. Наибольший интерес для нас представляет оппозиция монологических и диалогических жанров. При этом в качестве центральных монологических жанров рассматриваются научные статьи и монографии, а в качестве центральных диалогических жанров – научные дискуссии.

Материалом для исследования послужили 209 отрицательных конструкций, обладающих риторическим потенциалом, которые были отобраны

с применением метода контекстуального анализа как из монологических (20 англоязычных статей, 3 монографий), так и диалогических жанров (20 стенограмм научных дискуссий).

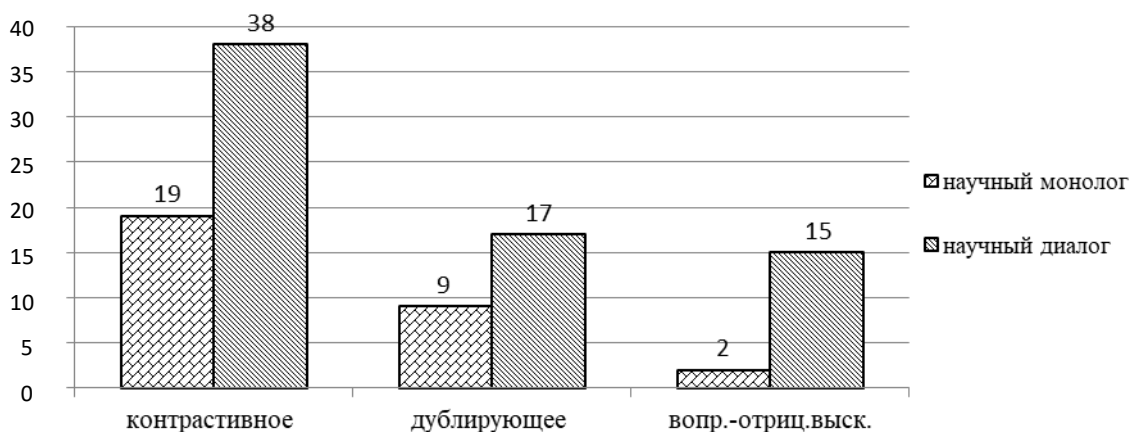
Проведенный анализ выявил интересные количественно-качественные отличия функционирования конструкций с контрастивным, дублирующим, отрицанием и вопросительно-отрицательных высказываний в научном монологе и научном диалоге (рисунок).

Важно отметить, что названные отрицательные структуры более чем в два раза чаще употребляются в научном диалоге (68 % отобранных конструкций) по сравнению с научным монологом. Это, по-видимому, обусловлено коммуникативно-прагматической спецификой устной научной коммуникации, ее полемическим характером, спонтанностью, экспрессивностью.

Приведенные данные показывают, что как для научного монолога, так и для научного диалога доминирующими в количественном отношении являются конструкции с контрастивным отрицанием, которое представлено двумя структурными типами:

- союз *but* употребляется после конструкции с отрицательной частицей *not*: *Now, the reason I mention that is **not to confront** Frank with an alternative view or to dismiss the importance of what he says, **but simply to highlight** the following question* (Happiness and Sadness: Depression and the Pharmacological Elevation of Mood);

- союз *but* употребляется перед конструкцией с отрицательной частицей *not*: *The peripartum diagnosis / delivery assistance training system is basically a visual learning system using video images, and is suitable for teaching and explanation **but not for training** of the internal examination itself* (V. F. Tapson. Acute Pulmonary Embolism). При этом и в монологических, и в диалогических жанрах доминирует первый структурный тип (73 % конструкций в научном монологе и 84 % в научном диалоге). Контрастивное отрицание участвует в формировании акротезы – риторической фигуры, которая актуализирует утверждение одного из описываемых явлений, свойств, признаков или действий через отрицание его альтернативы (Т. Г. Бочина 2010): *These negatives **do not cancel** one another out, **but reinforce** one another: the more negatives there are, the more emphatic the negation is* (Multiple Negation). Следует отметить, что в научном монологе акротеза употребляется, главным образом, с целью уточнения изложенной информации и выделения наиболее важного аспекта содержания: *The surface of the finished inverted model is, of course, the same as that of the previous cube, although some of its rhombic faces show **not just one but two of the diagonals*** (J. C. McConnell. Division Algebras-Beyond the Quaternions). В научном диалоге данная риторическая фигура используется как в контексте уточнения, так и при выражении несогласия: *So you were actually **not bringing up a hypothetical**, as you probably know, **but actual facts**, and scientists are working with those, and to my knowledge haven't questioned the ethics of those in any published journal I've seen* (Biotechnology and Public Policy: Embryo and Related Research).

Употребление отрицательных конструкций
в научном монологе и научном диалоге, %

Конструкции с дублирующим отрицанием занимают второе место по частотности употребления в обоих типах жанров. При этом их употребительность в научном диалоге почти в два раза превышает аналогичный показатель в научном монологе. Отметим, что и в монологических, и в диалогических жанрах повтор отрицательных конструкций реализует риторическую функцию, участвуя в создании таких стилистических приемов, как анафора и хиазм, употребление которых повышает выразительность высказывания: *The position occupied by «which friend» is not an A-position. It is not a position which is uniquely associated with one grammatical function: not only complements, but also adjuncts may occupy the sentence-initial position* (L. Haegeman. The Syntax of Negation). Кроме того, в научном диалоге при интерпретации примеров с дублирующим отрицанием необходимо учитывать, что конструкции с повторяющимся отрицанием допускают вариативность трактовок. Например, в одних случаях дублирование отрицательной конструкции детализирует содержание начального высказывания. В других же контекстах дублирование может быть вариантом автокоррекции или средством заполнения хезитационной паузы: *I don't think that's right. I don't think that's quite right. That doesn't quite get at what's going on* (Happiness and Sadness: Depression and the Pharmacological Elevation of Mood).

Любопытно и то, что для научного диалога характерны случаи употребления контрастивного и дублирующего отрицания в рамках одного высказывания, что повышает степень категоричности изложения и придает сообщению большую выразительность и убедительность: *And we're **not** talking here simply about bundles of dispositions, **but** we're talking about the way in which people negotiate the passages of life, and that fundamental negotiation is **not** simply the final event of death, **but** death as it besets us in the course of life over and over again, and **not** simply because others die, **but** because we're going through redefinitions of the self* (Happiness and Sadness: Depression and the Pharmacological Elevation of Mood).

Еще одним важным средством активизации внимания адресата является употребление отрицательных конструкций в составе вопросительных предложений. При этом, как показывает анализ материала, данные структуры более употребительны в научном диалоге, который представляет собой каноническую коммуникативную ситуацию непосредственного взаимодействия: *Don't you need to broaden your horizons at that point? I mean, if the burden of your testimony to us has been that scientists are interested in these questions, that they don't want to short circuit such debate, that they're interested in having it take place, I mean, how could one suppose that this was not a live moral question* (Biotechnology and Public Policy: Embryo and Related Research). В научном монологе данные структуры выступают в качестве средства имитации диалогического общения и являются гораздо менее частотными: *Why not tense and front the lowest auxiliary?* (J. Lidz. Constructions on Holiday).

Таким образом, функционирование отрицательных конструкций, обладающих риторическим потенциалом, обнаруживает некоторые количественные и качественные различия в научном монологе и научном диалоге, что обусловлено прагматической спецификой рассматриваемых жанров научного общения.

А. В. Жупинская

НЕКОРРЕКТНЫЙ ВОПРОС И КООПЕРАТИВНЫЙ ОТВЕТ: НОРМА ИЛИ ПАРАДОКС

В современном медийном интервью некорректное и некооперативное поведение журналиста стало распространенным явлением. Одна из форм такого поведения – вторжение в личное пространство собеседника. Под вторжением в данной работе понимается реплика интервьюера, затрагивающая тему, не предназначенную для публичного обсуждения.

Ожидаемой реакцией на такое поведение является применение той или иной тактики защиты, однако, как показал анализ фрагментов интервью, содержащих нарушение границ личного пространства интервьюируемого, кооперативный содержательный ответ составляет более половины всех реакций на вторжение.

Среди причин востребованности кооперативной реакции на некорректный личный вопрос можно выделить постепенное ослабление морально-этических норм, расширение тематического диапазона, доступного для публичного обсуждения, и готовность как журналистов, так и интервьюируемых медиаперсон к личным вопросам, в связи с чем возрастает роль индивидуальных представлений человека при определении границ личного пространства интервьюируемого.

Содержательный ответ в качестве реакции на вопрос, нарушающий границы личного пространства, может свидетельствовать как о том, что вопрос не рассматривается отвечающим как вторжение, так и о том, что вторжение им сознательно игнорируется.

Тем не менее можно выделить особенности реализации содержательного ответа, которые позволяют судить о желании или нежелании интервьюируемого обсуждать вопрос личного характера. К таким особенностям относятся степень развернутости ответа, наличие специфической мотивировки и реализация содержательного ответа в комбинации с тактикой/-ами защиты.

В традиционном портретном интервью явно наблюдается разделение организационного и содержательного доминирования, при котором ход диалога, введение и развитие тем являются функцией интервьюера, а содержательное наполнение диалога осуществляется интервьюируемым.

– Утверждают некоторые, что вы вообще не притрагиваетесь к спиртным напиткам. По какой-то причине?

– Ну, у меня немножечко в те времена шалило сердце, а самое главное даже не в этом. Мешало работе. Можете удивиться, но это главная причина. Я был руководителем крупного предприятия, у которого были филиалы. Знаете, можно было просто совсем пропасть (В. Познер – Ю. Лужков).

Развернутый содержательный ответ, который не только удовлетворяет запрос интервьюера, но также включает дополнительную информацию, свидетельствует, что вопрос не вызывает негативной реакции и скорее всего не рассматривается интервьюируемым как нарушающий границы его личного пространства. Такой вид ответа соответствует классическим представлениям о поведении интервьюируемого и представляет собой объемное высказывание с развернутой тематической структурой.

В некоторых случаях интервьюируемый ограничивается весьма лаконичным, сдержанным и часто односложным ответом, не удовлетворяющим в полной мере информационный запрос интервьюера, который в этом случае вынужден задавать уточняющие вопросы с целью получить недостающую информацию.

– Скажи мне, как ты девчонкам объясняешь, где их отцы?

– Никак не объясняю.

– Они не задаются вопросом?

– Нет.

– Почему?

– Они не будут задавать, потому что у нас очень серьезная субординация.

– Что значит серьезная субординация? (И. Шихман – В. Гай Германика).

Такой вариант содержательного ответа с большой долей вероятности свидетельствует о нежелательности выбранной журналистом темы и трактовке вопроса как нарушающего границы личного пространства интервьюируемого. В данном случае ответ характеризуется, с одной стороны, меньшим объемом реплик, с другой – усложнением структуры диалогического единства.

Вторая особенность, наблюдаемая при реализации содержательного ответа, связана с наличием эксплицитно выраженной специфической мотивировки ответа.

– А насколько Вы честны и открыты в вопросе измен с Ольгой?

– Мы никогда такого рода вещи не обсуждали. Если бы когда-нибудь такие вещи обсуждали, никогда, наверное, не были бы мужем и женой, вот и все. Поэтому это такое сильное <...> Вот то, о чем вы спросили, это из таких романтических иллюзий каких-то. Я говорю только о том, что бессмысленно отрицать очевидные вещи. Кто-то не хочет об этом говорить, и я об этом тоже **не хочу говорить, но вы меня спросили. Зачем казаться лучше, чем ты есть на самом деле?** (И. Шихман – Г. Сукачев).

Экспликация мотивов ответа сама по себе указывает на то, что для говорящих подобная ситуация не является нормой и требует дополнительного пояснения. В случае с нарушением границ личного пространства речь идет о наличии особой мотивировки, которая подчеркивает вынужденный характер ответа и связана с преодолением нежелания отвечать на вопрос. В самом общем виде такой ответ строится по модели: *В целом не хочу об этом говорить, но скажу, так как...* Основными причинами, побуждающими дать ответ на нежелательный личный вопрос, являются, в частности, необходимость оправдаться, стремление к эпатажу, доступность информации в других источниках, социальная ответственность и др.

Третья характеристика содержательного ответа, способная указывать на нарушение границ личного пространства, заключается в его возможности комбинироваться с защитными реакциями, которые могут возникнуть на любом из этапов диалога. Поведение интервьюера рассматривается как нарушающее личное пространство собеседника в независимости от того, располагается ли содержательный ответ в общей структуре диалога после защитной реакции или предшествует ей.

В ходе развития диалога комбинации содержательного ответа и защитной реакции (в первую очередь эксплицитного отказа от ответа) строятся по двум основным моделям.

1. Вопрос – защитная реакция (отказ) – содержательный ответ:

– Когда вы поняли, что вы вот после этой тяжелой болезни супруги, можете позволить себе заново влюбиться, снова?

– Пропустим этот вопрос. Дальше.

– Но у вас был такой момент, что вы об этом думали: могу ли я позволить или не могу? Вот момент, не предаю ли я память.

– Да, конечно (И. Шихман – К. Хабенский).

В этом случае содержательный ответ является следствием, с одной стороны, настойчивости интервьюера, а с другой – такой переформулировки исходного вопроса, которая облегчает ответ:

2. Вопрос – содержательный ответ – защитная реакция (отказ):

– Вы впервые купили себе дорогую сумку?

– В прошлом году. Я покупала дорогие бренды, но только те, которые нельзя было угадать, которые при первом взгляде нельзя вот угадать, что она, сколько она стоит. А сумка Louis Vuitton, она просто очень функцио-

нальная, очень классно придумано это, когда сумочка на сумочку. Я подумала, да пошло оно все, это же удобно. И вот в прошлом году у меня появилась первая сумка Louis Vuitton.

– Сколько стоит?

– Не помню, не скажу, но, если бы даже помнила, озвучивать бы не стала. Вы мне позволите? (И. Шихман – А. Варум).

В данной модели защитная реакция возникает в силу более личного характера уточняющего вопроса и переформулировки исходного вопроса так, что отвечать на него становится сложнее.

Таким образом, специфика реализации содержательного ответа может указывать на нарушение журналистом границ личного пространства интервьюируемого. Она проявляется в степени развернутости ответа, наличии специфической мотивировки, а также в комбинации с собственно защитными реакциями.

Е. Г. Задворная

ДИСКУССИЯ О ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Языковая норма традиционно является одним из ключевых объектов лингвистического анализа. Это понятие обладает несомненной эвристической ценностью для классических структурных исследований, социолингвистики, лингвопрагматики, истории языка, лингводидактики и др. Для каждого из названных лингвистических направлений норма интересна по-своему: как образец языкового выражения, как отражение тенденций развития языка, как показатель уровня коммуникативной компетентности личности, как индикатор социального статуса, как феномен, обеспечивающий коммуникативно-психологический комфорт (или таковому препятствующий) и т. д. Многогранность и социально-психологическая значимость языковой нормы обуславливает и неоднозначность трактовок ее роли как в коммуникативном бытии отдельной языковой личности, так и в коммуникативном существовании языкового социума.

Особенно очевидной эта неоднозначность стала в последние десятилетия, когда представления о языковой норме стали существенно меняться под воздействием серьезнейших трансформаций современного информационно-коммуникативного пространства (ср. эпистему постмодерна с ее скептическим отношением к оппозиции «нормативное – девиантное»; появление специфической устно-письменной формы электронной коммуникации с ее весьма свободными – по крайней мере, для некоторых жанров – представлениями о допустимом / недопустимом, узуальном / индивидуальном, нормативном / игровом в языке и речи и т. п.).

Понятно, что на подобные модификации и трансформации лингвисты вынуждены достаточно оперативно реагировать, что они и делают,

демонстрируя не только живую заинтересованность, но и впечатляющее разнообразие, а порой и полярность высказываемых мнений. Эту ситуацию удобно проиллюстрировать, воспользовавшись фрагментами из текстов современных российских лингвистов, которые высказывают противоположные взгляды на обсуждаемую проблему, ср.:

...главное, чтобы происходила коммуникация. А регулируем мы язык так, как нам удобно. ... Ради простоты и естественности коммуникации можно и нужно нарушать языковую норму...

Что касается культуры речи, то это очень советское понятие. Лингвисты ведь тоже очень разнообразные личности с разной степенью консервативности. Таких примеров, как «звонит», много. Например, сейчас подавляющее большинство людей путает «одевать» и «надевать». Норма ведь выполняет и некоторую социальную функцию. Она задает стратификацию общества. Люди, которые ратуют за нормативный язык, которые ужасаются переходу «кофе» в средний род и т. д., – эти люди, как мне кажется, и получают удовольствие от того факта, что существует неправильная речь. Есть кто-то ниже их. Например, человек говорит «ихний». Кто он? Он ничтожество по сравнению с тем, кто говорит «их»!

Для меня же важнее коммуникация. Люди, которые в речи поправляют незнакомого собеседника, чрезвычайно затрудняют коммуникацию. Лучше принять чужую речь, чем выступать в роли нормализатора (М. А. Кронгауз. Язык и коммуникация: новые тенденции; <https://polit.ru/article/2009/03/19/communication/>);

Каких бы титанических усилий ни прикладывали школьные учителя, их подросшие ученики продолжают отвечать по телефону «она зАнята!» и покупать на рынке «свеклУ», хотя, казалось бы, в постановке ударения на нужный слог нет ничего особенно трудного...

...Попробую объяснить природу собственного раздражения и неослабевающего с годами несогласия. Для меня пренебрежение нормой символизирует пропасть. Пропасть в знаниях. Пропасть в ценностях. Пропасть, через которую очень трудно построить мост.

...так называемая борьба за норму... на самом деле есть борьба за общее знание... Если помнить, что общее знание складывается не только из работы, поездок и разговоров в очередях, но и из чтения, а также просмотра и прослушивания самого разного контента, то становится очевидно: шанс сохранить норму все-таки есть. Надо только проявлять разборчивость при выборе книги, фильма, радио- или телепрограммы, блога и всего прочего, что исподволь влияет на твою речевую культуру (Е. Н. Басовская. Правильное ударение – поле битвы между «своими» и «чужими»; https://www.mk.ru/culture/2022/02/13/pravilnoe-udarenie-pole-bitvy-mezhdu-svoimi-i-chuzhimi.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com).

Обе позиции четко артикулированы, профессионально аргументированы и при этом демонстрируют совершенно различное отношение к нарушениям нормы (наблюдательно-толерантное в первом случае и непримиримое во втором).

Впрочем, здесь важно избегать упрощений. Лингвисты, которые утверждают, что можно и в ряде случаев нужно спокойно относиться к нарушениям нормы (такую точку зрения, кроме М. А. Кронгауза, высказывает, например, и А. Пиперски), отнюдь не считают, что такие нарушения всегда оправданны и не подразумевают необходимость коррекции (М. А. Кронгауз, в частности, отвечая на вопрос, с какого возраста собеседника нужно переставать исправлять его ошибки, отвечает: *Детей нужно поправлять и до смерти*). Речь идет только о выборе между нормативностью и коммуникативной гармонией, которые не столь уж часто противоречат друг другу. В то же время и лингвисты, ратующие за сохранение норм, не столько настаивают на необходимости их настойчиво-назойливой пропаганды и высокомерного осуждения их нарушения, сколько акцентируют важность осознания того места, которое речевая культура занимает в системе культуры в целом.

Кроме того, при выборе позиции по отношению к современному статусу языковой нормы и анализе моделей поведения в случае ее нарушения необходимо учитывать множество дополнительных факторов (некоторые из них анализируются или хотя бы вскользь упоминаются в цитированных выше текстах), а именно:

- тип общения с точки зрения статусной маркированности;
- уровень коммуникации (интимно-персональный – деловой – социально-ролевой);
- профессиональный контекст (интра- и межпрофессиональное общение);
- разновидность нарушаемой нормы (в первую очередь, степень ее социально-психологической значимости; отметим, что этот параметр нормы отличается очень широким диапазоном варьирования);
- индивидуально-психологические характеристики коммуникантов (в частности, наличие и степень выраженности стремления контролировать / оценивать / корректировать поведение других людей) и др.

И. Л. Ильичева

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИАОБРАЗА БРЕСТЧИНЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Проблемы имиджа территории как целенаправленно формируемого в массовом сознании образа начинают активно актуализироваться со второй половины XX века. К настоящему моменту накоплен определенный теоретический и практический материал, определяющий роль репутации и имиджа территории в экономике, социологии, маркетинге и имиджеологии.

Ряд аспектов формирования положительной репутации территорий, и, соответственно, проблемы регионального маркетинга анализируют в своих работах такие ученые, как Е. В. Анохин, К. Асплунд, И. С. Важенина, Д. В. Визгалов, Е. А. Джанджугазова, Ф. Котлер, Л. С. Леонтьева, А. М. Лав-

ров, А. Морозова, А. П. Панкрухин, Т. В. Сачук, А. К. Стась и др. В трудах К. Асплунда, А. Дайана, Ф. Котлера, И. Рейна, Д. Хайдера, С. Анхольта достаточно полно представлены проблемы построения имиджа территории, практика имиджевых преобразований.

Аналізу инвестиционных процессов в регионе, формированию инвестиционной политики и инвестиционного климата посвящены труды А. М. Бабича, А. П. Градова, Н. Д. Загорина, М. Д. Медникова, А. В. Танина, Д. В. Шопенко и др.. Процессы формирования имиджа территорий в контексте имиджологии представлены в трудах А. Блинова, В. Захарова, Л. Кутыркиной, В. Панарина, Е. Петровой, Г. Почепцова, А. Шабунина, В. Шепеля.

Анализ теоретических источников показывает, что образ региона связан с рядом критериев оценки имиджевой привлекательности региона, среди которых: имиджевая история региона; индекс цитируемости региона в федеральных и региональных средствах массовой информации; исторические аспекты развития региона; оценка региона со стороны лидеров общественного мнения; туристическая привлекательность региона; международный имидж региона; межрегиональные связи; участие в международных и региональных выставках, ярмарках.

Формирование имиджа белорусских регионов играет существенную роль и в репрезентации Беларуси в общественном сознании. Регионам же успешно сконструированный имидж позволяет более эффективно лоббировать свои интересы, включаться в масштабные проекты, привлекать внимание потенциальных инвесторов, расширять рынки сбыта региональной продукции, развивать туризм. Устойчивый позитивный имидж отдельных регионов Республики Беларусь формирует благоприятное впечатление о стране в целом, повышая ее авторитет в глазах мирового сообщества. Все вышесказанное верно и в отношении Брестского региона.

В процессе формирования имиджа Брестчины региональные СМИ являются своего рода отражателем и ретранслятором: с одной стороны, авторы медиатекстов зачастую опираются на существующие стереотипные представления о том или ином регионе, с другой – передают массовой аудитории определенного рода ментальные установки.

Современный региональный медиатекст имеет поликодовый характер и представляет собой «новый коммуникационный продукт». Особенность регионального медиатекста заключается в том, что он может быть включен в разные медийные структуры вербального, визуального, мультимедийного планов, что предполагает целостность его восприятия, а значит, и более глубокое проникновение в его смысл.

В ходе анализа региональных медиатекстов установлено, что медиаобраз Брестчины представлен в виде фреймовой композиции с ключевыми структурными слотами: «природные условия и туристическая деятельность», «экономические характеристики», «люди региона», «научный и инновационный потенциал», «ситуация в социальной сфере», «культурно-исторические особенности», «город 1000-летия».

Анализ показывает, что региональные полимодальные медиатексты постоянно демонстрируют чередование экспрессии и стандартов, фактов и оценок, различной степени креолизации. Все это подтверждает тезис о том, что главной чертой всех полимодальных медиатекстов, отражаемой в их языке, является их структурно-композиционная специфика, которая предусматривает выстраивание текста из блоков, распределяющих информацию на отдельные элементы, легко и быстро воспринимаемые адресатом.

Говоря о языковых средствах репрезентации медиаобраза, мы имеем в виду его языковые особенности как комплексного ментального образования. Ключевую позицию в лингвистической составляющей медиаобраза занимает оценочность, поскольку именно посредством языка, на основе использования отдельных слов, оборотов речи и конструкций предложений внедряются в сознание индивида идеалы и ценности, влияющие на существующие ценностные ориентиры общества.

В региональных поликодовых медиатекстах лингвистические способы выражения оценки разнообразны и включают в себя широкий диапазон языковых средств. К лексическо-семантическим средствам формирования медиаобраза Брестчины относятся слова и словосочетания с оценочным значением, модальная лексика, различные стилистические приемы (сравнения, метафоры, анафоры, аллюзии).

В целях формирования положительного медиаобраза региона в региональных медиатекстах используются различные элементы экспрессивного синтаксиса. Так, выдвигание ремы усиливает авторскую аргументацию, благодаря чему рассуждения приобретают четкий и однозначный характер. Намеренное расчленение предложения на отдельные коммуникативные составляющие создает экономную форму передачи информации, приводит к повышению динамизма медиатекста, придает тексту лучшую «обозримость» посредством привлечения внимания адресата к отдельным смысловым компонентам.

Эмпирический материал свидетельствует о том, что использование невербальных графических знаков для репрезентации структурных тематических слотов, коннотативных, оценочных, ассоциативных характеристик, а также синтез естественного языка с другими семиотическими системами знаменуют качественно новый этап в описании лингвокогнитивных характеристик имиджа региона.

О. И. Копач

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОГНИТИВНОЙ ТОПОНИМИКИ

Географические имена до сих пор не стали полноправным объектом изучения когнитивной лингвистики, несмотря на более чем 30-летнее официальное существование последней и предполагаемую перспективность при-

менения ее методологии к анализу семантической стороны языка. В работах топонимистов до настоящего времени сохраняется своеобразная двойственность: исследователи-практики активно используют в своих работах термины *концепт*, *концептуальный*, *когнитивный* и т. п., в то время как теоретики стремятся обосновать саму возможность применения терминов *когнитивная ономастика* и *когнитивная топонимика* в научном дискурсе.

В большинстве случаев теоретики имеют основания положительно оценивать публикации, выходящие за рамки традиционных подходов к семантике онимов. Вместе с тем в ряде работ отмечается немотивированное расширение предмета когнитивной топонимики до «конгломерата, в котором отражены культура, языки, время и пространство, этапы и социально-исторические условия развития общества» (З. Ф. Шайхисламова и др.).

Отмеченную двойственность в обращении с терминологией направления можно было бы списать на молодость и неразработанность концептуального пространства когнитивной лингвистики, однако последняя уже успела стать «своей» в научном сообществе. Богатство библиографии, посвященной изучению ментальных структур знания на базе их языкового воплощения в апеллятивной лексике, свидетельствует о проблеме статуса когнитивного направления исключительно в пределах проприальных единиц языка.

Причины, по которым когнитивная топонимика не обретает однозначного признания среди ономастов, судя по всему, связаны, во-первых, со спецификой объекта изучения и, во-вторых, с выбором процессов познавательной деятельности, на которые преимущественно направлено внимание исследователей в разных лингвистических традициях.

Среди приведенных выше причин первая видится ключевой для обретения когнитивной топонимикой статуса подраздела в пределах когнитивной лингвистики. Она касается неразрешенности проблемы семантики онима. Традиционно языковеды обходят проблему двумя путями:

1) констатируя дефективность проприальной семантики и рассматривая ее условно как семантику мотиватора (топоосновы);

2) подменяя термин *семантика* диффузным представлением об энциклопедическом значении имени, зависимым от меры знания конкретным человеком данных об объекте мира (ср. упомянутое выше представление о топониме как о конгломерате самой разной информации).

Оба таких понимания сущности географических имен страдают односторонностью, при этом в обоих случаях их функциональная роль как знаков, необходимых для ориентации на местности, не учитывается. Характерная для абсолютного большинства работ о географических именах констатация списка замеченных субъектом признаков объекта (семантика мотиватора) и описание культурной составляющей выбора этих признаков (энциклопедическое значение) позволяет либо описать одно из ряда свойств объекта (по большому счету, случайное), либо погрузиться в описание культуры региона, которое уводит нас от объяснения имен единичных объектов как цели когнитивного, а не культурологического исследования.

Вторая из описываемых здесь причин связана с сосредоточенностью исследований на описании разных аспектов когнитивности, что отражается в использовании специфической методологии для описания каждого из них и, как следствие, в получении разнохарактерных результатов. В пределах когнитивной лингвистики выделяется как минимум два течения, возникшие на базе разных традиций изучения семантики, – лингвокультурологическая концептология и лингвокогнитивные исследования.

Работы по когнитивной топонимике постсоветских топонимистов, как правило, разрабатывают идеи лингвокультурологической концептологии и характеризуются 1) изучением преимущественно когнитивной семантики имен на базе идей ономазиологии, этнолингвистики, лингвокультурологии и др. антропоцентрических направлений, ставших популярными на стыке веков; 2) выстраиванием в большинстве исследований лингвокультурных концептов и подчеркнутым отделением бытийного компонента, связанного с ориентационными и хозяйственными свойствами имен, от ценностного; 3) отсутствием интереса к когнитивной грамматике онимов; 4) зачастую номинальным (мода) интересом к заявленной проблематике.

Идеи западных лингвистов в данной сфере имеют принципиально иную научную базу: лингвокогнитивные исследования исторически развивались в США как оппозиция генеративизму. Неудивительно, что к представлению ментальных репрезентаций индивидуальных объектов эти ученые чаще стремятся прийти через анализ грамматических или формальных показателей имен на основе современных теорий грамматики. Такая направленность исследований делает очевидными их отличия от подходов, описанных в предыдущем абзаце: 1) опора в большей степени на когнитивную грамматику; 2) выстраивание авторских моделей имени с учетом холистического статуса единиц номинации; 3) скорее вспомогательная роль когнитивной семантики при создании моделей топосистемы; 4) большой консерватизм в применении терминологии когнитивной лингвистики.

Таким образом, когнитивная топонимика обладает потенциалом для описания ментальных структур знания на материале географических имен. При этом противоречивость представлений о проприальной семантике и различия в традициях исследования плана содержания языковых знаков отражаются в незначительном внимании к ней со стороны топонимистов и отсутствии единой последовательной методологии когнитивной топонимики.

О. В. Марченко

СООТНОШЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ОТКАЗА ОТ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАМЫСЛА И МОЛЧАНИЯ

Коммуникативная ситуация отказа от реализации коммуникативного замысла находится в неоднозначных взаимоотношениях с рядом смежных

явлений, таких как коммуникативные неудачи, недомолвки, запрет и захват коммуникативной инициативы собеседника и другие. Важное место в круге этих феноменов занимает молчание, поскольку в некоторых случаях отказ от реализации коммуникативного замысла (далее – ОКЗ) коррелирует с нулевым коммуникативным актом, т. е. молчанием.

Прежде всего необходимо отметить, что в ситуации диалогического общения решение об отказе может приниматься на разных этапах порождения речи, в связи с чем мы выделяем две разновидности ОКЗ – ОКЗ, представленные на предвербальном и вербальном этапах.

В рамках ОКЗ на предвербальном этапе, в свою очередь, целесообразно разграничивать два варианта. Первый вариант представлен в ситуациях, когда у говорящего уже сформирован коммуникативный замысел, есть образ, идея того, что бы он хотел сказать, но при этом еще не осуществлен выбор слов и не построена структура конечного высказывания:

Однажды, во время разговора в садике у «Эльфа» Андрей особенно стал приставать, чтобы я рассказала ему о моих отношениях с сайгоновцами. Ну что-нибудь этакое. Я и сама хотела было рассказать ему какую-то веселую историю. Но осеклась, заметив странный интерес, после чего произошло нечто странное (Ю. И. Андреева «Многоточие сборки», Национальный корпус русского языка – НКРЯ).

Второй вариант отличается наличием четкого представления о содержании высказывания и готовностью его вербальной формы:

Она много говорила со мной о Москве, о Петербурге, о советском строе, глубоко ее разочаровавшем, но не обмолвилась ни одним словом о Есенине. Я хотел было сказать, что есть что-то родственное между звуком Есенин и Сенной, но сдержался и умолчал (Ю. П. Анненков «Дневник моих встреч», НКРЯ).

Понятно, что обе эти разновидности ОКЗ в силу локализации на предвербальном этапе характеризуются отсутствием звучащей речи, или молчанием коммуниканта.

При этом важно отметить, что молчание далеко не всегда предполагает отказ от реализации замысла. Так, можно отметить как минимум два варианта молчания, которые не соотносятся с ОКЗ.

Во-первых, выделяется такой вид молчания, при котором участник диалога в принципе не знает, что сказать или как ответить. В таком случае коммуникант сохраняет молчание по причине отсутствия коммуникативного замысла, что не соответствует важнейшему признаку ОКЗ, а именно наличию сформированного замысла:

Михаил Янович, почему телеграмму-молнию на Луговую вы вручили только через три часа? Готлиф молчал. Не знал, что сказать (В. М. Шапко «Синдром веселья Плуготаренко», НКРЯ).

Во-вторых, молчание может выполнять определенную коммуникативную функцию и выступать в качестве нулевого речевого акта. В подобных

ситуациях адресант реализует свой замысел невербальным образом. Такой вид молчания и ОКЗ различаются по признаку реализации/нереализации замысла:

– *Думаю, да. Любовь была. – И все-таки: что он вам сказал на прощанье? – Я не помню, – но я угрожающе молчал, и после вечной паузы она сказала правду: – Что прощаемся не на всю жизнь* (А. Терехов «Каменный мост», НКРЯ) – в данном контексте коммуникант своим молчанием требует от собеседника ответа, что совершенно адекватно «прочитывается» адресатом.

Следовательно, данные виды молчания нельзя рассматривать в качестве обусловленных ОКЗ.

Однако необходимо подчеркнуть, что в ряде ситуаций ОКЗ, представленный на предвербальном этапе, реализуется посредством молчания, которое является следствием соответствующего решения. В таких случаях мы имеем дело с частным видом молчания, имеющим коммуникативный характер. Важной характеристикой такого молчания является то, что коммуникант имеет намерение совершить речевое действие, но после анализа текущей ситуации принимает решение отказаться от реализации сформированного замысла и, соответственно, не говорит ни слова:

– *Благодарю, – сказала она, выпустила вверх узкую струйку дыма и опять замерла. Казалось, в ней происходила какая-то борьба. Я хотел было сказать что-нибудь банальное, просто чтобы завязать разговор, но вовремя сдержался, вспомнив, чем это обычно кончалось* (В. Пелевин «Чапаев и пустота», НКРЯ).

Что же касается ОКЗ на вербальном этапе, то это явление наблюдается в тех ситуациях, когда говорящий принимает соответствующее решение уже в процессе вербализации замысла. Это значит, что коммуникант прекращает реализацию замысла, уже озвучив некоторую его часть (что не соотносится с молчанием):

– *Я вам даю слово, что как только... – начал было Дмитрий Алексеевич, но вспомнил профессора Бусько, его «не клянись»* (В. Дудинцев «Не хлебом единым», НКРЯ).

Таким образом, коммуникативная ситуация отказа от реализации коммуникативного замысла и феномен молчания коррелируют между собой следующим образом.

1. ОКЗ не подразумевает молчания – этот вариант соотношения рассматриваемых феноменов представлен в случаях, когда решение об отказе принимается на вербальном этапе порождения речи.

2. Молчание не предполагает ОКЗ – в частности, в контекстах, где молчание либо полноценно выполняет соответствующую коммуникативную функцию, либо у коммуниканта в принципе не сформулирован какой-либо коммуникативный замысел.

3. ОКЗ соответствует молчанию, что наблюдается в ситуациях, когда у адресанта полностью сформирован коммуникативный замысел, но он отказывается от его реализации на предвербальном этапе.

КОРРЕЛЯЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ
И ИЕРАРХИЧЕСКИХ СВОЙСТВ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Актуальные на сегодняшний момент исследования гиперо-гипонимии концентрируются на единицах определенной функционально-стилистической принадлежности. Обычно ученые придерживаются одной из двух позиций: 1) гиперо-гипонимические отношения пронизывают всю лексическую систему, поэтому целесообразно изучать гиперо-гипонимию на материале общеупотребительной лексики как наиболее устойчивой и стабильной части лексической системы (Д. А. Круз, П. Кей, Дж. Лайонз); 2) гиперо-гипонимические отношения не характерны для естественного языка и выдерживаются лишь в терминологии, поэтому изучение гиперо-гипонимии должно ограничиваться отдельными терминосистемами (Р. М. Фрумкина, А. Д. Мостовая, М. В. Лысякова).

Описание лексической системы должно учитывать все ее компоненты: такой подход позволяет установить, как функционально-стилистическая принадлежность единицы влияет на ее положение в иерархии. Поскольку с позиции иерархического устройства подробнее всего описаны натурфакты (Б. Берлин, С. Браун, Е. Хунн), в работе рассматривается иерархия «Названия животных». Цель – установить корреляцию между иерархическими и функционально-стилистическими свойствами названий животных в английском языке. В качестве материала выбран соответствующий данной иерархии фрагмент базы английского языка WordNet. Выбор материала обусловлен тем, что разработчики ставили себе целью дать как можно более полное описание лексической системы американского варианта английского языка.

Рассмотренный фрагмент WordNet насчитывает 3944 названия животных. Для установления их функционально-стилистической принадлежности мы использовали разные источники. Например, некоторые дефиниции в базе WordNet содержат пометы, указывающие, к какому типу лексики относятся единицы, такие как *informal* ‘неформальный’, *specialized* ‘специальный’, *regional* ‘региональный’: *sausage dog, sausage hound (informal term); critter (a regional term for ‘creature’ (especially for domestic animals))*. К сожалению, немногие единицы в базе сопровождались пометами. Чтобы определить их стилистико-функциональную принадлежность, понадобились дополнительные источники, такие как онлайн-словарь Dictionary.com, который является расширенной версией бумажного словаря Random House Webster's Unabridged Dictionary. Пометы в Dictionary.com более точные, чем в WordNet: *acrodont – Zoology having rootless teeth fastened to the alveolar ridge of the jaws* (в отличие от пометы *specialized* содержит указание на точную предметную область); *dogie – Western U.S. a motherless calf in a cattle herd* (в отличие от пометы *regional* содержит указание на точную территорию употребления единицы).

Онлайн-словарь Dictionary.com позволил конкретизировать сферу употребления многих единиц: *informal term = slang, colloquial; specialized = zoology, anatomy, biology, fishing terms; dialectal = British, American, Western British* и др. Названия животных были распределены нами по группам согласно их функционально-стилистической принадлежности.

1. **Общепотребительная лексика** – нейтральная со стилистической точки зрения (86,09 %): *bird* ‘птица’, *insect* ‘насекомое’, *tiger* ‘тигр’, *white stork* ‘белый аист’, *stag* ‘самец оленя’, *guide dog* ‘собака-поводырь’.

2. **Лексика ограниченного употребления**, использование которой тем или иным образом ограничено, к ней относятся (13,91 %).

- специальная лексика, употребление которой ограничено определенной областью знания (10,51 %): *whitebait* ‘молодь рыбы’, *spawner* ‘икрянка, нерестящаяся рыба’, *bycatch* ‘прилов, случайно пойманная рыба’ – рыболовство;

- неформально-разговорная лексика, преимущественно употребляемая в устной речи (1,18 %): *pooch* ‘песик’, *mutt* ‘шавка’, *sausage dog* ‘собака-сосиска, такса’, *twitterer* ‘птица-щебетунья’, *critter* ‘нечто живое, существо’;

- территориально ограниченная лексика, принадлежащая определенным диалектам и национальным вариантам английского языка (1,42 %): *dogie* ‘теленочек, отбившийся от матери, в западноамериканском английском’, *teg* ‘однолетняя овца, в британском английском’;

- территориально ограниченная неформальная лексика используется в устной речи на определенной территории (0,8 %): *feist* ‘собачонка, неформальный американский английский’, *moke* ‘неформальное название осла в Великобритании’.

Перечисленные группы лексики распределены по уровням гипер-гипонимической иерархии следующим образом (рисунок).

Далее мы установили, как единицы ограниченного и общего употребления соотносятся со структурой гипер-гипонимической иерархии. Оказалось, что место, занимаемое единицей в структуре иерархии, не зависит от ее функционально-стилистической принадлежности.

Как и следовало ожидать, общеупотребительная лексика стала основой для гиперо-гипонимической структуры. Единицы данной группы чаще остальных выступают в качестве как гиперонима, так и гипонима, тем самым обеспечивая связь между уровнями иерархии: 52,25 % от всех общеупотребительных единиц выступают в роли подчиняющего и подчиненного члена, как *tiger* в примере: *big cat* 'большие кошки' → *tiger* 'тигр' → *Bengal tiger* 'бенгальский тигр'. Кроме того, в пределах одного уровня общеупотребительные единицы насчитывают больше когипонимов, чем единицы других стилистико-функциональных групп: одна общеупотребительная единица в среднем имеет шесть-семь когипонимов: *big cat* 'большие кошки' → *leopard* 'леопард', *jaguar* 'ягуар', *lion* 'лев', *tiger* 'тигр', *cheetah* 'гепард' и т.д.

Остальные функционально-стилистические группы лексики играют не столь важную роль в формировании структуры иерархии. Например, термины образуют короткие гиперо-гипонимические ряды протяженностью не более чем в два-три члена, которые находятся в последовательном подчинении друг к другу: *racer* 'спортивная беговая собака' → *steepchaser* 'собака, участвующая в забеге с препятствиями'; *food fish* 'промысловая рыба' → *rough fish* 'сорная рыба'. Также встречаются случаи, когда термины вступают в когипонимические отношения на основании противопоставления по определенному признаку: *fish* 'рыба' → *bony fish* 'костные рыбы', *cartilaginous fish* 'хрящевые рыбы', *animal* 'животное' → *poikilotherm* 'холонокровные', *homeotherm* 'теплокровные'. Следовательно, гиперо-гипонимические и когипонимические отношения в специальной лексике менее развернуты, чем в общеупотребительной.

Согласно WordNet неформально-разговорные единицы, а также единицы, относящиеся к диалектам и национальным вариантам английского языка, не образуют гиперо-гипонимические ряды, а наоборот, замыкают их, становясь конечными точками иерархии. Цепочки, в которые входят единицы с территориально ограниченным употреблением и неформально-разговорные единицы, обычно имеют вид «общеупотребительная единица → единица ограниченного употребления»: *dog* 'собака' → *pooch* 'песик', *animal* 'животное' → *creepy-crawly* 'любое ползающее животное', *lamb* 'ягненок' → *teg* 'однолетняя овца в британском английском', *domestic ass* 'осел' → *moke* 'осел в британском английском'. Обнаруженные закономерности подтверждают слова Д. А. Круза о том, что в гиперо-гипонимической иерархии слова ограниченного употребления следует рассматривать не в качестве полноценных членов иерархии, а как варианты общеупотребительных лексем (Cruse 2002). В целом обнаруженные закономерности свидетельствуют о том, что единицы с территориально ограниченным употреблением и неформально-разговорные единицы занимают периферийное положение в иерархии.

Проведенное исследование показало, что общеупотребительная лексика в гиперо-гипонимической иерархии «Названия животных» в американском варианте английского языка осуществляет системообразующую функцию, а лексика ограниченного употребления – будь то специальная терминологи-

ческая, неформально-разговорная или диалектная лексика – незначительно влияет на формирование общей структуры гиперо-гипонимической иерархии. Тем не менее полученные результаты показали, что гиперо-гипонимические отношения характерны для всех единиц лексической системы независимо от их функционально-стилистической принадлежности.

А. В. Сытько

СЕМАНТИКА ОЦЕНКИ В ДЕОНТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

Употребляя деонтическое высказывание, говорящий не просто указывает на действие для выполнения в будущем, осуществление которого позволит изменить ситуацию, но показывает свое оценочное отношение к этому действию. Деонтика базируется на позитивном ценностном отношении, т. е. на отношении к действию как к благу для исполнителя этого действия. Однако в определенных контекстах деонтическое высказывание обогащается негативной оценкой. Целью работы стало выявление семантических факторов обогащения деонтических конструкций аксиологическими коннотациями в русском и немецком языках.

Установлено, что аксиологическое усложнение деонтической семантики тесно связано как с темпоральными характеристиками модальной конструкции, так и с пересечением с волитивной семантикой.

Конструкции стандартной проективности, отнесенные к плану настоящего. Пересечение деонтики в конструкциях стандартной проективности с волитивной модальностью ведет к их семантическому усложнению негативной оценкой, сигнализируя, что необходимое действие не вписывается в планы деонтического субъекта, он в нем не заинтересован, что вызывает его недовольство. Это происходит

1) при генерализации однократной необходимости: *Это же что такое? – вопит Текла Павловна. – Я должна и бабушку вести, и за мальчиками смотреть, и вещи сдавать!?* Я не могу. Я решительно отказываюсь. Это не в моих силах (З. Н. Гиппиус «Ближе к природе», 1896);

2) в итеративных конструкциях, указывающих на излишнее повторение какого-либо действия (*много раз/mehrmals*): *надо будет тысячу раз что-то заполнять.*

Подобное негативнооценочное обогащение получают конструкции однократной возобновляемой необходимости, в которых есть маркер повтора действия (*снова/wieder*), однако только в случаях контекстного указания на отрицательное отношение к возобновлению действия, а также в случае его имплицатуры:

Ладно, зря вспомнилось. Теперь снова надо уговаривать себя забыть. Лишние воспоминания – лишний груз (Г. М. Артемьева «Фата на дереве», 2012).

IOC-Chef Bach hätte gerne einen demokratischen Gastgeber, doch im Westen ist Olympia out. Nun siegt Peking oder Almaty und er muss wieder über Menschenrechte reden ‘Руководитель МОК Бах хотел бы, чтобы принимающая сторона была демократичной, но Олимпиада на Западе не состоится. Побеждают Пекин или Алматы, и ему снова придется говорить о правах человека’ (Die Zeit, 31.07.2015, online, DWDS)

Отнесенность конструкции к плану будущего. В случае предикации конструкции к будущему оценочная семантика характерна только для немецкого языка. Деонтический предикат в форме будущего времени Futurum I отмечается нечасто. Временная форма глагола указывает исключительно на умозаключение говорящего о необходимости в будущем, которая, однако, сопряжена с определенными сложностями для исполнителя, о чем свидетельствует речевое окружение с оценочными суждениями. Например, *Er wird also ständig pendeln müssen, für ihn als vierfachen Familienvater eine zusätzliche starke zeitliche Belastung* ‘Поэтому ему придется постоянно ездить на работу, что является дополнительным тяжелым бременем для него как для отца четверых детей’ (Die Zeit, 09.01.2018, online, DWDS).

Отнесенность конструкции к прошлому. Деонтическое высказывание с предикацией к прошлому, употребляясь говорящим для фиксации факта осуществления/неосуществления действия, обогащается аксиологически полярными смыслами, а именно позитивной или негативной оценкой. Для уточнения знака оценки расширяется контекст деонтического высказывания, чаще всего правый.

В случае позитивной оценки деонтическое высказывание сопровождается указывающим на совершение необходимого действия глаголом в прошедшем времени: *я должен был сделать и сделал*. Отметим, что несмотря на позитивную оценку выполнения, сам контекст может быть негативно-оценочным (*самому не нравится то, что я сделал, но я должен был это сделать*).

Если речь идет о негативной оценке, то модальная конструкция включается в состав сложносочинительной синтаксической модели с двумя типами противопоставления: противительно-уступительным (с союзами *но/aber, doch*) и контрастно-сопоставительным (с союзом *а*).

В случае уступительного противопоставления правая часть синтаксической модели демонстрирует признание говорящим факта невыполнения, т. е. нарушение обязанности (*должен был сделать А, но не сделал А*), что вызывает сожаление и порицание (*то, что ты должен был сделать, хорошо, но ты не сделал, и это плохо*), например,

Он получил большой срок, а я не вмешался, я должен был тогда вмешаться, думал об этом, но ничего не сделал (Р. Медведев «Из воспоминаний об А. Д. Сахарове», 2002).

Противительная часть используется также для аннулирования порицающей силы деонтики. В ней сообщается, почему действие не реализовано (*должен был сделать А, но объективные условия не позволили сделать А*):

Надо было встать и уйти, но сил не было (Л. Улицкая «Пиковая дама», 1995–2000).

Ich musste mehr trinken, aber ich konnte einfach nicht ‘Мне надо было больше пить, но я просто не мог’ (Berliner Zeitung, 23.07.2001, DWDS).

Аргументирующее противопоставление реализуется не только в рамках линейного развертывания высказывания, но и в диалоге, когда адресат подхватывает реплику речевого партнера и сам обосновывает невозможность выполнения необходимого действия. Например, – **Я должен был это сделать гораздо раньше.** – *Но ты был болен! У тебя есть справка от врача.*

Контрастное противопоставление сопоставляет положительно оцениваемое необходимое, но неосуществленное действие и иное осуществленное действие, которое оценивается отрицательно (*должен был сделать А, но сделал Б*). Такая модель интерпретируется следующим образом: *то, что ты должен был сделать, хорошо, а то, что ты сделал, плохо*. Например, *Он приходил сюда с хорошим чувством! Ты должен был понять его, а ты был жесток с ним* (А. П. Чехов «Безотцовщина», 1878).

Негативно-оценочный характер деонтической конструкции, реализованной в прошедшем времени, поддерживается различными факультативными компонентами, такими как оценочные маркеры (*к сожалению, жаль; leider*), усилительные частицы (*хоть, же/ doch*) и отсылающие к прошлому темпоральные наречия (*раньше, тогда, сперва, сначала*). Отметим, что при наличии факультативных маркеров чаще всего противопоставительная часть сложносочиненного предложения опускается. Кроме этого, в случае негативной оценки левый контекст деонтического высказывания расширяется 1) различными негативно-оценочными суждениями (*стыдно, виноват/сам виноват, это было/поступил неправильно, ты сделал ошибку* и т. п.), а также 2) вопросительными высказываниями, свидетельствующими о непонимании (*почему не сделал? ты должен был сделать; зачем ты делаешь это сейчас? ты должен был уже это сделать*).

В отличие от утвердительных конструкций с предикацией к прошлому, конструкции с отрицанием всегда имплицитно подразумевают факт совершения действия, однако именно реализация действия оценивается негативно: *она не должна была прийти!* = было необходимо, что она не придет = она должна была не прийти). Подобные конструкции эмфатичны и реализуют только порицающую семантику. Например,

Ты не должен был убивать художника. Было задание следить, говорить с ним (Н. Желунов «Рагомор», 2007);

Дурак! Дурак! Я виноват во всем! Я не должен был везти вас на озеро Блэд! Такие случаи и раньше бывали с людьми после посещения этого чертова озера! (Т. Окуневская «Татьянин день», 1998).

Узуальные конструкции. Соотнесение с прошлым или будущим узуальных конструкций, когда необходимое действие лишено временной конкретности осуществления и включается в темпорально неопределенный ряд повторений действия, приводит к обогащению их семантики негативной

оценкой, ср.: *дорогу надо переходить на зеленый* (правило) – *надо было переходить на зеленый* (упрек, сожаление) – *надо будет на зеленый переходить [впредь/в следующий раз]* (сожаление в связи с негативным опытом от несоблюдения правила).

Таким образом, деонтическая конструкция с предикацией к прошлому, настоящему и будущему участвует в реализации различных аксиологических смыслов. рассмотрение оценочных характеристик деонтических конструкций в двух языках позволяет констатировать их идентичность. Модифицируя семантику модальной конструкции, говорящий задает прагматические параметры, нацеленные на создание определенного иллокутивного эффекта в реализуемом речевом сообщении.

В. С. Туровец

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СУБСТАНТИВНЫХ СОСТАВНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материале русского и белорусского языков)

В словарной системе языка обнаруживается немалое количество пограничных явлений: одна и та же лексическая единица может трактоваться с разных позиций, относясь к различным языковым явлениям. В русском и белорусском языках представлен класс единиц составной формы и номинативной направленности, которые, по данным словарей, могут как причисляться к фразеологическим единицам, так и являться особыми формами номинации окружающей действительности, например: *железная дорога*, *белый гриб*, *дзіцячы сад*, *агульны сшытак*. Вопросы об определении степени обособленности субстантивных составных номинативных единиц (ССНЕ), отнесении сочетания слов к одному из указанных типов языковых единиц носят дискуссионный характер. Цель работы заключается в описании семантических особенностей, которые отличают ССНЕ от фразеологических единиц.

ССНЕ обладают высокой степенью слияния лексического значения компонентов, орфографической раздельнооформленностью, составной формой, образуются по модели словосочетания, на трансформационные преобразования реагируют изменением лексического значения слов-компонентов. Данные характеристики сближают субстантивные составные номинативные единицы с фразеологическими единицами. Кроме того, как ССНЕ, так и фразеологизмы являются единицами, характеризующимися номинативной функцией, т. е. служащие «для называния и вычленения фрагментов действительности» (В. Н. Телия 1990). Однако в рамках узкого понимания объема фразеологии, помимо семантической целостности, существенными признаками фразеологического значения выступают образность, оценочность и экспрессивная окраска (В. П. Жуков; А. В. Кунин). И относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением, понимается как фразеологическая единица

(В. М. Мокиенко 1989). При таком подходе фразеологизмы характеризуются наличием следующих структурно-семантических признаков: экспрессивность и фигуральность высказывания; семантическая целостность, невыводимость значений компонентов из общего значения; постоянство лексического состава и ригидность грамматической структуры с минимумом допустимых трансформаций (Г. О. Щукина 2015). Но, вместе с тем, на семантическом уровне между ССНЕ и фразеологическими единицами обнаруживается ряд различий, которые являются основанием их дифференциации.

Субстантивные составные номинативные единицы обладают прямой номинативной направленностью и называют конкретный объект или явление окружающей действительности без эмоционально-стилевой и оценочной характеристики. Так, в единице *галаўны ўбор* белорусского языка основные семы передают нейтральную характеристику объекта названия, и компоненты употреблены в прямом номинативном значении – ‘для галавы’ + ‘адзенне’.

И напротив, фразеологические единицы выполняют экспрессивную функцию. Например, во фразеологическом сочетании *дзіравая галава* актуализируется вторичная семантическая функция. В результате метонимического переноса *галава* рассматривается как ‘чалавек’, а не как ‘частка цела’, а слово *дзіравая* имеет метафорическое значение ‘дрэнны’. Выделенные компоненты придают всей единице экспрессивную окрашенность и дополнительный оценочный характер, образуя коннотативный компонент значения.

Подобная особенность характерна и для русского языка. Например, значения компонентов единицы *записная книжка* являются безоценочными – ‘скрепленные листы’ + ‘для записей’. Это свидетельствует о том, что данная единица выполняет только номинативную функцию. А во фразеологической единице *заколдованный круг* компонент *круг* рассматривается не как ‘геометрическая фигура, окружность’, а как ‘замкнутость, отсутствие конечной точки’, в основу переноса метафорического значения заложено реальное свойство объекта. Компонент *заколдованный* рассматривается с точки зрения факультативного значения ‘недоступный, странный’, а не денотативного значения ‘относящийся к магии’ и придает негативный характер всей фразеологической единице. В этом случае при семантическом сдвиге наиболее ярко выражен коннотативный семантический признак.

Таким образом, значительным отличительным свойством ССНЕ и фразеологических единиц является выраженность (+) / невыраженность (-) эмоционально-оценочного компонента значения в словарной дефиниции.

Между субстантивными составными единицами и фразеологическими единицами существуют различия в проявлении переноса значений их компонентов. В субстантивных составных номинативных единицах главный компонент употребляется, как правило, в прямом значении. Например, субстантивная составная номинативная единица *званы абед* прямо обозначает ‘прием пищи с приглашенными гостями’, а *земной шар* – ‘объект шарообразной формы’, что можно представить в виде следующей схемы – [прямое значение / коннотация (-)] + [прямое значение / коннотация (-)]. Несмотря на то, что их

компоненты взаимозависимы и общее значение субстантивных составных номинативных единиц предстает при совместном использовании слов-компонентов, главное слово передает определенное номинативное значение, которое является ведущим в смысловой структуре единиц.

Для фразеологических единиц характерно общее переосмысление – оба компонента теряют свое прямое значение. Например, под фразеологической единицей *благодатная почва*, образованной по модели [переносное значение / коннотация (+)] + [переносное значение / коннотация (+)], понимается не ‘верхний слой земной коры’, а ‘хорошие условия’, *стары воўк* соотносится не с волком, а человеком. В данных фразеологических единицах главные компоненты непосредственно не соотносятся с обозначаемыми реальными объектами, а служат наименованию через характеристику субъекта ментальной деятельности и определенной ситуации. Это обуславливает оценочность и экспрессивность рассмотренных единиц.

Вместе с тем существуют ССНЕ, в которых, как и во фразеологических единицах, в прямом значении употреблен только главный компонент, например, ССНЕ *белое мясо* и фразеологическая единица *белая ложь*. Данные единицы имеют следующую структуру: *белое мясо* – [переносное значение / коннотация (-)] + [прямое значение / коннотация (-)]; *белая ложь* – [переносное значение / коннотация (+)] + [прямое значение / коннотация (-)]. В структуре значения ССНЕ опорный элемент *мясо* прямо называет объект. Однако зависимый компонент не выражает формальную характеристику. Объект номинации не белый, а включает мясо определенных животных и питательной ценности. Тем не менее, несмотря на переосмысленное значение зависимого компонента, единица *белое мясо* является субстантивной составной номинативной единицей ввиду отсутствия экспрессивно-оценочного значения. Тогда как внешне структурно подобные сочетания *белая ложь*, *горький опыт* являются фразеологическими единицами, так как зависимый компонент придает всему словосочетанию коннотативное значение.

Таким образом, несмотря на формальную схожесть с фразеологическими единицам, субстантивные составные номинативные единицы характеризуются исключительно номинативной направленностью, отсутствием образности и эмотивно-оценочного значения. Наряду с этим, ССНЕ представлены двумя моделями, в которых 1) оба компонента употреблены в прямом значении; 2) имеет место переосмысление зависимого компонента, а главный компонент выступает в прямом значении.

ГРАММАТИКА

Р. С. Барановский

РОЛЬ КОНТАМИНАЦИИ В ОФОРМЛЕНИИ АНГЛИЙСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ РАВНОЗНАЧНОСТИ

Семантическая категория равнозначности может считаться одной из конституирующих категорий научного дискурса. В английском языке данная категория получает выражение в виде упорядоченной совокупности синтаксических конструкций – *X is Y*, *X denotes Y*, *X is defined as Y* и др., например: *Deforestation refers to the destruction of forest cover* ‘Вырубка лесов означает уничтожение лесного покрова’.

Функционирование синтаксических конструкций, репрезентирующих семантическую категорию равнозначности, в большой степени обусловлено требованиями к научному изложению, такими как высокая плотность информации, ссылки на более ранние исследования, краткость (Л. А. Ахтаева, И. В. Дмитриева, В. Е. Чернявская). На поверхностном уровне синтаксической структуры стремление удовлетворять указанным требованиям выражается в употреблении полипропозитивных конструкций, операторов эпистемической модальности, а также в использовании конструкций с потенциальной предикативностью (Р. С. Аликаев, И. В. Дмитриева).

На наш взгляд, реализации вышеупомянутых требований, предъявляемых к научному изложению, способствует явление контаминации. Данный термин допускает различные толкования. Так, Г. Г. Почепцов определяет его как «слияние двух разновидностей члена предложения», при котором возникает новая разновидность с иными свойствами. В свою очередь, в «Словаре лингвистических терминов» под ред. О. С. Ахмановой этот термин трактуется как взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой языковой единицы.

Применительно к объекту нашего исследования – конструкциям равнозначности – мы понимаем под *контаминацией* синтаксический процесс, сущность которого заключается во взаимодействии двух структурных моделей предложения, соотносящихся в парадигматическом ряду, с образованием новой, формально и семантически усложненной модели предложения, например: *The terms generally used to denote these two types of semantic relatedness [semantic similarity and semantic contrasts] (X) are synonymy and antonymy (Y)* ‘Термины, обычно используемые для обозначения таких двух типов семантических отношений, как семантическое сходство и семантический контраст, – это синонимия и антонимия’. Приведенное высказывание является резуль-

татом контаминации двух синтаксических конструкций равнозначности – X is Y и The term X is used to denote Y. Семантическим следствием контаминации в данном случае можно считать комплексный характер семантической функции, выполняемой результирующим высказыванием: констативное приравнивание термов X и Y с сопутствующим указанием на обезличенность и конвенциональность трактовки соответствующего понятия. Аналогичный эффект усложнения формальной и семантической структуры предложения будет наблюдаться и в других контаминированных моделях конструкций равнозначности. Конкретное направление такого усложнения будет зависеть от тех более простых синтаксических конструкций, которые становятся базой для синтаксического процесса контаминации.

В. И. Бельченко

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Следствие в языке и в науке занимает особое место. В причинно-следственных отношениях обнаруживается одна из наиболее общих закономерностей языка и мышления, без понимания которой невозможно осмыслить и выразить идеи взаимосвязи явлений, событий и предметов, существующей в природе, а следовательно, и в языке, так как язык есть отражение действительности.

Следствие в языке, как в реальной действительности, также и в науке – одна из важнейших категорий. Цель предпринимаемого исследования состоит в выявлении специфики средств реализации ФСП следствия в немецкоязычных текстах художественного стиля.

Многообразие способов и средств выражения категории следствия порождает разноречивые интерпретации ее лингвистического статуса. Наиболее обоснован взгляд на категорию следствия как функционально-семантическую. Лингвистическая категория следствия характеризуется широкой семантической вариативностью, связанной с разноплановой и сложной системой средств формального выражения.

Средства, обслуживающие категорию следствия в современном немецком языке, разнообразны и относятся к разным уровням языка – лексическому и грамматическому. На лексическом уровне следствие получает свое выражение глаголами и существительными с семантикой следствия. Для выражения конзекутивности на грамматическом уровне служат сложноподчиненные и сложносочиненные предложения.

Взяв за основу классификацию средств выражения следствия, предложенную немецкими грамматистами во главе с Й. Буша, на грамматическом уровне мы выделяем следующие средства выражения.

- Сложноподчиненное предложение – с союзом *so dass*:

Sie erwarte, dass das noch in der kommenden Woche gelinge, so dass noch vor der internationalen Konferenz am 10. Und 11. Dezember, die den Pakt annehmen soll, ein Beschluss des Bundestags falle.

- С союзом *dass* и коррелятом *so* в главном предложении:

Die Empörung über Merkel ist so groß, dass Seehofer sogar das für Februar geplante Versöhnungstreffen zwischen CDU und CSU infrage stellt.

- Сложносочиненное предложение с союзными наречиями *darum/deshalb*, и союзами *so, also*:

Auch in großen Kliniken lässt sich die Zahl der Organspenden im Jahr an einer Hand abzählen. Deshalb sollen die Transplantationsbeauftragten jetzt für ihre Tätigkeit besser freigestellt werde.

- Бессоюзные предложения:

Sie lief sehr schnell, keiner konnte sie überholen. / Ihr schnelles Laufen war die Ursache dafür, dass keiner sie überholen konnte.

На лексическом уровне функционально-семантическое поле следствия представлено глаголами и существительными с семантикой следствия (*kommen zu, führen zu, die Folge*), например:

Die wichtigste und allgemeinste Folge der Ohnmacht ist die Wut, die besonders durch ihre Ohnmächtigkeit gekennzeichnet ist.

Основываясь на вышеупомянутой классификации средств выражения следствия, мы проанализировали 135 000 словоформ из произведений Г. Белля «Потерянная честь Катарины Блум», «Поезд прибывает по расписанию», «Чем кончилась одна командировка», в которых встретилось 124 случая употребления.

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что наиболее употребительным средством выражения следствия является сложноподчиненное предложение с союзом *dass* и коррелятом *so* (42,7 % – 53 случая употребления из 124).

Придаточное предложение с союзом *dass* и коррелятом *so* в главном предложении используется, если следствие в придаточном вытекает из особой степени обстоятельства в главном предложении.

Корреляты *so, derart* в этом случае используются для активизации экспрессивности, эмоционального воздействия, привлечения внимания адресата к последующей информации.

Особенностью коррелятов является ослабление собственно понятийного содержания и выдвижение на первый план эмоционального, субъективно-оценочного, образно-экспрессивного. Исходя из этого, наиболее ощутима эмоциональная выразительность в художественном стиле, что объясняется его функциями. Эмоциональность имеет двустороннюю, взаимозависимую направленность на предмет и на адресата речи. В случае направленности на предмет она составляет эмоциональную сторону высказывания, при направленности на адресата – повышает коммуникативное воздействие содержания

синхронно с процессом непосредственной коммуникации. Поэтому синтаксис речи художественного стиля носит отпечаток недостаточной продуманности и спонтанности, что проявляется в непоследовательности и небрежности.

Вполне закономерно, что автор художественного текста производит в соответствии с установкой на воздействие выбор и организацию речевых средств таким образом, чтобы они не просто передавали смысл, но и стимулировали эмоциональную реакцию адресата, что проявляется «в широком употреблении наиболее выразительных и эмоционально окрашенных языковых единиц». Адресат художественного текста – предполагаемый, а значит и восприятие им текста как бы отсрочено, т. е. автор ведет по всей канве создания текста (контекста) подготовку его рецепиенции в виде перлокутивного эффекта высказываемого, побуждающего к адекватному восприятию интенций субъекта речи, т. е. самого автора.

*Der Schmerz ist **so gewaltig, daß** er auf der Schwelle des Hauses steht und auf die Stelle der Straße blickt, wo er ohnmächtig geworden ist, der Schmerz ist **so groß, daß** er ihn nicht spürt.*

*Diese Sache ist seit gestern **so geheim, daß** wir seit heute früh keinerlei Informationen mehr von dort bekommen haben.*

*Er spricht jetzt leiser, ganz furchtbar leise, **so drohend leise, daß** Andreas lachen muß.*

Бессоюзные предложения и сложносочиненные предложения с союзным наречием *deshalb* представлены примерно с одинаковой частотой (21 и 17 случаев употребления).

*«Ich hab Angst», murmelt der Unrasierte noch in Andreas' Ohr, »Angst hab ich, Angst vor dem Tode, aber mehr Angst noch davor, zurückzufahren und zu ihr zu gehen, **deshalb** will ich lieber sterben. vielleicht schreib ich ihr.*

*Er war so lieb gewesen, und **deshalb** hatte sie ihm gar nichts von dem Ärger erzählt, weil er nicht das Gefühl haben sollte, er sei die Ursache irgendeines Kammers*

Später wurde die Praxis geschlossen, das Haus beschlagnahmt, ich mußte mein Zimmer räumen.

Auch der zweite Zug ist abgefahren, der Bahnhof ist jetzt leer.

Примечательно, что автор для выражения следственных отношений использует соединительный союз *und*, который не отмечается в классификации.

*Sein Vater sei im Bankfach **und** er könne mit den besten Anlagemöglichkeiten rechnen - mehr als fünfhundert Deutsche Mark.*

*Zur Sache selbst habe er nur noch folgendes zu sagen: er sei kein Künstler, habe auch keinen künstlerischen Ehrgeiz, er könne nur nachempfinden, nichts Eigenes schaffen, habe aber bei seinem Sohn eine Begabung festgestellt, **und** er habe sich bereit erklärt, an dieser Sache mitzuwirken.*

Все остальные средства выражения следствия в романе представлены в единичных случаях.

***Folge:** noch keine Magengeschwüre, aber Blornas Magen beginnt sich zu melden.*

И. В. Дмитриева, Е. С. Безменова

НОМИНАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ УГРОЗЫ

Каноническая модель высказывания со значением угрозы в английском языке представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным условия, где главное предложение (комиссивная составляющая) служит выражению собственно угрозы, т. е. вербализует обещание причинить вред адресату, а придаточное предложение содержит информацию об условиях, при которых угроза будет выполнена. При этом содержание придаточного предложения может быть интерпретировано как указание на то действие, выполнение которого позволит адресату избежать негативных действий адресанта. Для этого, как было показано в исследовании Р. Карчевского, достаточно применить операцию логического отрицания. Соответственно, придаточное предложение можно оценивать как директивную составляющую. Например, в предложении *If you do that I shall call the police* условием выполнения угрозы является *you do that*, а директив понимается как 'do not do that'.

Ожидаемо, что в семантической структуре предложения участники коммуникативной ситуации угрозы будут представлены семантическими ролями агенса и пациенса. К примеру, в предложении *If you don't tell me the truth, I will end you without a doubt* адресант и адресат угрозы вербализованы как семантические агенс *I* и пациенс *you* главного предложения. Что вполне обосновано, поскольку именно главное предложение передает информацию о том, кто и какие негативные действия будет выполнять по отношению к адресату угрозы. В придаточном предложении семантический агенс *you* служит именованию адресата угрозы, поскольку в этой части содержится требование выполнения адресатом угрозы определенных действий. Таким образом, адресат угрозы вербализуется дважды: как семантический пациенс главного предложения и семантический агенс придаточного. В подобных употреблениях номинативные элементы служат прямому именованию участников коммуникативной ситуации угрозы.

Отобранный языковой материал анализа показал, что наряду с прямой вербализацией участников ситуации угрозы в предложении существуют и другие, достаточно разнообразные способы представления участников коммуникативной ситуации угрозы, с одной стороны, а с другой стороны, номинативные элементы семантической структуры предложения могут именовать не только непосредственных участников коммуникативной ситуации. Например, в предложении *If you disobey me again, I will find your family and shoot them right there* семантический агенс придаточного предложения *you* называет адресат угрозы, но данный участник не является объектом, на которого будет направлено негативное действие адресанта. Пациенс главного предло-

жения вводит еще одного участника – *your family, them*, которому и будет нанесен вред. Данное употребление иллюстрирует асимметрию семантических и коммуникативных ролей в высказывании со значением угрозы.

В то же время допустима еще одна вариация асимметрии в семантике менасивного высказывания. Например, в предложении *If you do this, they will kill him instantly* агенс и пациенс главного предложения не называют адресанта и адресата угрозы, поскольку ни *they*, ни *him* не являются участниками данного эпизода общения (говорящим и слушающим), хотя они выступают субъектом-исполнителем угрозы и объектом негативных действий соответственно. Такие употребления показывают, что кроме соотнесения семантического уровня (номинативные элементы в семантической структуре предложения) и коммуникативного уровня (участники коммуникативной ситуации угрозы) необходимо привлекать к анализу и уровень эпизода общения. Тогда сопоставлению будут подвергаться пары: семантический агенс и пациенс, коммуникативный адресат и адресант угрозы и ситуативный говорящий и слушающий. Подобное сопоставление востребовано и при анализе употреблений, аналогичных примеру *If he speaks again without me knowing who he is, I will throw him out of the window*, где объект угрозы *him* не является участником эпизода общения, слушающим.

В качестве варианта описанной выше асимметрии семантических, коммуникативных и ситуативных ролей можно рассмотреть высказывание *The King will have you banished from this kingdom if you tempt him. The King*, будучи агенсом главного предложения, служит именованию субъекта, выполняющего негативные действия по отношению к объекту угрозы, но не является участником эпизода общения; адресант и лицо, исполняющее угрозу, не совпадают.

Асимметрия семантических, коммуникативных и ситуативных ролей может усиливаться при использовании некоторых грамматических структур, в частности, при употреблении предиката главного предложения в страдательном залоге. В предложении *But if one resists and rebels, he will be devoured by the sword* синтаксическое подлежащее главного предложения *he* не является семантическим агенсом, что связано с морфологической формой страдательного залога, в котором стоит глагол-предикат – *will be devoured*. Значение морфологической формы глагола указывает на то, что *he* является объектом воздействия, а не субъектом действия. Предложное дополнение *by the sword* служит именованию агенса-исполнителя негативного действия, который не может рассматриваться ни как адресант в коммуникативной ситуации угрозы, ни как говорящий в описываемом эпизоде общения. Такая асимметрия уже четырех уровней (синтаксический, семантический, коммуникативный, ситуативный) позволяет предположить, что несмотря на то, что в предложении содержится указание на негативные действия и условие выполнения этих негативных действия, прагматически данное высказывание может быть интерпретировано не как менасивный речевой акт (угроза), а как предупреждение.

Таким образом, анализ номинативных элементов семантической структуры предложений со значением угрозы показал, что прямое соотнесение, прямая номинация участников ситуации угрозы является лишь одним из возможных способов вербализации. Остальные варианты представляют собой своего рода проекции, степень удаленности которых от канонической модели определяется, прежде всего, соотношением семантических, коммуникативных и ситуативных ролей, а также требует учета возможных вариантов, получающих свою реализацию на синтактико-морфологическом уровне. Составление номенклатуры таких проекций в дальнейшем может показать, что угроза как речевой акт это не только «обещание причинить вред». В отличие от русского языка английские словарные дефиниции глаголов *threaten* и *menace* подчеркивают комплексный характер менасива, в котором сопрягаются комиссив как обещание причинить вред, и директив как некоторое требование, выполнение которого может позволить избежать причинения вреда. Угроза предстает как манипулятивное речевое действие, целью которого является не «причинение вреда», а выполнение адресатом некоего действия. Степень удаленности конкретной вербализации от канонической модели позволяет объективировать различия угрозы и предупреждения.

Е. В. Зуевская

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Уступительные отношения представляют собой отношения противопоставления между элементами простого предложения или частями сложного и являются итогом взаимодействия двух причинно-следственных связей. Данные отношения граничат с условными, причинными и противительными отношениями, имея определенные отличия. По сравнению с уступительными, в условных и причинных отношениях события не противоречат друг другу. От противительных отношений уступительные отличаются тем, что в них соотносятся две ситуации, из которых одна не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собою другую.

В рамках уступительности возможно выделить три вида противоречия: *актуальное*, *относительное* и *неактуальное*, которые могут выражаться в немецком языке языковыми единицами, относящимися к лексическому и грамматическому уровням.

А б с о л ю т н о е противоречие предполагает противостояние актуальному положению вещей и выражается с помощью глаголов *widersprechen*, *widerrufen*, *überraschen*, *zwingen* в значении несовместимости либо нелогичности высказывания:

Sie widerspricht der Freundin, lobt ihre inneren Werte, beruhigt den Dämon in ihr, den sie endlich erkannt hat.

Также аналогичные существительные, прилагательные и наречия *Widerspruch*, *Enttäuschung*, *Inkonsequenz*, *Reklamation*, *widersprüchlich*, *widerspruchsvoll*, *unlogisch*, *paradox* указывают на нелогичность ситуации:

*Der **Widerspruch** in Form einer Verneinung ist dementsprechend ein extrem riskantes Verhalten, da es im Ernstfall zum Ausschluss aus der Gruppe führen kann. Aber die vielen Erzähl- und Gedankenstränge laufen zu oft nebeneinander her, fügen sich nicht wirklich zu einem **widerspruchsvollen** Ganzen.*

На грамматическом уровне для выражения абсолютного противоречия могут использоваться сложноподчиненные предложения с союзами *obwohl*, *obgleich*, *trotzdem* или относительным наречием *wo*: *Seitdem klebt das Verliererinnen-Image an ihr, **obwohl** sie am Ende Mehr als ein Drittel der Französischen und Franzosen überzeugte, womit der Front mehr Stimmen holte als jemals zuvor bei einer landesweiten Wahl.*

Помимо этого, широко употребительными являются сложносочиненные предложения либо два самостоятельных предложения, второе из которых содержит наречия *trotzdem*, *dennoch*, *gleichwohl*: *Das Tor war weit geöffnet, der Zaun kein unüberwindlicher. **Dennoch** sah er zu mir, als würden wir uns nie mehr begegnen können.*

Предложные сочетания с предлогами *trotz*, *zum Trotz*, *ungeachtet* также регулярно используются для выражения абсолютного противоречия: ***Trotz** guter Bilanzen stellen große Firmen kaum noch ein. / Die Begründung: Trunkenheit am Steuer – **ungeachtet** ihres außergewöhnlichen Transportmittels.*

Относительное противоречие подразумевает ограничение имеющего положения вещей, а аргументы рассматриваются в качестве альтернативы реальной ситуации, для чего могут использоваться следующие лексические средства: глаголы *einräumen*, *zugeben*, *sich überwinden*; существительные *Kompromiss*, *Konzession*, *Zugeständnis*; прилагательные, причастия и наречия *widersinnig*, *zögernd*, *einigermaßen*:

*Der Politiker **räumte ein**, dass er einige Fehler gemacht hatte.*

*Der Streit zwischen den Nachbarn ist beendet - sie haben einen **Kompromiss** geschlossen.*

На грамматическом уровне данный вид противоречия может выражаться сложноподчиненными предложениями с союзами *wenn... auch / auch wenn / wengleich*: *Ich stand bei ihr, **auch wenn** sie es nicht bemerkte / Sie müssten also im Fall der Krim, **wenn auch** nicht unbedingt den russischen Standpunkt vertreten, aber sie haben damit zumindest keinerlei Recht mehr, sich gegen Russland hier wie auch immer zu positionieren.* Помимо этого, относительное противоречие может быть выражено с помощью бессоюзных предложений: *Verdient er auch nicht viel, (so) hat er doch eine interessante Arbeit.*

Кроме сложноподчиненных предложений широко используются сложносочиненные предложения с союзами *zwar... aber / doch / jedoch*:

***Zwar** lag direkt darunter der Swimmingpool und sie blieb unverletzt, **aber** sie reichte sofort die Scheidung ein.*

*Er trat ins Arbeitszimmer, machte halt am Aktenschrank, zog einen Ordner halb aus dem Regal, schob ihn **jedoch** gleich wieder zurück.*

Также часто употребляются и предложения с частицами *allerdings*, *immerhin*, *mindestens*, *wenigstens*, *eigentlich*, *zumindest*:

*Erstaunlich war **allerdings**, dass Annelise in diesem Fall über sie reine Neuigkeit hinaus kaum etwas mitzuteilen hatte.*

***Eigentlich** wollte ich dich schon gestern besuchen, aber es ging mir nicht gut.*

При неактуальном противоречии называются различные аргументы, подразумевающие изменение ситуации, которое, однако, не происходит, соответственно, аргументы являются недействительными.

Неактуальное противоречие выражается в немецком языке также лексическими средствами: существительными *Trotz*, *Standhaftigkeit*, *Ausdauer*, глаголами *standhalten*, *beharren*, *trotzen*, наречиями *vergeblich*, *umsonst*:

*Am Ende kann die Realität in den meisten Fällen den Erwartungen nicht **standhalten**.*

*Urlauber **trotzen** dem Wetter: Unterkünfte stark nachgefragt.*

*Straßenbahn fuhr schneller als sonst; dort war wieder die Fleischerei, formlose Muskelgebilde hingen rosa im Fenster; Bertold versuchte Ekel zu empfinden, aber **vergeblich**: nur ein seltsamer Anblick, befremdlich, kaum mehr zu verstehen*

Наряду с лексическими средствами для выражения неактуального противоречия могут использоваться уступительные придаточные предложения:

Wo wir auch nach ihr fragten, niemand wusste ihre neue Adresse.

*Das Flugzeug bemerkte uns nicht – **so heftig** wir (auch) (immer) winkten.*

Для указания на альтернативные варианты регулярно употребляются придаточные предложения с союзом *ob*: *Oma macht alles: **Ob** es ihr gut geht oder schlecht, **ob** die Enkel artig sind oder nicht, **ob** sich die Familie bei ihr bedankt oder sich mit ihr streitet, **ob** Papa vergessen hat, die Arbeit zu verlegen, wenn Handwerker kommen, **ob** die Eltern keine Zeit zum Saubermachen haben oder **ob** das Baby trockenlegen ist.*

Таким образом, можно сделать вывод, что уступительные отношения в немецком языке могут выражаться языковыми единицами, относящимися к лексическому и грамматическому уровням языка. На лексическом уровне уступительность получает свое выражение при помощи существительных, глаголов, прилагательных, наречий и причастий. Для выражения уступительных отношений на грамматическом уровне служат сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, а также предложные сочетания.

Е. В. Зуевская, Ю. Демидович

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Среди частей речи в современном немецком языке выделяют несколько лексико-грамматических разрядов слов, обладающих значением модальности, в частности:

- модальные слова (Modalwörter);
- модальные частицы (Modalpartikeln);
- модальные наречия (modale Adverbien), чаще называемые в русской терминологии «наречия образа действия».

Общим в их использовании является тот факт, что с их помощью говорящий оценивает свое высказывание в целом или отдельные его части с точки зрения их отношения к объективной действительности. В связи с этим возникают определенные сложности с разграничением данных классов слов, чему и посвящено настоящее исследование.

Модальные слова, как и наречия, относятся к самостоятельным неизменяемым частям речи, в то время как модальные частицы принадлежат классу служебных частей речи наряду с союзами и предлогами. Неизменяемость обуславливает морфологическую схожесть модальных частиц с модальными словами и наречиями, а отсутствие самостоятельной роли в предложении является в своем роде «лакмусовой бумажкой», помогающей распознавать, где перед нами модальные слова и наречия, а где частицы. Модальные слова и наречия обладают рядом признаков, присущих знаменательным частям речи. На основе синтаксического признака можно сделать вывод, что модальные слова и наречия являются членами предложения, тем самым влияют на порядок слов. Они могут стоять как в середине предложения, так и выноситься вперед, перед сказуемым, не искажая содержание высказывания.

Er hat die Prüfung sicher bestanden. (модальное слово) – **Sicher** hat er die Prüfung bestanden.

Er hat die Prüfung diesmal gut bestanden. (наречие) – **Gut** hat er diesmal die Prüfung bestanden.

Er hat die Prüfung ja gut bestanden. (частица) – изменение порядка слов и вынос *ja* на первое место в предложении невозможны.

Помимо этой особенности следует отметить, что модальные частицы не имеют постоянного места в предложении, размещаясь после спрягаемой части глагола перед ремой. Из отсутствия возможности у модальной частицы выступать в качестве самостоятельного члена предложения вытекает и следующая особенность: ответом на общий вопрос (*Entscheidungsfrage*) может послужить модальное слово, но ответить одним модальным наречием или модальной частицей невозможно:

*Kommt er zum Training? **Bestimmt. Vermutlich.***

При этом в качестве односложного ответа на вопрос с вопросительным словом *wie* может выступать только наречие:

*Wie kommt er? **Pünktlich. Schnell.***

Соответственно, способность служить ответом на общие вопросы является одной из отличительных черт модальных слов не только от модальных частиц, но и от наречий.

В соответствии с семантическим критерием выделяют следующие группы модальных слов.

1. Оценочные, которые выражают субъективную оценку высказывания: *hoffentlich, leider, glücklicherweise, lieber* и др.

2. Предположительные – выражают различную степень достоверности: *angeblich, anscheinend, möglich, vermutlich, vielleicht, wahrscheinlich, wohl* и др.

3. Усилительные – подчеркивают высказываемую мысль: *freilich, tatsächlich, selbstverständlich, unbedingt, zweifellos, gewiss, bestimmt* и др.

4. Модальные слова, которые выделяют отдельные части высказывания, обосновывают, подводят итог, присоединяют или ограничивают: *überhaupt, folglich, allerdings, eigentlich, jedenfalls, immerhin* и др.

5. Модальные слова согласия и отрицания: *ja, jawohl, keineswegs, nein, doch*.

Модальные частицы, как правило, придают высказыванию эмоционально-оценочные характеристики: *ja, eben, doch, etwa, mal, denn, nein, nur, schon*.

О сложностях разделения модальных частиц, модальных слов и наречий свидетельствует также тот факт, что одна и та же лексема может выступать как модальное слово/наречие либо как частица:

Kommt er zum Training? Ja. (модальное слово) – *Das ist ja schön.* (модальная частица)

Eben ist das Flugzeug gelandet. (наречие) – *Das meine ich eben.* (частица)

Таким образом, можно сделать вывод, что модальные слова, наречия и частицы отличаются между собой как с точки зрения их семантики: модальные слова выражают согласие/отрицание, оценку содержания высказывания с точки зрения его реальности/нереальности либо усиливают его значение. Модальные наречия, иначе говоря, наречия образа действия показывают, каким образом осуществляется действие, описываемое глаголом. А модальные частицы показывают эмоциональную оценку содержания высказывания с точки зрения говорящего.

С позиции синтаксиса модальные слова и наречия являются самостоятельными частями речи, которые могут стоять на первом месте в предложении, модальные частицы размещаются в середине немецкого предложения.

Е. В. Зуевская, Д. Ильянкova

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГОВ

Возрастающий интерес к политической риторике дает толчок к проведению различных исследований в этой области. Формулирование и отбор лозунгов в рамках выбранной партией стратегии – одна из самых важных частей предвыборной кампании. Именно посредством них осуществляются, в первую очередь, убеждающая, экспрессивная и суггестивная формы коммуникации, целью которых является формирование нужных ценностных ориентаций и создание, так называемого «Wir-Gefühl» на базе трансформации психоэмоционального настроения населения.

Лозунги, наряду с пословицами и поговорками, крылатыми словами, призывами, девизами, общественно-научными формулами, естественно-научными формулировками и т.п., относят к языковым афоризмам. Само слово пришло в русский язык из немецкого, где *Losung* изначально ‘пароль’, ‘опознавательный знак’, производное от *Los*, ‘жребий’. «Современные практики политических технологий <...> прибегают к терминам слоган и политический слоган, постепенно вытеснив традиционные для советской науки лозунг, девиз, призыв. <...> как самостоятельный “малый” жанр рекламных и политических текстов» (И. А. Тортунова). В немецком языке в значении ‘политический лозунг’ чаще используется термин *der Wahlslogan* или *der politische Wahlspruch*, хотя словари указывают и *die Losung* в качестве синонима к ним. Некоторые лингвисты дифференцируют политический и предвыборный лозунг, где политический лозунг – это краткое, сжатое выражение, отражающее политические, идеологические принципы, выдвигаемые некой политической силой или отдельно взятым политиком в качестве основы своей политической деятельности в некий период времени. Предвыборный лозунг – речевой жанр, который реализуется в устной и письменной форме как афористическое воплощение идеи рекламной предвыборной политической кампании; ее основная мысль, выраженная в краткой, лаконичной форме, рассчитанная на неоднократное повторение в различных средствах, используемых в кампании. В представленных дефинициях подчеркивается именно апеллятивная функция лозунга и его содержательная идеологическая доминанта: актуальные для данного социально-исторического момента цели и задачи. Лозунг «индивидуален для культуры каждого конкретного народа и становится актуальным лишь в родной ему среде» (М. А. Васильева). Лозунг может быть направлен на эмоционально-чувственное восприятие, рациональные мотивы или же критику существующего. Именно это предопределяет специфику применяемых в них стратегий и языковых средств.

С целью проверки настоящей гипотезы был отобран 71 плакат, содержащий 134 предложения в качестве лозунгов/частей лозунгов. Следует отметить, что проанализированные предвыборные плакаты содержали лозунги, которые, часто состояли из нескольких высказываний, тесно связанных по смыслу. Как цельные конструкции они отражали руководящие идеи партии или отдельного кандидата, целью которых, в свою очередь, было привлечь внимание всего населения *Unser Land. Unsere Werte*, или отдельной социальной *Gleiche Löhne für Frauen*, территориальной *Lokal schlägt global*, или возрастной группы *Genug geriestert! 1050 Euro Mindestrente jetzt*.

Следует отметить, что из всего объема отобранных предложений 95 % составляют простые, а среди них абсолютное большинство (91 %) распространенные. При этом обращает на себя внимание тот факт, что у многих нераспространенных и ряда распространенных самостоятельных предложений отсутствует смысловая завершенность при формальной синтаксической самостоятельности данных структур: *Deutschland. Nicht Hirne. Aber*

normal. Эти предложения не являются самостоятельными в рамках смысловой картины лозунга. На долю сложных приходится лишь 5 %, среди которых есть как сложносочиненные, так и сложноподчиненные. Лозунги тяготеют к краткости в связи с желанием удержать внимание слушателей или читателей, поэтому даже сложные предложения формулируются достаточно сжато: *Kommt, wir ändern die Politik. Bereit, weil Ihr es seid*.

Дальнейший анализ показал, что 72 % составляют односоставные предложения. Среди них преобладают глагольные – 40 %: *Sei mutig!, Chancen schaffen und Struktur aufbauen, Grün ärgern?, Blau wählen!*, хотя велика также доля нечленимых (36 %): *Für ein freies Internet. Mit Euch – für Euch!*

На долю назывных приходится 24 % от общего объема: *Respekt für dich*. Что касается анализа предложений по типу подлежащего, то 42 % составляют личные: *Zukunft passiert nicht. Wir machen sie*, 2 % – безличные: *Nie gab es mehr zu tun*. Остальные 56 % приходятся на предложения, которые в этой классификации невозможно учесть из-за отсутствия подлежащего: *Mit Euch – für Euch! Gemeinsam für ein modernes Deutschland. Aus Liebe zur Freiheit*. Это объясняется тем, что именно глагол образует смысловый центр немецких предложений.

Исследование предложений по коммуникативной цели высказывания показало, что предпочтение отдается повествовательным высказываниям: *Gutes, bezahlbares Wohnen ist ein soziales Grundrecht. Grün macht Zukunft*. Они составляют 77 % от всего объема. Стоит отметить, что даже в лозунгах таких радикальных партий, как AfD, если сравнивать, например, выборы 2017 года и выборы 2021 года в Бундестаг, можно проследить тенденцию отказа от восклицательных или побудительных предложений: *Blau wählen!* (2017) und *Das Land muss leben* (2021). С точки зрения императивности большинство лозунгов являются лозунгами косвенного, а не прямого действия. Возможным объяснением может быть отказ от методов прямого убеждения и внушения в пользу таких типов психологического влияния, как самопродвижение: *Kompetenz für Deutschland*, пробуждение импульса к подражанию: *Ich würde NPD wählen. Ich könnte nicht anders* и формирование благосклонности: *Zuhören und Zutrauen*.

Некоторые лозунги отражают тенденцию к еще большему сокращению мыслей посредством использования знаков других, более универсальных семиотических систем, например, амперсанда: *Jetzt sichere Arbeit & Klimaschutz wählen. Klimaschutz & Gerechtigkeit*. Некоторые также содержат хештег для облегчения продвижения идей партии в социальных сетях и в качестве отсылки к некой появившейся или наблюдающейся тенденции в интернете, а также, чтобы создать таковую для привлечения людей посредством социальных сетей и интернета: *Die CDU arbeitet für #unserEuropa*. Интересно также, что предпочтение отдается именно формам 2-го лица (Du- или Euch-Form), что обусловливается стремлением идентификации избираемых с избирателями. Из-за этого также регулярно употребляются такие слова, как *gemeinsam, alle, zusammen*, а также предлоги *mit* и особенно *für* (19 % всех предложений).

Таким образом, результаты анализа позволяют выявить некоторые общие тенденции в синтаксической структуре предвыборных лозунгов. Их целью является не просто информирование и формирование определенного мировоззрения, но и прямой или косвенный призыв к действию. Именно это, в конечном счете, определяет выбор тех или иных синтаксических конструкций.

Е. В. Зуевская, А. Циунель

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Эвиденциальность – понятие, которое представляет собой непосредственное либо явное указание на источник информации говорящего.

Выделяют три типа эвиденциальных значений:

- прямая эвиденциальность (сообщение говорящего основано на информации, полученной собственным опытом с помощью органов чувств);
- инференциальность (сообщение основывается на логическом выводе);
- пересказывательность (сообщение основано на информации, приобретенной от других лиц или из печатных источников).

Таким образом, можно заключить, что пересказывательность является одним из типов эвиденциальности. Для выражения категории пересказывательности в современном немецком языке могут использоваться средства различных уровней.

К лексическим средствам в немецком языке относятся глаголы и глагольные конструкции, обозначающие действия восприятия и общения, в частности, глаголы говорения, ментальной деятельности и аналогичные имена существительные: *sagen, behaupten, meinen, schreiben, die Worte, die Aussage* и др. Также к лексическим средствам можно отнести модальные слова *angeblich, vorgeblich*, с помощью которых можно указать на чужие слова.

Среди грамматических средств могут использоваться как морфологические средства выражения пересказывательности (конъюнктив, используемый для отсылки как на чужие слова, так и на собственное сообщение говорящего, которое происходило в другое время и/или другом месте). Конструкции с модальными глаголами *sollen* и *wollen* относятся к грамматическим средствам выражения пересказывательности на синтаксическом уровне. Кроме этого, пересказывательность выражают косвенная речь в форме сложно-подчиненных предложений с союзной и бессоюзной связью, синонимичные ей инфинитивные обороты, а также конструкции с прямой речью.

К переходной группе лексическо-грамматических средств можно отнести предложные сочетания *X zufolge, nach Worten von X* и др., в которых значение пересказывательности выражается как семантикой лексической единицы, так и ее сочетанием с соответствующим существительным, обозначающим источник информации.

Следует отметить, что указанные средства регулярно используются в рамках одного контекста, выражая значение пересказывательности: *Zwei Migranten seien von griechischen Grenzern erschossen worden, heißt es in Medienberichten, Erdogan nennt sogar fünf Tote.*

Наиболее часто встречается взаимодействие прямой речи с глаголом, выражающим акт коммуникации:

Ein junger Polizist meldet sich zu Wort: „Man darf aber nicht vergessen, dass so was auch Konsequenzen haben kann“, sagt er.

Hibon kündigt an: „Wir werden die Kontrollen noch verschärfen, wenn die Regierung nicht auf unsere Forderungen eingeht.“

С помощью такого взаимодействия журналист ссылается, как правило, на слова третьего лица как свидетельства участников или очевидцев событий. Глаголы, обозначающие акты коммуникации, позволяют понять, каким образом была получена информация, а субъектом действия является обычно конкретный источник получения информации.

Наряду с этим, регулярно встречается взаимодействие конъюнктива, глагола, обозначающего акт коммуникации, и прямой речи:

In einigen Polizeien sei es aber noch so, wie in vielen männlich geprägten Organisationen: „Wenn du ein Problem hast, ist es dein Problem, dann musst du es eben lösen“, sagt Schlicher.

„Keinerlei Anzeichen“ habe es für Klinsmanns Entscheidung gegeben, ließ sich Herthas Geschäftsführer Michael Preetz zitieren.

Автор текста прибегает к такому сочетанию средств в момент непосредственного обращения к читателю, который, по его мнению, призван осознать актуализуемый факт как значимый для исследования проблемы. При этом четко происходит дифференцирование и отграничение личного цитатива, оформляемого прямой речью, и слухов, для передачи которых и дистанцирования от них используется конъюнктив.

Также в отобранном корпусе материала было обнаружено взаимодействие глаголов, обозначающих акт коммуникации, и цитации: *Der griechische Regierungssprecher dementiert „kategorisch“ und spricht von „fake news“.* Цель такого взаимодействия состоит в привлечении внимания читателей к определенным моментам в изложении событий, в частности, журналист дает собственную оценку событиям с помощью глаголов речемыслительной деятельности и характеризует их, привлекая отдельные отрывки в качестве цитат.

Таким образом, при общей схожести отдельных средств выражения пересказывательности в немецком языке и их синонимии они обладают определенной спецификой в использовании, позволяя журналистам акцентировать внимание на источнике получения информации, степени ее надежности либо дать оценку излагаемым фактам.

А. А. Клинцева

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ ПРЕДИКАТОВ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Универсальная индоевропейская семантико-синтаксическая категория безличности используется для отражения фрагментов реальности, которые условно можно разделить на объективное и субъективное бытие. В первом случае мы имеем дело с *субъектом-пространством* как носителем предикативного признака, способным осуществлять однонаправленное воздействие на *объект*. Такие безличные предложения описывают атмосферно-метеорологические явления, стихийное передвижение, изменение внешнего вида и разрушение объектов. Для них характерны следующие типичные синтаксические структуры: а) (англ.) [Expl – V_{imp}] *The sky grew dark and it **started to thunder*** ‘Небо потемнело, и загремел гром (досл. – оно начало греметь)’; б) (исл.) [AccNP – V_{imp} – DatPP] *Vitnið kvaðst hafa séð frá landi að bátinn var að **reka** að grjótgardinum* ‘Свидетель сказал, что видел с суши, как лодку несло на кучу камней’.

В случае отражения в безличном предложении субъективного бытия носителем предикативного признака выступает *субъект-концептуализатор*, находящийся в двухсторонних отношениях с объектом концептуализации (так как последний является источником состояния субъекта). Сюда относятся все виды ситуаций человеческого восприятия (чувственного, физического, психического) и его рациональные процессы (когнитивные и оценочно-модальные), отражаемые обыкновено на синтаксическом уровне посредством структуры с дативом и инфинитивом или комплементом: а) (белорус.) [DatNP – V_{imp} – Inf] *Каб вас не было – вас **варта было б** выдумаць* ‘Если бы вас не существовало – вас стоило бы выдумать’; б) (лит.) [AccNP – V_{imp} – [CP]] *Mane **erzina**, kai sakoma, kad vaikai auga priklausomi nuo genų* ‘Меня раздражает, когда говорят, что развитие детей определяется их генами’.

Ряд безличных предложений демонстрирует метафорическое расширение предикатов, под которым понимаются такие синтаксические альтернативы, где при сохранении безличной фиксированной формы глагола открываются новые позиции, заполняемые именными группами. Выделяются 2 подтипа такого расширения.

1. В денотативном плане ситуация остается той же, в то время как место типичных занимают иные референты (на основании взаимной схожести). Такого рода метафоризация может наблюдаться в безличных предложениях, предикаты которых содержат в своей семантической рамке роль инструментальной стихийной силы: (англ.) [Expl – V_{imp} – Od] *What must you be careful of when it's **raining** cats and dogs?* ‘О чем стоит волноваться, когда идет проливной дождь?’; (белорус.) [V_{imp} – AccNP – InstrNP] ***Закавала** рэчку ланцугамі, // **Замяло** зямельку саванамі* ‘Заковало речку в оковы, // Замело земельку саваном’.

2. Образуется качественно новая ситуация, связанная со старой отношениями сходства описываемых процессов, заключенных в предикате. Так, предикатные единицы, используемые для обозначения ситуации выпадения осадков, довольно часто подвержены метафорическим преобразованиям, что связано с их достаточно обобщенными дефинициями. Они включают сему 'падать', предполагающую нисходящее движение из точки *a* в точку *b*, которая распространяется семой 'мелкими каплями', поэтому основное переносное значение 'падать, сыпаться, словно дождь' актуализируется при конкретизации объектов, вовлеченных в процесс падения. Например, (англ.) [Expl – V_{imp} – Od – Adv_{pl}] *The building shook like an earthquake... it was just raining glass everywhere* 'Здание содрогнулось, словно во время землетрясения... Всюду сыпалось стекло (досл. – *Везде задождило стеклом*)'; (лит.) [GenPP – V_{imp} – InstrNP] *Iš visų pusių lijo akmenų atplaišomis* 'Во все стороны летели каменные обломки (досл. – *Со всех сторон дождило каменными обломками*)'. В исландском языке такая фигура речи применима к предметам в различных агрегатных состояниях – преимущественно, круглым, твердым и небольшим (*sandur* 'песок', *ryð* 'ржавчина', *tárum* 'слезы', *grjót* 'камни', *skot* 'пули' и т.д.), а также к абстрактным референтам, которые концептуализируются в языке как исчисляемые существительные (*spurningar* 'вопросы', *fyrirspurnir* 'запросы', *tilboð* 'предложения'): [DatNP – V_{imp} – AccPP] *Spurningum rignir yfir mig, það er skýfall* 'Вопросы сыпались на меня дождем (досл. – *Вопросами задождило на меня*)'.

Глаголы, обозначающие произвольное движение объекта и изменение его внешнего вида, также образуют структуры, которые в результате метафоризации описываемого процесса и/или стихийной силы, а также при добавлении именной группы, выражающей одушевленного референта, репрезентируют изменение физического или эмоционального состояния: (исл.) [DatPP – V_{imp} – AccPP] *Af skiljanlegum ástæðum fýkur í Gest undir yfirheyrsl* 'По понятным причинам Гест разозлился на допросе (досл. – *По понятным причинам вздуло в Геста на допросе*)'; (лит.) [AccNP – V_{imp} – InstrNP] *Jei žmogų staiga išmušė raudonomis dėmėmis* 'Если человека внезапно побил красными пятнами...'

Наконец, метафоризации подвержены безличные предикаты, обозначающие воздействие на органы чувств, которые в сочетании с абстрактными существительными осуществляют переход в когнитивно-оценочную сферу: (англ.) [Expl – V_{imp} – PP] *It smells of charges of racism when you say...* 'Вам может грозить обвинение в расизме, когда вы говорите... (досл. – *Это пахнет обвинениями в расизме, когда вы говорите...*)'; (белорус.) [GenPP – V_{imp} – InstrNP] *Ад гэтых вачэй аддавала агідай* 'В этих глазах читалось отвращение (досл. – *От этих глаз отдавало отвращением*)'.

В свою очередь, среди предложений, отражающих ситуации субъективного бытия, не наблюдается тенденции к метафоризации, что связано с их более узкой семантикой, сосредоточенной на внутренних переживаниях человека, и более унифицированной структурой, подразумевающей обязательное введение неличных форм глагола и придаточных, выражающих источник чувств и эмоций, сложившихся представлений и оценок.

ПРАГМАТИКА ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Термин *экспрессив* был впервые использован в классификации Дж. Серля (у Дж. Остина некоторые типы экспрессивов входили в классы комиссивов и бехабитивов). Вслед за ним этот термин стали применять в своих таксономиях Т. Баллмер, В. Бренненштуль, А. Вежбицкая, Л. П. Чахоян, В. И. Карасик, Н. А. Трофимова. Граница класса экспрессивов до сих пор является предметом многочисленных споров.

По мнению Дж. Серля, иллокутивная цель экспрессивов состоит в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания. Н. А. Трофимова считает, что класс экспрессивных речевых действий отличается тем, что их исполнитель в своих действиях выражает внутренние состояния определенного типа – а именно «чувства», «эмоции», «мнения» в широком смысле слова.

Дж. Серль выделил две подгруппы речевых актов экспрессивного типа. К первой группе он отнес высказывания, передающие положительную реакцию говорящего, его удовлетворенность действием, поведением слушающего: благодарность, поздравление, одобрение, выражение признательности и т. д. Ко второй группе были отнесены высказывания, выражающие отрицательное отношение к имевшему место поступку или действию как слушающего, так и самого говорящего: извинения, упреки, сожаления и т. д. В. И. Карасик рекомендует разделить все подвиды экспрессивов на три группы на основе характера выражаемых эмоций: 1) акты, выражающие только положительные эмоции (одобрение, похвала, согласие), 2) акты, выражающие только отрицательные эмоции (возмущение, осуждение, упрек, неодобрение, а также оскорбление, насмешка, ирония, издевка, сарказм, угроза, несогласие, возражение, жалоба, опровержение, 3) акты, выражающие и положительные, и отрицательные эмоции (удивление, оценка).

Для нашего исследования методом сплошной выборки были отобраны экспрессивы, оформленные вопросительными предложениями. В таких предложениях реализуется дополнительная экспрессивная функция, т. е. это не просто запрос информации, а еще и психологическая реакция говорящего в конкретной ситуации. Целью было составление перечня иллокутивных значений, которые могут передаваться в таких ситуациях данными грамматическими структурами. Были выявлены следующие значения.

1. Восторг, положительная оценка:

'Isn't he beautiful?' Hagrid murmured. He reached out a hand to stroke the dragon's head. It snapped at his fingers, showing pointed fangs.

2. Удивление

'Ah, go boil yer heads, both of yeh,' said Hagrid. 'Harry – yer a wizard.'

There was silence inside the hut. Only the sea and the whistling wind could be heard.

'I'm a what?' gasped Harry.

'A wizard, o' course,' said Hagrid, sitting back down on the sofa...

3. Удивление с сомнением:

'Potter, this is Oliver Wood, Wood – I've found you a Seeker.'

Wood's expressions changed from puzzlement to delight.

'Are you serious, Professor?'

4. Удивление с положительной оценкой (радость):

'It's – it's true?' faltered Professor McGonagall. ***'After all he's done ... all the people he's killed ... he couldn't kill a little boy? It's just astounding ... of all the things to stop him ... but how in the name of heaven did Harry survive?'***

'We can only guess,' said Dumbledore. 'We may never know.'

5. Удивление с отрицательной оценкой (пренебрежение):

While Uncle Vernon made furious telephone calls to the post office and the dairy trying to find someone to complain to, Aunt Petunia shredded the letters in her food mixer.

'Who on earth wants to talk to you this badly?' Dudley asked Harry *in amazement.*

6. Удивление, критика:

'You'd be stiff if you'd been sitting on a brick wall all day,' said Professor McGonagall.

'All day? When you could have been celebrating? I must have passed a dozen feasts and parties on my way here.'

7. Издевка:

'Can't stay long, Mother, I'm up front, the Prefects have got two compartments to themselves –'

'Oh, are you a Prefect, Percy?' said one of the twins, *with an air of great surprise.* *'You should have said something, we had no idea.'*

'Hang on, I think I remember him saying something about it,' said the other twin. 'Once –'

'Or twice –'

'A minute –'

'All summer –'

'Oh, shut up,' said Percy the Prefect.

8. Упрек:

'As I say, even if You-Know-Who has gone –'

'My dear Professor, surely a sensible person like yourself can call him by his name?...'

9. Обвинение, упрек, критика:

'Fred, you next,' the plump woman said.

'I'm not Fred, I'm George,' said the boy. 'Honestly, woman, you call yourself our mother? Can't you tell I'm George?'

10. Возмущение, недовольство, упрек:

'But we're not six hundred years old,' Ron reminded Hermione. 'Anyway, what are you studying for, you already know it's an A.'

'What am I studying for? Are you crazy? You realize we need to pass these exams to get into the second year? They're very important, I should have started studying a month ago, I don't know what's gotten into me. . .'

11. Страх, беспокойство:

Mr. Dursley sat frozen in his armchair. Shooting stars all over Britain? Owls flying by daylight? Mysterious people in cloaks all over the place? And a whisper, a whisper about the Potters. . .

12. Несогласие-возражение:

'I've come to bring Harry to his aunt and uncle. They're the only family he has left now.'

'You don't mean – you can't mean the people who live here?' cried Professor McGonagall, jumping to her feet and pointing at number four. 'Dumbledore – you can't. I've been watching them all day. You couldn't find two people who are less like us.'

13. Несогласие-опровержение:

'But yeh must know about yer mum and dad,' he said. 'I mean, they're famous. You're famous.'

'What? My – my mum and dad weren't famous, were they?'

14. Гнев, возмущение, ярость:

.... when Hagrid spoke, his every syllable trembled with rage.

'You never told him? Never told him what was in the letter Dumbledore left fer him? I was there! I saw Dumbledore leave it, Dursley! An' you've kept it from him all these years?'

15. Негодование:

But Uncle Vernon wasn't going to give in without a fight.

'Haven't I told you he's not going?' he hissed.

16. Насмешка:

'That's mine!' said Harry, trying to snatch it [the letter] back.

'Who'd be writing to you?' sneered Uncle Vernon, shaking the letter open with one hand and glancing at it.

17. Ирония:

'Hagrid,' he said quietly, 'I think you must have made a mistake. I don't think I can be a wizard.'

To his surprise, Hagrid chuckled.

'Not a wizard, eh? Never made things happen when you was scared, or angry?'

18. Сарказм:

'Well, there you are, boy. Platform nine – platform ten. Your platform should be somewhere in the middle, but they don't seem to have built it yet, do they?'

Подводя итог, можно сказать, что вопросительные предложения используются в большом репертуаре экспрессивных речевых актов для более точной передачи эмоций героев, что помогает читателю погрузиться в произведение.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Функционально-семантическое поле (ФСП) образа действия (инструментальности) опирается на функционально-семантическую категорию обстоятельства образа действия, или же категорию инструментальности, и выполняет ту же функцию, что и обстоятельство образа действия.

Семантическая категория образа действия может быть выражена как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Средствами выражения грамматического уровня являются:

1) сложноподчиненные предложения с союзами *indem, wobei, dadurch dass, damit dass, ohne dass, (an)statt*;

2) сложносочиненные предложения с союзными наречиями: *dabei, dadurch, so, auf diese Weise, damit*;

3) причастия и деепричастия/причастные и деепричастные обороты;

4) предложные группы с предлогами: *an Hand/anhand (von), (an)statt, an Stelle / anstelle (von), durch, mit, mit Hilfe/mithilfe (von), mittels, ohne*;

5) инфинитивные конструкции *ohne+zu+Infinitiv, (an)statt+zu+Infinitiv*;

6) независимый винительный падеж;

7) существительное в родительном падеже с согласованным определением.

Лексический уровень включает в себя следующие средства:

1) наречия образа действия: *gut, schnell, leicht, hart usw*;

2) устойчивые выражения со значением образа действия: *schief und krumm* (вкривь и вкось), *mit Leib und Seele* (душой и телом.), *auf eigene Faust* (на свой страх и риск), *aus freien Stücken* (добровольно);

3) словообразовательные суффиксы: *lings* (*bäuchlings, blindlings, rücklings*), *-s* (*eilends, unversehens*);

В структуре ФСП образа действия выделяются два вида предложений – с положительным значением и со значением отрицания.

Текстовую выборку из газетно-публицистического стиля составили 70 статей политической и экономической тематики (FAZ, DIE ZEIT, Spiegel), из которых методом сплошной выборки было отобрано 81 предложение, содержащее 91 конституент ФСП образа действия.

В предложениях с положительным значением на грамматическом уровне преобладают предложные группы с предлогами *durch* и *mit* (26,06 %), например:

Mit der Öffnung des Dienstleistungssektors dürften sich diese Entwicklung umkehren und die USA eine raschere Erholung sehen.

*Nordkorea sieht sich **durch** die regelmäßigen Militärübungen der USA mit Südkorea provoziert.*

Следующими по частотности являются сложносочиненные предложения с союзными наречиями *dabei*, *dadurch*, *so* (19,55 %), далее следуют причастные обороты (8,69 %) и сложноподчиненные предложения с союзом *indem* (7,60 %) например:

*Das Unternehmen argumentierte zunächst, **dabei** gehe es um wenige Fahrer, die die App 2016 nutzten.*

*Auf der Rückfahrt von Berlin, als ihm vom Schwanken der Kutsche so schlecht geworden war wie noch nie zuvor im Leben, hatte er sich helfen wollen, **indem** er das Zittern, Schaukeln und Schlingern bis ins Innerste durchdachte.*

Наиболее употребительным средством выражения образа действия в предложениях со значением отрицания являются, как и в предложениях с положительным значением, предложные группы с предлогами *ohne* и *statt*. Далее следуют инфинитивные конструкции. Сложносочиненные предложения с союзным наречием *stattdessen* встретились всего два раза, а сложноподчиненные предложения образа действия со значением отрицания в выборке не представлены. Лексические средства выражения образа действия, представленные такими наречиями, как *hart*, *gut*, *langsam*, *schnell*, *leicht*, *handschriftlich*, *höflich* и др., составляют 15 % от общей выборки, например:

*Also müssen Braun und Wengerodt ihre Lieferanten **höflich** bitten, die Zolltarifnummern **handschriftlich** auf die Rechnungen zu schreiben.*

Материалом исследования из художественного стиля послужили произведения современных немецких авторов „Die Vermessung der Welt“ (Daniel Kehlmann), „Der Vorleser“ (Bernard Schlink) и „Flechten“ (Barbara Schibli). Методом текстовых проб было отобрано 198 предложений, содержащих 223 конституента ФСП образа действия.

В результате анализа были получены следующие количественные результаты: самым частотным средством употребления на грамматическом уровне в предложениях с положительным значением являются причастия/деепричастия и их обороты. Они встречаются в 23 % случаев, например:

*Ein Schwede, wer sonst hätte während einer solchen Feldexkursion wie letzten Sommer, **an einen flechtbewachsenen Baumstamm gelehnt**, im Hintergrund irgendein Fjord, meine Brüste in den Händen, nach dem Namen meiner Zwillingsschwester gefragt?*

*Als ich wiederkam, stand sie im Zimmer, halb angezogen, **zitternd vor Wut**, weiß im Gesicht.*

На втором месте по частотности употребления выступают предложные группы с предлогами *mit*, *durch*, *anhand*. например:

*Die Fahrt war qualvoll. Er nannte Eugen einen Versager, nahm ihm den Knotenstock ab und stieß **mit aller Kraft** nach seinem Fuß.*

*Leta trat mit mir **durch** den Sucher in Beziehung, ich wurde ihr Objekt.*

Предлог *mit* является наиболее частотным и встретился в 14,12% случаев. Также были обнаружены такие средства выражения, как независимый винительный падеж (8,1 %) и родительный падеж с согласованным определением (1,2 %), например:

*Ich öffne den Reißverschluss der einen Seitentasche, ziehe Pass und Geldbörse raus, werfe den Rucksack an den Straßenrand, renne **leichten Schrittes** nur mit Kosmetikkoffer weiter.*

В предложениях со значением отрицания наиболее частотным грамматическим средством выражения категории образа действия являются предлож-ные группы с предлогами *ohne* и *statt*, далее следуют инфинитивные конст-рукции (10 %), при этом наиболее частотной инфинитивной конструкцией является *ohne+zu+infinitiv* (7,5 %), а наиболее частотным предлогом – *ohne* (10,6 %). Наименее частотным средством выражения образа действия оказалось сложносочиненное предложение (1,24 %), например:

*Als wir uns geliebt hatten und beieinander lagen und ich ihr erzählte, warum ich in den zweiten **statt** den ersten Wagen gestiegen war, neckte sie mich.*”

*Wenn ich sie vor meine Augen rufe, wie sie damals war, dann stellt sie sich **ohne** Gesicht ein.*

На лексическом уровне средства выражения категории образа действия представлены как наречиями, так и словообразовательными суффиксами. Наиболее частотным лексическим средством оказались наречия образа дейст-вия со значением способа (58,10 %), например:

*Der Gendarm betrachtete ihn **mißtrauisch**, prüfte den Paß, nickte und wandte sich Gauß zu”. Gauß hob **langsam** den Kopf.*”

В текстовой выборке оказалось только 1 наречие образа действия со зна-чением инструментальности. Следующим по частотности употребления выступают лексические единицы со словообразовательным суффиксом *-los-* (35,50 %), например:

*Er sah sie **hilflos** an. Er mußte sich zusammenehmen, damit er nicht **respektlos** wirkte. Sie sahen einander **ratlos** an.*

Лексические единицы со словообразовательным суффиксом *-s-* встрети-лись всего 3 раза.

С. В. Кондракова, Ю. Курец

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Функционально-семантическое поле (ФСП) побуждения – это совокуп-ность разноуровневых языковых средств, выполняющих в речи одинаковую семантическую функцию – побуждение адресата к действию.

Функционально-семантическое поле имеет центр (ядро) и периферий-ные языковые средства. Ядром ФСП побуждения является категория повели-тельного наклонения глагола, к периферийным относятся формы инфи-нитива, неполные (эллиптические) предложения, презенс и футур I актив, безличный пассив, презенс конъюнктив, конъюнктив II, причастие II, модальный глагол + инфинитив I, конструкции *sein + zu + инфинитив* и *haben + zu + инфинитив*, псевдопридаточные предложения с союзом *dass*,

односоставные предложения, императивные междометия и перформативные глаголы. Данные средства способны выражать различные оттенки побуждения: категорический приказ, запрет, призыв, распоряжение, нейтральное приказание, совет, просьбу, мольбу.

С опорой на классификацию средств выражения побуждения, предложенную немецкими грамматистами во главе с Й. Буша, было проанализировано 2 немецкоязычных художественных произведения Хайнца Гюнтера Конзалика «Gefahr über den Wolken» и Хорста Йегера «Der zerbrochene Speer» с точки зрения функционирования в них конститuentов ФСП побуждения. Текстовая выборка составила 60 000 словоформ. При анализе произведений методом текстовых проб было отобрано 77 средств выражения побуждения. Распределение примеров предложений с модальностью побуждения представлено в таблице:

Средства выражения		Абсолютное число употреблений		Относительное число употреблений, %
Глаголы побуждения (императив)		42		54,54
Модальные глаголы <i>sollen, müssen, (nicht) dürfen</i>		11		14,29
Сокращенные формы	Инфинитив	6	19	24,68
	Наречие	7		
	Существительное	6		
Вопросительное предложение без вопросительного слова + <i>können, dürfen, wollen, würden + bitte</i>		4		5,20
глагол <i>sein / haben / brauchen</i> + частица <i>zu</i> + инфинитив		1		1,29
Всего		77		100

Наиболее частотным средством выражения побуждения в проанализированных произведениях являются глаголы в форме императива, составляя 54,54 %. Побудительные предложения характеризуются особой структурой, отличающейся от структур других типов предложений. Релевантными признаками этого типа предложений являются непосредственное обращение к адресату, побудительная интонация, наличие сказуемого, выраженного императивом. Побуждение, передаваемое императивом, в зависимости от ситуации может быть мягким или жестким, вежливым или грубым, например:

- категорический приказ: ***Hör auf mit dem Geleier und schwinde!***;

- инструкция, распоряжение: *Bewegen Sie sich bis zum Haltepunkt Charly 3!*;

- просьба: *Tun Sie mir den Gefallen, Frau Rauka, wenn Christa vorbeikommt, sagen Sie ihr, ich bin für einige Tage in die USA geflogen und rufe sie sofort an, sobald ich eine feste Adresse habe*;

- угроза: *Lass mich sofort los, oder...*;

- предупреждение: *Passen Sie auf sich auf, da ist eine ziemlich haarsträubende Geschichte passiert!*;

- призыв: *Hoffen wir, dass es so bleibt!*.

Следующим по частотности способом выражения побуждения являются эллиптические конструкции, т. е. неполные по своему составу. Их частотность составляет 24,68 %. Именно отсутствие сказуемого создает оттенок быстроты, стремительности, интенсивности, напряженности действия, например:

- мольба: *Lieber Gott, bloß kein Feuer!*

Часто в побудительных предложениях встречаются такие модальные глаголы, как *sollen, müssen, nicht dürfen*, частота употребления которых равна 14,29 %:

- совет: *Radka, du solltest auf Arnmann achtgeben.*;

- запрет: *Du darfst nicht weitergehen!*.

Характерным для проанализированных художественных текстов является также использование вопросительных предложений без вопросительного слова. Побудительные предложения, сказуемое которых представлено формами сослагательного наклонения, конструктивно менее разнообразны. Формы сослагательного наклонения передают мягко или робко выражаемую просьбу, а чаще всего совет, осложненный замечанием, иногда просто замечание. Их частотность составляет всего 5,20 %.

Менее употребительным средством выражения побуждения являются глаголы *sein/haben/brauchen* + частица *zu* + инфинитив – всего 1 случай употребления (1,29 %). Глагол *brauchen* ‘нуждаться’ при употреблении с инфинитивом выражает необходимость и переводится с помощью слов *нужно, необходимо, требуется*. Модальная конструкция *sein + zu + Infinitiv* передает долженствование или возможность (в зависимости от контекста) и имеет пассивное грамматическое значение. Модальная конструкция *haben + zu + Infinitiv* выражает долженствование, реже – возможность. Подлежащее при этом, в отличие от подлежащего в конструкции *sein + zu + Infinitiv*, является активным носителем действия.

Таким образом, в проанализированных художественных произведениях самым употребительным средством выражения побуждения является императив. Релевантными признаками императивных предложений являются непосредственное обращение к адресату, побудительная интонация, наличие сказуемого, выраженного императивом. Часто встречаются и эллиптические предложения, в которых за счет отсутствия сказуемого достигается отте-

нок быстроты, стремительности, интенсивности, напряженности действия. Побуждение может выражаться и модальными глаголами *sollen*, *müssen*, *nicht dürfen*, однако они встречаются в художественных текстах заметно реже, чем вышеприведенные средства.

Характерным для проанализированных художественных текстов является и использование вопросительных предложений без вопросительного слова, мягко или робко выражающих выражаемую просьбу. Наименее частотным средством передачи побуждения в проанализированной текстовой выборке являются глаголы *sein/haben/brauchen* + частица *zu* + инфинитив.

С. В. Кондракова, А. Тюхай

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Субстантивированные причастия, сохраняя глагольную (процессуальную) базу, приобрели признаки рода, числа и падежа существительного с его атрибутивной валентностью. В них, при сохранении процессуальности, системно определяющим становилось категориальное значение предметности. Эта разновидность причастных слов включает два семантических типа единиц: обозначения лиц или деятелей и обозначения предметно-абстрактных сущностей. Первые являются словами мужского и женского рода: *der (die) Fahrende*, *der (die) Reisende*, *der (die) Angeklagte*, *der (die) Gefangene*, *der (die) Geliebte*; вторые – слова среднего рода: *das Gedruckte*, *das Geschriebene*, *das Mitgebrachte* и др. В состав субстантивированных причастий входят образования как от причастия I, так и от причастия II.

По признаку внутренней структуры исходных глаголов субстантивированные причастия делятся на три группы:

1) слова, соотносящиеся с *простыми* (корневыми) глаголами, образованные как от причастия I: *der Reisende (reisen)*, *der Klagende (klagen)*, так и от причастия II: *der Gefangene (gefangen)*, *der Gerufene (gerufen)*;

2) слова, производные от *префиксальных* глаголов, более многочисленных в языке, например: *der Ankommende (ankommen)*, *der Mitreisende (mitreisen)*, *der Vortragende (vortragen)*, *der Abgeordnete (abordnen)* и т. д.

3) слова, происходящие от *сложных* глаголов, например: *der Davonlaufende* от *davonlaufen*, *der Zurückgekehrte* от *zurückkehren* и др.

В немецком языке имеются как узуальные, закрепившиеся в сознании говорящих субстантивированные причастия, так и окказиональные единицы, порождаемые контекстами.

Реализация субстантивированных причастий отмечена такими главными чертами, как их частеречный статус и валентность. Валентность проявляется контактно в словосочетаниях и предложениях и дистантно в фрагментах текста. Специфичность проявления валентности у этих слов состоит в том, что для них характерно, в соответствии с частеречной принадлежностью

к существительному, сопровождение валентностными проводителями в синтаксической функции определения, в соответствии же с исконной глагольностью – выражение внутри общей атрибутивной позиции различных объектных и обстоятельственных признаков. Валентностные связи субстантивированных причастий способны воплощаться дистантно, что свидетельствует о переходе от синтагматики к текстообразованию, т. е. к непосредственному участию в связывании текста, выстраиванию его когезии.

Текстовую выборку из художественного стиля составили романы современных немецкоязычных писателей «Das lässt sich ändern» (Birgit Vanderbeke) и «Die Rätin» (Günter Grass), из которых методом текстовых проб для анализа было отобрано 41 субстантивированное причастие (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Разновидности причастий в основе субстантивированных образований
в немецкоязычных художественных текстах

Тип субстантивированного причастия	Абсолютное число употреблений	Относительное число употреблений, %
Причастие I	24	58,5
Причастие II	17	41,5
Всего	41	100

Результаты проведенного анализа указывают на то, что в художественных текстах субстантивация причастий представлена максимально на базе причастия I в качестве производящей основы (58,5 %).

Любопытным также является тот факт, что наибольшее число субстантивированных причастий в проанализированных художественных текстах было образовано от простых глаголов (44 %), в то время как причастия, образованные от префиксальных глаголов и от сложных образований, составили 29,2 % и 26,8 % соответственно (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Представленность словообразовательной структуры субстантивированных причастий в немецкоязычных художественных текстах

От простых глаголов		От префиксальных глаголов		От сложных образований	
Абсолютное количество	Относительное количество, %	Абсолютное количество	Относительное количество, %	Абсолютное количество	Относительное количество, %
18	44	12	29,2	11	26,8

В основе субстантивированного причастия *der Reisende* лежит простой глагол *reisen*. – *Keine Fluggesellschaft, rief sie, die uns nicht zu ihren Reisenden zählte!*

В основе субстантивированного причастия *das Vergangene* лежит префиксальный глагол *vergehen*: *Zuviel Vergangenes könnte beweglich werden, ihn anrühren und erschrecken*.

В основе субстантивированного причастия *der Dienstuende* лежит словосочетание *seinen*: *Dienst tun. Auf Weisung des Dienstuenden tippt ein wachhabender Soldat das Kennwort in die Elektronik*.

Из табл. 3 становится очевидно, что большинство причастий относится к семантическому типу 'наименования лица' (53,65 %). Имена предметных существностей составляют 46,35 %.

Т а б л и ц а 3

Представленность семантических типов субстантивированных причастий
в немецкоязычных художественных текстах

Семантический тип субстантивированного причастия	Абсолютное число употреблений	Относительное число употреблений, %
Название лица	22	53,65
Название неодушевленного объекта	19	46,35
Всего	41	100

Как показал количественный анализ, большинство субстантивированных причастий относятся к узуальным образованиям (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Представленность узуальных и окказиональных субстантивированных причастий

Узуальные субстантиваты		Окказиональные субстантиваты	
Абсолютное число употреблений	Относительное число употреблений, %	Абсолютное число употреблений	Относительное число употреблений, %
34	83	7	17

Это объясняется частотностью употребления в исследуемых текстах таких субстантивированных причастий, как *das Vergangene*, *der/die Verlobte*, *das Entscheidende* и др., например:

Der Sohn einer Tierhändlerin mit üblichem Angebot, der ohnehin über Itzehoe in Richtung Norden zu seiner Verlobten fuhr, was gefällig und brachte ein Exemplar wie gewünscht.

Das nennt man ganze Arbeit, sagte Adam, dem es egal war, was Anatol gesagt oder kanonisch gelallt hatte, das Entscheidende war, dass er beinah die Wand durchbrochen hätte, die Adam an einem der nächsten Tage würde restaurieren und neu verputzen müssen

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ *say*
(на материале романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и узник Азкабана»)

Предметом нашего исследования является семантическая структура предложений с глаголами речемыслительной деятельности (РМД) – лексическими единицами, используемыми для обозначения различных процессов речевой деятельности человека. Без глаголов данной лексико-семантической группы (ЛСГ) невозможно не только повседневное общение людей, но и оформление диалогов между персонажами в текстах художественной литературы.

Необходимо отметить, что семантика глаголов РМД отражает и описывает основные стадии процесса речепроизводства, который включает в себя переход от внутренних ментальных процессов во внешнюю устную или письменную речь. Следовательно, такие глаголы обозначают как речевые действия (*say, tell*), так и мыслительные (*understand, forget*).

К базовым глаголам данной ЛСГ в первую очередь относятся такие глаголы, как *say, tell, speak, talk*, поскольку, во-первых, в их значении уже заложен ряд взаимосвязанных действий в процессе речемыслительного акта. Во-вторых, такие глаголы являются единицами с широкой семантикой, что в сочетании с различными компонентами позволяет передавать практически любое проявление речемыслительной деятельности говорящего.

Рассмотрим более детально семантическую структуру предложений с глаголом *say*, который выступает в качестве одного из ключевых глаголов РМД и встречается с частотой более чем 1400 раз в анализируемом произведении, что демонстрирует его широкую употребительность.

Подчеркнем, что данный глагол достаточно часто используется для введения прямой речи любого характера: восклицаний, цитат, советов, просьб:

“*Thanks,*” *Harry said to Ern.* (p58412) ¹

“*Sit down, Harry,*” *said Fudge, indicating a chair by the fire.* (p60633)

“*Look at this,*” *said Ron, pulling a long thin box out of a bag.* (p79015)

Анализ дефиниций глагола *say*, а также изучение семного состава позволяют определить некоторых участников исследуемой денотативной области: субъект, объект, адресат, инструмент, оценка.

Основное значение глагола *say* – “to tell someone about a fact, thought, or opinion” (Cambridge Dictionary); “to speak or tell somebody something, using words” (Oxford Dictionary) – можно рассматривать по отношению к: 1) объекту – говорить, сказать **что**: *say smth*; 2) адресату – говорить, сказать **кому**: *say to smb*.

¹ “р” указывает на номер первого знака предложения с глаголом *say* в тексте романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и узник Азкабана».

Объектный компонент в структуре предложения, отражающего ситуацию вербального информирования, представлен, как правило, в форме прямой речи, т. е. непосредственно репликами персонажей.

С точки зрения отнесенности информации к настоящему или будущему объектный компонент данного глагола может отражать информацию, обращенную в прошлое, – *to say smth. again*.

*“Hermione!” Ron **said again**, sounding both stunned and impressed.* (p406652)

*“Why?” he **said again**.* (p210453)

Формальным маркером адресации на синтаксическом уровне выступает предлог *to*:

*“I’m packed,” Harry **said to** Ron, and he went downstairs.* (p90774)

*“C’mon,” Ron **said to** Harry and Hermione.* (p220408)

Инструментальный компонент в ситуации воздействия с исследуемым глаголом, как правило, представлен «неотчуждаемым» инструментом / «органом», при помощи которого субъект может передавать информацию. Чаще всего такими органами в ситуации вербального информирования являются голосовые связки (голос), зубы субъекта:

*“I will if she does,” **said Harry through gritted teeth**.* (p25343)

*“Did you really blow up your aunt, Harry?” **said Hermione in a very serious voice**.* (p226693)

*“Now, now, I’m sure you’ll feel differently once you’ve calmed down,” **said Fudge in a worried tone**.* (p62746)

Оценочная составляющая также может быть представлена эксплицитно в поверхностной структуре предложения, придавая дополнительную эмоциональную окраску:

*“Dead,” **said Hagrid gloomily**.* (p303873)

*“What did you do that for?” **said Harry furiously**.* (p236497)

*“Cool, sit!” **said Dean Thomas in amazement**.* (p177053)

Необходимо отметить, что оценочный компонент в поверхностной структуре предложения может выражаться с точки зрения

1) скорости акта информирования:

*“Okay,” **said Harry slowly**, “but why?”* (p64976)

*“Brutus’s,” **said Uncle Vernon promptly**.* (p33000)

*“I need you to sign the permission form,” **said Harry in a rush**.* (p27045)

2) громкости акта информирования:

*“Oh, he’s not unbalanced,” **said Dumbledore quietly**.* (p218739)

*“Did you faint as well, Weasley?” **said Malfoy loudly**.* (p117774)

3) позитивной эмотивной коннотации:

*“Excellent!” **said Harry happily**.* (p78930)

*“Did you see that?” **said Harry excitedly**.* (p327355)

*“There, now, Minerva,” **said Fudge kindly**.* (p286777)

4) нейтральной эмотивной коннотации:

*“Dad,” **said Ron simply**.* (p77838)

“No, I don't think so,” *said* Hermione composedly. (p80250)

“Nothing to worry about,” *said* Professor Lupin calmly. (p178896)

5) негативной эмотивной коннотации:

“Like I wanted to come,” *said* Harry coldly. (p26749)

“Them!” *said* Stan contemptuously. (p50423)

“Oh no,” *said* Neville Longbottom sadly. (p128698)

Таким образом, в модель денотативной области воздействия с целью передачи информации, где в роли предиката выступает глагол *say*, входят следующие элементы: субъект, объект, адресат, инструмент, оценка. Кроме того, проведенный анализ возволяет сделать вывод о том, глагол *say* является базовым глаголом РМД и возглавляет данную группу как наиболее употребительный в текстах художественных произведений при оформлении реплик в диалоге.

Е. С. Ляшенко, В. Фатыхова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ АКЦИОНАЛЬНОСТИ
В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ГЛАГОЛОМ-ПРЕДИКАТОМ *CHANGE*
(на материале художественных текстов)

В рамках когнитивного подхода Н. Н. Болдырев рассматривает категориальное значение глагола как неразрывное единство двух его аспектов: статического и динамического. Первый предполагает, что в системном значении глагола заложены определенные содержательные характеристики соответствующего концепта, который репрезентирован данным глаголом. В свою очередь, динамический аспект предусматривает категоризацию слова в момент его использования в речи. Зачастую лишь в предложении какое-либо событие категоризируется как действие, процесс, состояние и т. д. в зависимости от условий и целей его интерпретации.

Формирование категориального значения предполагает прототипический принцип организации, т. е. имеются яркие представители каждого подкласса и представители, у которых не полностью выражены черты подкласса или есть прототипические черты другого подкласса. Отклонение от прототипа может сопровождаться асимметрией формы и содержания. Например, глаголы могут иметь значение каузативности в непереходной конструкции.

Признавая размытость границ между группами, Н. Н. Болдырев выделяет следующие основные категориальные значения глагола: *акциональности, каузативности, процессуальности, свойства, стательности и релятивности*. В каждом конкретном предложении глагол-предикат реализует определенное категориальное значение или совокупность значений, что влечет за собой детерминированный набор номинативных элементов.

В настоящей работе предпринимается попытка раскрыть актуализацию значения *акциональности* в предложениях с глаголом-предикатом *change* ‘(из)менять(ся)’.

Материалом исследования послужили 209 предложений с указанным глаголом, отобранные методом сплошной выборки из 4 художественных произведений британских и американских авторов XX века.

Акциональность является важнейшим параметром глагольной семантики, полностью или частично определяющим такие свойства глагола, как набор значений его видо-временных форм, сочетаемость с теми или иными номинативными элементами, аспектуальными и актантами деривациями и др. Известное также как семантический тип предиката (Т. В. Булыгина), таксономическая категория глагола (Е. В. Падучева, Г. И. Кустова), аспектуальный класс (З. Вендлер), аспектуальный характер (Дж. Лайонс), способ действия (Ю. С. Маслов) и т. д., понятие *акциональность* представляет собой семантическую характеристику, передающую знание о сознательном и контролируемом действии, самостоятельно осуществляемом инициатором или направленном от него к другому объекту.

В языковом преломлении инициатор представлен субъектом-агентивом, который выступает источником энергии и производителем целенаправленного преднамеренного действия и осуществляет контроль над своим действием. Субъект изменения, как правило, выражен антропонимом. В лексическом значении глагола *change* присутствует признак целенаправленности. Она очень тесно связана с волитивностью, что характерно именно для человека. Объект изменения в поверхностной структуре предложения выражается прямым дополнением. Объект может быть одушевленным и неодушевленным, конкретным и абстрактным.

Ключевыми элементами семантической структуры предложений с предикатом *change*, реализующим значение акциональности, являются *агентив* и *пациентив*. Например:

(1) *He had changed the number on the phone* 'Он сменил номер на телефоне' (A. Rice. *The Witching Hour*).

В этом предложении глубинная структура представлена двумя номинативными элементами: агентивом *he* 'он' и пациентивом *the number* 'номер'.

Данные количественного анализа выборки эмпирического материала демонстрируют, что из 209 предложений значение акциональности реализуется в 75 случаях, что составляет 36 %.

Близкой по своим характеристикам к значению акциональности является категория каузативности, которая имеет обобщенное грамматическое значение «побуждение объекта к действию или изменению состояния». Понятие каузативности связывается с выражением причинно-следственных отношений между реалиями объективной действительности, когда одно действие становится причиной возникновения другого действия или состояния. Применительно к нашему исследованию ситуацию, которая отражается в предложениях, реализующих данное значение, можно описать следующим образом: каузатор воздействует на объект либо его отдельный признак (параметр). При этом происходит изменение одной из характеристик объекта или преоб-

разование совокупности свойств исходного объекта, в результате которого он теряет тождество с самим собой и превращается в принципиально иную сущность.

Основным отличием каузативности от акциональности является наличие значения причины, а также возможное присутствие значения «энергетической активности», но одновременно с этим отсутствие признаков целенаправленности и контролируемости (речь идет о неодушевленном каузаторе). Достаточным минимумом для реализации данной категории является наличие *каузатора* и *пациентива*, в роли которого выступает объект каузации. Например:

(2) *...but then this journey had changed them both* ‘...но потом это путешествие изменило их обоих’ (С. Barker. Imajica).

(3) *After all, only a tiny bit of information about the past might change the course of Rowan’s life* ‘В конце концов лишь немного информации о прошлом могло изменить ход жизни Роуэна’ (А. Rice. The Witching Hour).

В предложении (2) *this journey* ‘это путешествие’ выступает причиной, повлекшей за собой изменение одушевленного объекта-пациентива *them*. В случае (3) воздействие каузатора *information about the past* ‘информация о прошлом’ привело к изменению хода жизни героя. Отсутствие инструментива в глубинной структуре предложений, в которых объективируется категория каузативности, объясняется тем, что в отличие от деятеля каузатор не способен пользоваться орудиями и средствами.

Таким образом, акциональность выступает одним из характерных значений, реализуемых в предложениях с глаголом-предикатом *change*. В ряде случаев актуализация данной категории происходит в совокупности со значением каузативности.

Ю. В. Овсейчик

О «ДЫХАНИИ» СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В центре нашего внимания – относительная частотность французских сочинительных союзов *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’, представляющих закрытый класс слов. Перечисленные союзы квалифицируются нами как ядерные единицы сочинения. В работе используются данные Национального корпуса французского языка Frantext (режим доступа: <http://www.frantext.fr/>, дата доступа: март 2022), который включает 5 555 разножанровых тестов XI–XXI вв. объемом 264 млн словоупотреблений.

Относительная частотность как статистическая мера рассчитывается исходя из количества вхождений на один миллион словоупотреблений, что позволяет диагностировать изменения в употребительности исследуемых единиц в разных частях корпуса.

На основании корпусных данных с использованием сглаженной формы кривой построены графики кривых частотности ядерных единиц сочинения в макродиахронии (с 1 100–н/в.) со столетним интервалом и в микродиахронии с десятилетним интервалом (1 800–н/в.).

На графиках, иллюстрирующих процесс в макродиахронии, фиксируется постепенное сглаживание кривых частотности единиц начиная с 1800 г., периода современного французского языка. По утверждению А. Н. Баранова, выравнивание кривых частотности свидетельствует об освоенности дискурсивной практики (Баранов, 2021).

Графики частотности единиц в микродиахронии демонстрируют непрерывные флуктуации частотности ядерных единиц сочинения, которые свидетельствуют о сохраняющейся функциональной востребованности единиц сочинения в современном языке.

Диагностируемые колебания частотности ядерных единиц сочинения в макро- и микродиахрониях представляют, на наш взгляд, своеобразное «дыхание» союзов. Дыхание в понимании жизнедеятельности живых организмов обладает тремя важными характеристиками: регулярность, частота и глубина.

В результате соотнесения перечисленных характеристик дыхания и установленных количественных показателей частотности исследуемых единиц в макро- и микродиахрониях приходим к следующим выводам.

Ритмичность дыхания предполагает регулярность вдохов и выдохов через определенные промежутки времени. В употребительности союзов также фиксируется «ритмичность», т. е. регулярное уменьшение и увеличение частотности, отраженные в формах выпуклых и вогнутых кривых. Так, соединительный союз *et* демонстрирует семь скачков, разделительный союз *ou* – восемь скачков, противительный союз *mais* – пять скачков и т.д. в период с 1 800 г. по настоящее время.

Число дыханий в минуту, т. е. частота дыхания, варьируется у мужчин и у женщин и может претерпевать значительные колебания (от 10 до 18 за минуту). Интересно, что у детей частота дыхания составляет 20–30 дыхательных движений в минуту; у грудных детей – 30–40; у новорожденных – 40–60 (Физиология человека, 1996). Как для новорожденного характерно учащенное дыхание, так и для ядерных единиц сочинения французского языка в ранний период его развития (XI–XVI вв.) фиксируется максимальная частотность. Далее частотность каждого союза постепенно отстраивается по-разному в силу ингерентных свойств самих единиц. Выявлено, что в микродиахронии для более частотных единиц *et*, *ou*, *mais* характерны существенные флуктуации частотности (от 17 до 2542, от 16 до 980, от 16 до 3699 вхождений на один миллион словоупотреблений соответственно), для менее частотных единиц *ni*, *donc*, *or*, *car* диапазон колебаний менее значительный (в среднем от 300 до 870 вхождений на один миллион словоупотреблений).

Изменение глубины дыхания человека при физической нагрузке и в покое, т. е. объем воздуха при каждом дыхательном движении, сопоставимо в переносном смысле с изменением семантических и функциональных свойств союзов на протяжении многовековой истории развития языка. Соответственно, эти служебные слова, которые «протоколируют» многообразные отношения между сущностями, имеют разный содержательный объем на каждом синхронном срезе.

Наши наблюдения над изменениями частотных характеристик ядерных единиц сочинения подтверждают тезис Л. Теньера о том, что сочинительные союзы являются «самыми развитыми» и «самыми *человечными* и интересными элементами языка» (выделено нами. – Ю. О.) (Tesniere, 1980).

Полагаем, что фиксируемое выравнивание кривых частотности в макродиахронии и наблюдаемые непрекращающиеся флуктуации частотности в микродиахронии отражают соответственно результат и процесс освоения дискурсивной практики, другими словами, изменяющуюся потребность в номинации многообразных отношений между внеязыковыми сущностями в ходе длительного освоения разного рода деятельности человеком. Данное положение требует верификации.

В. В. Павлова

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВАРИАТИВНОСТИ ГЛАГОЛА *SNOW*

Вариативность в языке и речи составляет один из постоянных объектов лингвистических исследований. Внимание исследователей привлекают проблемы вариативности на различных языковых уровнях: текстовом, синтаксическом, семантическом. В представляемом исследовании была предпринята попытка показать взаимосвязь вариативности семантики глагола *snow* с вариативностью его семантико-синтаксического окружения.

Согласно словарям Cambridge, Longman и Merriam-Webster исходным значением глагола *snow* является метеорологическое, а именно: *to fall in or as snow* ‘выпадать в виде снега’. Примеры употребления показывают, что реализуемый в данном значении глагол *snow* является авалентным: не имеет элементов в правосторонней комплементации, а в левосторонней в качестве субъекта выступает формальное *it*: *It's snowing* ‘идет снег’. Так, ситуация, называемая глаголом, не подвергается разложению на производителя действия и само действие, что отражает синкретичность процесса, именуемого глаголом, и соответствующего ему метеорологического явления.

Анализ употреблений показал, что использование в позиции субъекта на месте формального подлежащего *it* семантически полного слова, не относящегося к области метеорологии, является первым сигналом того, что реали-

зуемое глаголом *snow* значение также не относится к области метеорологии. Как правило, появление подобного слова в позиции подлежащего сопровождается включением в синтаксическую структуру предложения позиции дополнения, что также модифицирует исходную семантику глагола.

Так, глагол *snow* может актуализировать значение ‘to deceive, persuade, or charm glibly’ (‘ловко обманывать, убеждать или очаровывать’). Семантико-синтаксическими условиями, необходимыми для актуализации данного значения, является агентив в позиции подлежащего и пациентив в позиции прямого дополнения. Структурную схему данного предложения можно записать следующим образом: SVO. Зачастую синтаксическая структура также включает позицию косвенного дополнения, которая на уровне аргументной структуры представлена инструментивом со значением вербального события: *You can't snow me with promises, Admiral* ‘Вы не сможете ввести меня в заблуждение Вашими обещаниями, адмирал’ (SVO with O). Данная семантико-синтаксическая структура может быть эксплицирована следующим образом: агентив воздействует на пациентив средством. Семантика слова в позиции инструментива позволяет отнести глагол *snow* к классу глаголов воздействия вербального характера.

Проанализированные контексты употребления глагола *snow* также показывают, что семантическая структура предложений может включать агентив, объектив и результатив в позициях подлежащего, прямого и косвенного дополнения соответственно: *They would snow the public into believing that all was well* ‘Они заставят общественность поверить, что все хорошо’ (SVO into O). Появление результатива в семантико-синтаксической структуре предложения с глаголом *snow* указывает на его принадлежность к группе каузативных глаголов. Такая семантическая модель предложения может быть эксплицирована следующим образом: каузатор побуждает объект к действию или изменению состояния.

В позиции подлежащего в предложениях с глаголом *snow* может также стоять элементив – активный неодушевленный участник процесса, как правило, стихийного характера (в терминологии В. В. Богданова): *the years had snowed his hair to a silvery white*. Правосторонняя валентность глагола представлена объектом и результативом в позициях прямого и косвенного дополнений соответственно (SVO to O). Семантическая модель данного предложения может быть эксплицирована так: каузатор побуждает объект к изменению состояния. Собственно лексическое значение глагола *snow* в данном предложении можно трактовать как *to whiten like snow* ‘побелеть как снег’. Проанализированные примеры показывают, что одна и та же синтаксическая структура актуализирует один и тот же концепт «каузативность». Тем не менее собственно лексические значения глагола *snow* в последних двух примерах не являются тождественными, что сигнализирует о необходимости учета семантики слов, заполняющих те или иные аргументные позиции.

Анализ примеров употреблений показывает, что наличие элемента с метеорологическим значением в предложениях с глаголом *snow* свидетельствует о том, что глагол используется для обозначения действия или процесса, неким образом связанного с погодными условиями, однако не всегда указывает на использование глагола в метеорологическом значении. В примере *the sudden storm snowed us in* 'внезапная буря завалила нас снегом', помимо элемента в левосторонней комплементации, представлен объектив в позиции прямого дополнения, а также адвербиальный комплемент с локативным значением (SVOCadv). Это указывает на употребление глагола для обозначения каузативного процесса. Семантическая модель предложения может быть интерпретирована так: каузатор побуждает объект к изменению состояния.

Еще одним типом структур, реализующих данное значение глагола *snow*, является SV(be/get)+ Past Participle, например: *I was snowed in because, when it snows a lot, the village plows make one pass through the streets to clear a path* 'Меня занесло снегом, потому что, когда снега много, деревенские плуги заставляют идти по улицам, чтобы расчистить путь'. Семантическая структура предложения может быть интерпретирована следующим образом: объект изменяется под воздействием каузирующих обстоятельств. Использование глагола *snow* в форме второго причастия указывает на изменение состояния синтаксического субъекта в результате некоторого воздействия, которое не было запланированным с его стороны. Наличие в синтаксической структуре адвербиального комплемента, указывающего на направление действия, акцентирует внимание на результате процесса воздействия, называемого глаголом, а именно на изменение локализации синтаксического субъекта. Словарно закрепленным значением глагола выступает *to cover, shut in, or imprison with or as if with snow* 'покрывать, закрывать снегом или как бы снегом'.

Таким образом, проанализированный материал показал взаимозависимость семантики глагола *snow* и его семантико-синтаксического окружения. Важно отметить, что не только проспективное значение слов в позиции подлежащего оказывает влияние на семантический потенциал глагола *snow*, но и значения слов в правосторонней комплементации глагола.

Исходно метеорологическое значение рассматриваемого глагола реализуется в безличных конструкциях. Помимо семантически опустошенного *it* в позиции субъекта может выступать элементив, агентив и объектив. Употребление данных актантов в левосторонней комплементации глагола, как правило, сопровождается появлением актантов и в правосторонней валентности: пациентива, объектива, инструментива. Появление актантов в номинативном окружении метеорологического глагола сигнализирует о реализации глаголом иного значения: действия, воздействия (интеллектуального, вербального), воздействия с изменением состояния.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРЕДЛОГА *ab* В ДИАХРОНИИ

Ab ‘от, из’ относится к самому древнему слою предлогов немецкого языка. Он восходит к индогерманскому слову *apo*, которое использовалось как предлог и наречие, и имеет в настоящее время эквиваленты в других индоевропейских языках, например, *ab* в латинском языке и *apo* в греческом языке.

В древневерхненемецком периоде развития немецкого языка этот предлог состоял из двух слогов и имел две формы – *apa* и *aba*, однако некоторые авторы уже опускали гласную *a* в конце слова. В средневерхненемецком периоде процесс перехода данного предлога в односложную форму продолжился: он приобрел форму *ab(e)* с факультативным и более слабым в фонетическом отношении *e*.

Изначально предлог *ab* управлял дательным падежом. Это управление сохранилось до настоящего времени, но в современном немецком языке во временном значении допускается и употребление аккузатива, например: *ab kommendem / (auch:) kommenden Montag* ‘со следующего понедельника’.

На ранних этапах развития языка предлог *ab* широко использовался в языке для связи слов в предложении. В средневерхненемецком периоде он начал вытесняться другими предлогами, в частности, *von* и *durch*. Во второй половине XIX века *ab* начал функционировать в основном как наречие.

Начиная с древневерхненемецкого периода, *ab* являлся многозначным предлогом. В древневерхненемецком языке *aba*, наряду с предлогами *vona*, *vram*, обозначал направление или движение от чего-то, от какого-либо места, происхождение вещи или какого-то лица, удаление или отделение вещи или лица от другой вещи либо лица. В средневерхне-немецком и ранневерхненемецком периодах предлог *ab* сохранял эти значения. В новеверхненемецком языке в семантическую структуру *ab* добавилось значение отсчета и очередности.

В современном немецком языке *ab* имеет несколько значений: 1) пространственное значение с указанием на пространство как исходный пункт: *ab Berlin* ‘от/из Берлина’; 2) темпоральное значение с указанием на момент или время отсчета: *ab Datum* ‘от даты, с момента’: *Jugentliche ab 18 Jahren* ‘молодые люди с 18 лет’; 3) значение точки отсчета, очередности: *ab nächster Ausgabe* ‘начиная со следующего издания’.

Таким образом, в процессе развития языка семантика предлога *ab* в целом расширилась, но объем его пространственных значений, вследствие перераспределения функций на другие предлоги, уменьшился. Например, там, где на более ранних этапах развития языка предлог *ab* употреблялся в локальном значении, сейчас используются предлоги *aus* и *von*: вместо старого употребления *ab augen*, *ab herzen* сейчас говорят *aus den Augen* ‘из вида, с глаз’, *aus dem Herzen* ‘от сердца’.

В. А. Пархимович

ИНФИНИТИВ КАК СРЕДСТВО ИМПЛИКАЦИИ СУБЪЕКТА В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Изучение семантического субъекта предложения и его особенностей является одним из ключевых направлений в современной лингвистике. Как известно, семантический субъект предложения может быть исключен из плана выражения. Средствами импликации субъекта могут выступать потенциально-предикативные единицы, выражающие свернутую пропозицию (неличные формы глагола, отглагольные существительные и прилагательные). Такие единицы дают возможность устранить из плана выражения все или некоторые ожидаемые номинативные элементы окружения семантического предиката. Тем не менее сжатую структуру можно восстановить до полной развернутой формы. В своей работе мы использовали операцию восстановления имплицированных субъектов, которая состоит в построении на базе валентности глагола-предиката потенциально возможной пропозициональной структуры и ее последующей нормализации до синтаксически корректной активной предикатной структуры.

Материал исследования представлен статьями из газеты *The Times*. Объем выборки составляет 1018 употреблений потенциально-пропозитивных единиц. Анализ самой выборки проводился по следующим критериям: по количеству восстановленных и невосстановленных семантических субъектов и их соотношению, по средствам импликации, по источникам восстановления и по степени восстановления.

В данной работе мы остановимся на таком средстве импликации, как инфинитив. В результате анализа языкового материала было обнаружено 118 употреблений данной потенциально-предикативной единицы.

В 75 % употреблений семантический субъект был представлен имплицитно. Например, ... *but Mr Cameron resisted pressure to scrap it* → *Mr Cameron scraps it* [-S Pr +O]. Валентность данного глагола предполагает наличие таких семантических актантов, как субъект и объект (*smb scrap smth*). Объект можно найти в плане выражения, тогда как семантический субъект имплицирован, но может быть восстановлен благодаря информации из предложения *Mr Cameron scraps it*.

В 25 % инфинитив не реализовал свой потенциал устранения семантического субъекта из плана выражения. Например, в предложении ... *a formal request for Westminster to approve what would be a rerun...* → *Westminster approves*.

Информация об имплицированном субъекте сохраняется в плане содержания либо текста в целом, либо конкретного предложения, в котором использована потенциально-пропозитивная единица, либо во внетекстовой информации. Можно выделить две основные группы источников восстановления информации: внутритекстовые и внетекстовые. Внутритекстовые источники представлены контекст-предложением, контекст-абзацем и контекст-текстом.

Чаще всего источником восстановления у инфинитива являлся контекст-предложение – 45 употреблений (51 %). Например, в предложении *Scotland should be put on a trajectory to reenter the EU* семантический субъект пропозиции с инфинитивом *to reenter* выражен имплицитно, но может быть восстановлен благодаря предшествующей информации в самом предложении. → *Scotland reenter the EU*.

Что касается контекст-абзаца и контекст-текста, данные источники восстановления были обнаружены в 2 % и 16 % употреблений соответственно. Например:

(1) *Jeanette Steemers attributed the ratings decline to the decision in 2012 to move the 5pm bulletin from BBC One to CBBC* – из текста абзаца становится понятно, что *BBC moved the 5pm bulletin from BBC One to CBBC*;

(2) *Plans to replace the television licence fee could force the BBC to compete with commercial broadcasters for money to make public service programmes* – семантический субъект инфинитива *replace* может быть восстановлен благодаря информации из последующего текста: *the government\the authority replace the television licence fee*.

Помимо внутритекстовых источников существуют внетекстовые. Авторы могут полагаться на фоновые знания читателя. В 33 % употреблений источником восстановления у инфинитива была внетекстовая информация. Например: *Boris Johnson will start to claw back the power to call an election today... → the House of Commons calls an election* [-S Pr +O]. В соответствии с Законом 2011 года о фиксированных сроках полномочий парламента выборы в Великобритании проводятся автоматически каждые пять лет, однако парламент может принять решение о проведении ранних (досрочных) выборов. Предполагается, что данная информация – часть фоновых знаний читателей.

Следует отметить, что семантический субъект может быть восстановлен в разной степени и иметь разную референцию. Так, полностью восстановленный субъект имеет конкретную референцию: *The figures are released as the British Medical Association publishes a charter today to prevent racial harassment of students → the British Medical Association prevent racial harassment*.

В случае, если полностью восстановить субъект не удастся, он может обладать следующей референцией: неопределенно-личной, обобщенной и абсолютно-неопределенной. Неопределенно-личный субъект указывает на группу лиц, например, на правительство, судебные органы, медицинский персонал и т.д.: *The main threat of a serious outbreak in Britain is from failure to control the virus... → smb (the authority) control the virus*. Обобщенный субъект относится к людям как к классу: *... the best way to fend off cognitive decline is to stay active → smb (people) fend off cognitive decline*. Субъект абсолютно-неопределенный не может быть идентифицирован адресатом: *There is no plan to bring it back... → smb or smth brings it back*.

В 68 % употреблений субъект имел конкретную референцию, в 32 % субъект восстановить не удалось (из них 11 % – это неопределенно-личные субъекты, 16 % – обобщенные и 5 % – абсолютно-неопределенные).

Данные показатели свидетельствуют о том, что автору важно раскрыть максимально возможное количество информационных связей. К тому же отнесение к конкретной референции помогает авторам звучать объективно и непредвзято. А употребление неопределенных или обобщенных субъектов создает впечатление распространенности излагаемого мнения и, в определенной степени, снимает ответственность с автора статьи.

А. И. Турковская, Н. П. Петрашкевич

ПОЗИЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ПЬЕСАХ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Изменение морфологической системы английского языка в среднеанглийский период повлекло за собой усиление роли порядка слов в передаче синтаксических отношений. К началу ранненовоанглийского периода (XVI–XVII вв.) функциональная нагрузка порядка слов претерпевает ряд серьезных изменений: постепенно порядок слов становится одним из ведущих средств передачи синтаксических отношений, в частности, стабилизируется порядок подлежащего и прямого дополнения относительно глагольного сказуемого в повествовательном предложении. Таким образом, грамматическая функция порядка слов начинает играть такую же (если не более важную) роль, как и коммуникативная, обеспечивающая очередность подачи информации от известного к новому (*end-focus principle*). При этом обстоятельство, чаще всего не входящее в число структурно обязательных компонентов предложения, сохранило относительную свободу места в предложении. Проследить один из этапов становления синтаксических норм можно в произведениях английского драматурга Уильяма Шекспира.

Особенности расположения обстоятельств в предложении в ранненовоанглийский период были рассмотрены на материале пяти пьес – комедии «Сон в летнюю ночь» (*Midsummer Night's Dream*), «Венецианский купец» (*The Merchant of Venice*), романтической комедии «Буря» (*The Tempest*) и трагедий «Гамлет» (*Hamlet*) и «Отелло» (*Othello*).

Чаще всего У Шекспир помещает обстоятельства в начале предложения. Такая позиция была типичной для английского языка его времени и таковой остается по сей день. Например:

Upon the heat and flame of my distemper sprinkle cool patience;

In sooth, I know not why I am so sad;

Here in this island we arriv'd;

Начальная (тематическая) позиция в предложении, как правило, сигнализирует об известности информации, заключенной в теме, а информационный фокус приходится на конечную (рематическую) часть предложения:

Upon my power I may dismiss this court;

In the corrupted currents of this world

Offence's gilded hand may shave by justice.

Такое расположение обстоятельства нередко влечет полную инверсию сказуемого для освобождения финальной позиции для подлежащего, которое несет новую информацию (коммуникативная инверсия):

At this hour Lies at mercy all mine enemies.

Чаще, однако, инверсия в предложениях с начальным обстоятельством является эмфатической, поскольку обстоятельство оказывается носителем новой информации, которая, предшествуя данной, создает необходимое условие для эмфазы (так называемый «субъективный» порядок слов – от нового к данному). Эмфатическая инверсия наиболее широко употребляется в пьесах драматурга и представлена разнообразными по типу структурами, заметно отличающимися от современной нормы.

*Thus twice before, and jump at this dead hour,
With martial stalk hath he gone by our watch;
Yet so far hath discretion fought with nature that...;
Most humbly do I take my leave, my lord.*

Похожие структуры могут не иметь инверсии. Сравним *Even from the gallows did his fell soul fleet* и *Even here I will put off my hope*. Отсутствие инверсии во втором предложении дает возможность предположить, что оно не является эмфатическим и новая информация находится в рематической части (*I will put off my hope*). Подобным образом организовано и следующее предложение:

*Now on the beak, now in the waist, the deck, in every cabin,
I flam'd amazement.*

Ритмически более полновесная группа однородных обстоятельств, вынесенная, вопреки принципу «тяжелого конца» (end-weight principle), в начало предложения, не имеет никакого прагматического эффекта: отсутствие инверсии показывает, что информация распределена от данного к новому («объективный» порядок слов) и в предложении отсутствует эмфаза.

В приведенных выше примерах с препозитивными обстоятельствами эмфатическая инверсия сказуемого является частичной, что соответствует и современной норме. Кроме частичной инверсии вспомогательного или модального глагола, в пьесах У. Шекспира встречается полная эмфатическая инверсия:

And, supportable to make the dear loss, have I means much weaker than you may call to comfort you, for I have lost my daughter.

В данном примере полная инверсия сказуемого может быть объяснена особым статусом глагола *have*, который также используется как вспомогательный. Такое употребление сохранилось в современном британском варианте английского языка в общих вопросах: *Have you any idea what it's like?*

Полная эмфатическая инверсия в предложениях, где начальное место занимает обстоятельство с отрицательным или ограничительным значением, является, видимо, особенностью средневекового английского языка, так как в современном английском такой тенденции не наблюдается. Например,

Never till this day saw I hin touch'd with anger so distemper'd.

Отметим, что расщепление сказуемого на эмфатический вспомогательный глагол *do* и знаменательный инфинитив в эмфатических предложениях также имеет место без инверсии:

*Before the time I did Lysander see;
O then, what graces in my love do dwell
That he hath turn'd a heaven unto a hell.*

Ведущая роль вспомогательного глагола *do* в эмфатических конструкциях подтверждается его использованием без инверсии и без наличия обстоятельства в позиции темы:

My pulse, as yours, doth temperately keep time, and makes as healthful music.

В таких случаях эмфатически выделяется только сказуемое (*doth ... keep*) в составе ремы, несущей новую информацию.

Эмфаза сказуемого также может быть подчеркнута помещением обстоятельства непосредственно перед ним:

*I perceive these lords At this encounter do much admire that they...
Some food we had and some fresh water that A noble Neapolitan, Gonzalo,
Out of his charity, who being then appointed Master of this design,
did give us.*

Серединная позиция обстоятельств – между группами подлежащего и сказуемого – является также средством разграничения тематической и рематической частей предложения и своего рода подготовкой к восприятию важной информации:

*Tis in my memory lock'd;
... We with wised sorrow think of him, Together with remembrance of ourselves.*

Расположение обстоятельств в начальной и серединной позициях свидетельствует о стремлении к помещению сказуемого в информационный центр предложения, что говорит о динамичности синтаксических построений в шекспировских произведениях.

Таким образом, можно констатировать, что обстоятельства в произведениях У. Шекспира обладают большой свободой расположения в предложении, что можно объяснить высокой эмоциональностью и экспрессивностью его синтаксиса. Известно, что великому драматургу свойствен импульсивный синтаксис, характерный для живой разговорной речи. Положение обстоятельств в предложении определяется главным образом коммуникативными и экспрессивными задачами. Чаще всего У. Шекспир помещает обстоятельства в начальную позицию в предложении, нередко сочетая их с эмфатической инверсией. Наблюдается структурное разнообразие предложений с обстоятельствами, и некоторые из них уже не характерны современному английскому языку. В коммуникативном плане вынесение обстоятельств в позицию темы освобождает рематическую позицию для информационного фокуса. Разграничению данной и новой информации также способствует серединная позиция обстоятельств между группами подлежащего и сказуемого, что усиливает информационный вес сказуемого.

Н. П. Петрашкевич, Е. Катарская

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГЛАВИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Знакомство с любым текстом начинается с его названия. Заголовок – это первая информация, обращенная автором к читателю, которая значительно определяет последующее восприятие содержания произведения. Заглавие становится первым шагом к интерпретации текста, ведь именно здесь читатель черпает информацию о жанре, стиле, тематике произведения, иногда его сюжете, главных героях и т.д.

Заглавие в течение последних десятилетий привлекает большое внимание исследователей. Особый незатухающий интерес к нему объясняется и уникальным положением в тексте, многообразием его функций, его семантической сложностью и особыми синтаксическими характеристиками.

Несмотря на большое количество работ, посвященных заглавиям, в основном в них исследуются названия газетных статей. До сих пор недостаточно изучен вопрос о полной структурной типологии и семантической классификации заглавий художественных произведений, их интертекстуальных связей. Таким образом, описание заглавий в отмеченных аспектах важно для изучения структуры художественного текста и его интерпретации. Если к этому добавить проблему необходимости осмысления заглавий для использования этих знаний в переводоведении, что неоднократно ставило в тупик даже весьма опытных переводчиков, то актуальность данной темы становится очевидной.

Целью данного исследования явилось изучение пропозициональной составляющей названий художественных произведений. Если воспользоваться метафорой Л. Теньера, который рассматривал предложение как «маленькую драму» / «драму в миниатюре» со своим действием, действующими лицами (актантами) и обстоятельствами (сирконстантами), то пропозиция, представленная в заглавии, в какой-то мере воспроизводит участников этой драмы и тем самым ориентирует читателя на восприятие содержания художественного произведения.

В качестве материала исследования были отобраны 106 заглавий художественных произведений разных жанров (романы, рассказы, пьесы, стихотворения, поэмы), знакомых авторам исследования. Из них 32 представлены одним словом: 27 существительных (11 имен нарицательных и 16 имен собственных), 3 числительных, 1 местоимение и 1 союз. Больше половины (56 заглавий) составляют подчинительные именные словосочетания – 30 с препозитивными и 26 с постпозитивными определениями. Препозитивные определения выражены прилагательными (18), существительными в родительном падеже (7) и существительными в общем падеже (5). Постпозитивные определения выражены предложными оборотами (20 с предлогом

of и 6 с другими предлогами). 9 заглавий представлены сочинительными сочетаниями двух существительных, объединенных союзом *and*. По 2 заглавия выражены причастными и предложными оборотами без опоры на существительное. Кроме того, в исследуемом материале зарегистрированы 4 предикативные единицы: 3 повествовательных предложения и 1 повелительное. Одно название представляет собой вокатив, который чаще всего считается высказыванием, не имеющим формы предложения.

Как видно, большинство названий (92) содержат существительные в том или ином сочетании. Семантика заглавия, выраженного одним нарицательным существительным, как правило, носит самый общий характер: оно называет тему произведения либо символ, ведущий к теме, или главного героя (*The Tempest, The Collector, The Raven, The Smile* и др.). Имя собственное ставит в центр внимания определенную личность, подчеркивается уникальность личности. Номинативный компонент четко определен, но нет никакой информации и авторских характеристик героя. Если имя собственное не является общеизвестным (как *Don Juan, Ulysses, Pygmalion, Julius Caesar*), то, чтобы понять и осмыслить замысел автора и содержание художественного произведения, читателю надо прочитать весь текст, так как заглавие такого рода не дает практически никакой информации о героях произведений (*Emma, Rip Wan Winkle, Martin Eden, Eveline* и др.). Иногда к имени собственному добавляется комментарий – указывается жанр произведения (*Jane Eyre: An Autobiography; Ivanhoe: A Romance*) или добавляются сведения о герое. Дополнительная информация может быть идентифицирующим компонентом релятивной пропозиции (*Hamlet, Prince of Denmark; Othello, the Moor of Venice*) или выполнять классифицирующую функцию (*Moby Dick, or The White Whale*). В названии *Oliver Twist, or The Parish Boy's Progress* заключены две пропозиции: релятивная классифицирующая с локативным атрибутом (*The boy is from the parish*) и материальная (*The boy makes progress*).

подавляющее большинство пропозиций, свернутых в сочетания существительных с препозитивными прилагательными, адъективированными причастиями или порядковыми числительными (14 из 18), относятся к релятивным с квалифицирующим атрибутом (*Wuthering Heights = The heights are wuthering; The Quiet American = The American is quiet; The Oval Portrait = The portrait is oval* и др.). Незначительное число составляют другие виды пропозиций: 2 материальные (*The Glass Menagerie = Somebody made the menagerie of glass; A Retrieved Reformation = Somebody retrieved reformation*) и 2 бытийные (*An American Tragedy = A tragedy happened in America*). Название *Twelfth Night, or What You Will*, включающее дополнительную информацию, содержит две свернутые пропозиции: бытийную = *Something happens on the Twelfth Night* и ментальную с объектом желания: *You will something*.

Заглавия произведений, выраженные сочетаниями существительного, определяемого другим существительным в родительном падеже, содержат более разнообразный набор пропозиций. Среди 7 заглавий такого рода в

нашей выборке встретились свернутые пропозиции с материальным процессом (*Alice's Adventures in Wonderland*), ментальным (*Lady Chatterley's Lover*), релятивным (*The French Lieutenant's Woman*) и вербальным (*The Handmaid's Tale*).

Среди заголовков, состоящих из существительного, определяемого оборотом с предлогом *of* (20 названий), преобладают свернутые пропозиции с материальными процессами, такие как *The Adventures of Huckleberry Finn*, *The Portrait of Dorian Grey*, *Lord of the Flies*, *Death of a Hero*, *The Taming of the Shrew* и др. Если материальный процесс предполагает только одного участника ситуации (*Adventures*, *Death*), то им является агенс, выраженный предложным оборотом (*Huckleberry Finn*, *a Hero*). Оборот с предлогом *of* может обозначать пациенс (*the Flies*, *the Shrew*) с указанным процессом (*Lord*, *Taming*) и имплицированным агенсом. Возможна импликация и процесса при выраженном результате (*The Portrait*). Некоторые названия, построенные по модели *N+of+N*, отражают релятивные пропозиции с идентифицирующим локативом: *The Merchant of Venice*, *Dr. Fischer of Geneva*. Распространенные словосочетания такой модели содержат несколько пропозиций, например, *The Curious Incident of the Dog in the Night-Time* (материальная, релятивная классифицирующая, бытийная), *The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner* (материальная, релятивные идентифицирующие и классифицирующие).

Именные словосочетания, включающие постпозитивные определения с другими предлогами, в основном обозначают материальные (*The Catcher in the Rye*, *A Farewell to Arms*) или бытийные пропозиции (*Light in August*, *Cat in the Rain*).

Некоторые названия имеют форму сочинительного словосочетания двух существительных с союзом *and* (*The Moon and Sixpence*, *Sense and Sensibility*, *The Red and The Green* и др.). Союз *and*, помимо осуществления чисто грамматической связи, становится знаком взаимоотношения героев, взаимосвязи событий или тем произведения. Он служит также средством отображения основного конфликта произведения – противостоящих героев или сил, которые являются двигателем описываемых событий. Пропозиции, представленные в таких названиях, в основном относятся к релятивным: *Pride and Prejudice* (*Pride opposes Prejudice*), *The Prince and the Pauper* (*The Prince opposes the Pauper*) Таким образом автор выражает субъективную оценку за счет определения взаимоотношений героев или понятий. Некоторые названия могут интерпретироваться как материальные или ментальные пропозиции. Например, *Harry Potter and the Philosopher's Stone* (*Harry Potter looks for the Philosopher's Stone*: агенс – объект действия), *Romeo and Juliet* (*Romeo and Juliet love each other*: взаимонаправленный ментальный процесс, где оба участника являются одновременно экспериентом и объектом чувств).

Многие из таких названий, воспринимаемые на пропозициональном семантическом уровне, имеют метафорический смысл, который в полной

мере раскрывается в результате ознакомления с художественным произведением (*The Glass Menagerie, An American Tragedy, The Moon and Sixpence, Vanity Fair, A Clockwork Orange* и др.).

Н. В. Курбаленко

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В немецком языке имеется разнообразный набор средств передачи значения каузативности. Самыми употребительными среди всех способов выражения значения каузативности являются каузативные глаголы, представляющие собой синтетический, или лексический, и синтаксический каузатив.

При анализе каузативных глаголов отмечается их способность выражать каузацию трех типов:

- 1) каузацию непосредственным физическим действием;
- 2) каузацию эмоций;
- 3) каузацию требованием (causation by command).

Лингвисты указывают также на то, что так называемые скрытые (синтетические) или лексические каузативы существенно отличны в своем синтаксическом поведении от соответствующих им каузативных перифраз (синтаксических каузативных конструкций)

Так, согласно имеющимся исследованиям, проведенным на материале английского и др. языков, физическое воздействие на человека или предмет предполагает активное действующее лицо в роли каузатора, поскольку в семантику таких глаголов входит обозначение сознательного, целенаправленного, реже нечаянного действия и его цели. Аналогичная картина наблюдается и в отношении немецких синтетических глаголов каузации физических действий: *In den Büchern, die er gelesen hatte, mordeten ... die Menschen, um Geld zu gewinnen oder Macht oder Königreiche* (S. Zweig. *Brennendes Geheimnis*).

Однако наш анализ показывает также, что при глаголах физической каузации в позиции подлежащего могут употребляться и неодушевленные имена существительные, выступающие в таких случаях в качестве источника каузации: *Unruhe war auch oben im Wind, der die mageren, noch vom Regen feuchten Bäume so unbändig schüttelte...* (S. Zweig. *Brennendes Geheimnis*); *... ein zufälliger Windhauch sprengt sie [die Tür zur Welt] ihnen [den Kindern] auf* (S. Zweig. *Brennendes Geheimnis*).

Являясь переходными, данные глаголы активно употребляются в страдательном залоге. Каузатор, или источник каузации, выражается при этом посредством предложно-именных групп с предлогами *durch* и *von*: *... das gefährliche Gefühl seiner Wichtigkeit und plötzlichen Bedeutsamkeit wurde in dem*

Kinde noch genährt durch das auffällige Interesse, das beide ihm widmeten (S. Zweig. Brennendes Geheimnis); *Ihre Augen waren gehärtet von einem unbeugsamen Entschluß* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis).

Как правило, лингвистами отмечается, что ни субъект, ни объект синтетических каузативных глаголов не могут быть выражены именами абстрактными, так как речь идет о каузации непосредственным физическим действием. Однако в нашей выборке выявлены многочисленные примеры таких употреблений: *Nichts schärft Intelligenz mehr als ein leidenschaftlicher Verdacht...* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis); *Der Haß hatte seine kindische Kraft gestählt...* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis).

В одних случаях мы имеем дело с метафорическим употреблением глаголов физической каузации: *Ihm war, als wäre die ganze ratlose Dunkelheit dieser wirren Nacht nun in ihn gesunken und zersprengte ihm die Brust* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis); *Die Wut, daß sie ihm entkommen waren, verbrannte und verqualmte ihm den klaren Blick* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis).

Другие случаи употребления представляют собой нечто большее, чем просто метафору: *Das Grauen schüttelte ihn [das Kind]* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis); *Die grausam brennende Angst jagte sie [die Mutter]...* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis). Очевидно, что каузативы конкретного действия подвергаются в таких случаях переосмыслению и приобретают значение морального воздействия, что существенно расширяет возможности их употребления в немецком языке.

С целью конкретизации характера воздействия в предложениях часто актуализуется такой компонент, как средство/способ каузации: *Der Bub würde jetzt ... seine Mutter mit Erzählungen bis zur Erschöpfung quälen...* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis).

Следует отметить, что неодушевленные имена существительные, используемые в качестве объекта при глаголах физической каузации, часто являются метонимическим переносом. Речь все равно идет о воздействии на человека: *Den Kopf quälte dumpfes Dröhnen, die Gelenke ein erstarrtes, hölzernes Gefühl...* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis) S. Zweig. Brennendes Geheimnis *Das trocknete ihr Gehirn aus* (S. Zweig). Также в случае с неодушевленным субъектом каузации мы часто имеем дело с метонимическим переносом: *Die beiden Augen ihnen gegenüber mit ihrer dunkel in sich flackernden Glut behinderten sie* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis) S. Zweig. Brennendes Geheimnis *... sie fürchtete sich vor dem Blick des Kindes, vor diesem neuen, fremden, so merkwürdigen Blick, der sie lähmte und unsicher machte* (S. Zweig. Brennendes Geheimnis).

Таким образом, с развитием в глаголах физической каузации переносных значений происходит расширение их сочетаемости, что увеличивает потенциал данных языковых единиц и имеет своим следствием высокую частотность их употребления в художественных текстах немецкого языка.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

В пословицах и поговорках ярче всего прослеживается национальный дух, национальная специфика, особенности национальной семантики. На содержание устойчивого выражения накладывает отпечаток вся история народа, формы и условия существования его и его языка, а также геополитические факторы: географическое положение страны, общественно-политическое и религиозное устройство, наличие соседей и др. Само существование таких факторов часто придает фразеологизму национальный колорит, который особенно заметен при сравнении с иноязычной фразеологией. Таким образом, сопоставительный анализ пословиц и поговорок разных народов позволяет понять не только различие картины мира в глазах наций, но и увидеть, что есть между ними общего, что, в свою очередь, способствует их лучшему сближению и взаимопониманию.

Концепт «любовь» является одним из основных и ключевых концептов в английской и турецкой картинах мира. Как и любая другая ментальная структура, он обладает рядом признаков, выделение которых дает возможность обнаружить дополнительные отличия и сходства в его восприятии носителями двух исследуемых языков. Мы проанализировали около 100 английских и турецких пословиц и поговорок, в которых находит отражение данная область моральных чувств. Материалом исследования послужили данные имеющихся словарей русской, турецкой и английской фразеологии, толковых словарей турецкого и английского языков. Нами решаются конкретные задачи: тематический выбор и поиск вариантов в английских и турецких пословицах (в единстве темы, образа и смысла), анализ вариантов перевода и описание типов эквивалентности межъязыковых фразеологизмов, вариативности смыслов и образов пословиц и поговорок в английской и турецкой лингвокультурах, их сравнительно-сопоставительный анализ и выявление образных, смысловых и шире – лингвокультурных особенностей, отразившихся в языковой культуре англичан и турок.

В английском языке концепт «любовь» представлен обширным номинативным полем, включающим лексические и фразеологические единицы и репрезентующим следующие когнитивные признаки: противоречивость, иррациональность, стихийность, неподконтрольность, свобода и взаимность чувств.

Для выражения понятия «любовь» в английском языке используется одна лексическая единица. Словарь *Wordsmyth Dictionary Thesaurus* приводит следующие пять значений английской лексики *love*:

- 1) tender and passionate affection for another person;
- 2) deep and strong affection for a friend or relative;

3) strong interest or enjoyment, as for an activity;

4) a person, activity, or object for which one has intense affection or strong liking;

5) a sacrificial commitment, esp. in religious experience.

В турецком же языке каждому из значений одной английской лексемы *love* соответствует своя лексическая единица:

1) *Sevda* – сильная любовь, чрезвычайная сильная страсть; глубокое, проверенное годами чувство; используется в литературной речи (*kara sevda* ‘несчастливая любовь’, *pilot olma sevdası* ‘страсть стать пилотом’);

2) *Aşk* – яркое чувство, чувство глубокого эмоционального влечения к другому человеку, любовь только к противоположному полу; чрезмерная, избыточная, непомерная любовь, чувство глубокой привязанности (*aşkıım* ‘любовь моя’, *Sana aşık oldum* ‘Я в тебя влюбился’);

3) *Sevgi* – светлое, нежное чувство; внутреннее стремление, тяготение к чему-л.; любовь ко всем, к родственникам, животным и т.д. (*Vatan/yurt sevgisi* ‘любовь к родине’, *evlat sevgisi* ‘любовь к детям’, *ayle sevgisi* ‘любовь к семье’);

4) *Muhabbet* – термин используется в суфизме, исламской философии и литературе для обозначения понятия «любовь».

Для обеих языковых картин мира характерно такое проявление амбивалентности любви, как утрата здравого смысла под влиянием этого чувства: *Aşığın gözü kördür* ‘Глаза влюбленного слепы’ (‘Любовь зла, полюбишь и козла’); *Aşk başa gelirse, akıl baştan çıkar* ‘Когда приходит любовь, уходит рассудок’; *Gönül ferman dinlemez* ‘Сердце не слушает указы’ / ‘Сердцу не прикажешь’; *Love is blind; Beauty is in the eye of the beholder* ‘Любовь слепа’. Любовь не поддается логике, не слушает доводов рассудка, она зависит от личного выбора. Влюбившись, мы не замечаем недостатки и изъяны нашей половинки, наших любимых, или принимаем, соглашаемся с ее/его недостатками: *Gülü seven dikenine katlanır* ‘Тот, кто любит розу, смирится с ее шипами’; *Kim çobanı seviyorsa, köpeğini de sevmek zorunda* ‘Кто любит чабана, должен любить и его собаку’; *Gönül kimi severse, güzel odur* ‘Кого сердце полюбит, тот и красив’ / ‘Не по-хорошему мил, а по милому хорош’; *Her güzel güzeldir ama canın sevdiği daha güzeldir* ‘Каждая красавица красива, но та, которую любит сердце, еще красивее’; *A face only a mother could love* ‘не очень привлекательное лицо’, тем не менее, для мамы ее ребенок всегда остается самым красивым и прекрасным из всех.

Схожим у двух народов является и понимание того, что главное в семейном счастье не особый бытовой комфорт и материальное благополучие, а любовь, взаимопонимание, согласие с любимым человеком: *İki gönül bir olunca samanlık seyran olur*; *A cottage is a castle for those in love*; *Love makes a cottage a castle* ‘С милым рай и в шалаше’ / ‘Влюбленным и на сеновале раздолье’ Шалаш – сооружение из веток и соломы, позволяющее укрыться от

ветра, но непригодное для длительного проживания. В турецкой пословице используется слово *samanlık* ‘сеновал’, в английском эквиваленте – *cottage* ‘хибарка, хижина’. Но у обоих народов есть понимание, что если люди по-настоящему любят друг друга, они могут жить в согласии и не имея большого достатка.

В то же время внимание привлекает и тот факт, что в турецкой языковой картине мира любовь может иметь и некоторые агрессивные проявления: *Dikensiz gül olmaz, engelsiz yar olmaz* ‘Не бывает роз без шипов, а любви без препятствий.’ Из приведенного примера следует, что любовь порой обладает воинственными признаками, о чем свидетельствует ее появление в контексте препятствия. Также любовь воспринимается в контексте сердечных мук и терзаний, сердечной тоски: *Aşk başa beladır, müşkül iptiladır* ‘Любовь – беда /на голову/ и тяжелое бремя’. *Aşık ile delinin farkı, biri gülmez, biri ağlamaz imiş* ‘Разница между влюбленным и сумасшедшим в том, что один не смеется, а другой не плачет’.

В английской языковой картине мира заслуживают внимания пословицы, выражающие идею об изменчивости и скоротечности любви: *The love that is too violent will not last long; Hot love is soon cold; Love is sweet in the beginning but sour in the ending*. Есть эквивалент и в турецком языке: *Çabuk parlayan çabuk söner* ‘Что быстро загорается/вспыхивает, то быстро и гаснет’. Но если у англичан во всех вышеприведенных фразеологических единицах присутствует компонент «любовь», что автоматически исключает двойное трактование, турецкая поговорка характеризуется отсутствием этой лексической единицы, в связи с чем предполагает и иное прочтение: ‘Горяч на почине, да скоро остыл’, что уже выходит за рамки исследуемого нами концепта «любовь».

Существенное различие в восприятии любви английским и турецким народами состоит в некой ультимативности этого чувства у последнего, его проявлении с позиции «либо все, либо ничего» / «третьего не дано»: *Aşk bir deryadır, dalmayan bilmez* ‘Любовь – это река, кто не нырнет, тот не познает.’; *Muhabbet özge halattır, giriftar olmayan bilmez* ‘Любовь – это особый канат; тот, кто не влюблен, не поймет этого’. Кроме того, турецкий народ согласен довольствоваться малым, дабы любовь в том или ином виде присутствовала в его жизни: *Deniz dalgasız, gönül sevdasız olmaz* ‘Не бывает моря без волн, а сердца без любви’.

Таким образом, при сравнении фразеологических пластов двух типологически несхожих языков были выявлены определенные лингвокультурологические особенности репрезентации концепта «любовь» национальным сознанием и миропониманием турецкого и английского народов. Очевидно, что любовь – это чувство, отношение, действие в широком смысле слова; у нее есть субъект и объект, есть начало, развитие и конец; есть типичные способы проявления, закрепленные в культурах двух народов.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Модальность предположения является составной частью общеязыковой модальности, которая в лингвистическом энциклопедическом словаре определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого».

Данная дефиниция содержит указание на два вида модальности, которые весьма отчетливо различаются в лингвистической литературе последних десятилетий, – модальность объективная и модальность субъективная. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в контексте реальности / нереальности. Субъективная же модальность представляет собой дополнительный план высказывания, отражающий отношение говорящего к сообщаемому.

Субъективная модальность и включает в себя объект нашего исследования – модальность предположения, отражающая процесс познания говорящим действительности и его оценку достоверности этой действительности.

Языковые средства выражения модальности предположения представляют собой функционально-семантическое поле с ядерно-периферийным членением, включающее в себя различные лексико-грамматические единицы. В структуру поля предположения большинство лингвистов включают следующие микрополя: микрополе уверенного предположения, микрополе неуверенного предположения, микрополе сомнения. Для каждого из микрополей немецкие лингвисты во главе с Й. Буша предлагают определенный набор лексических и грамматических средств выражения предположения. Данная классификация и легла в основу нашего исследования.

Материалом же исследования послужили немецкоязычные публицистические статьи, из изданий *Der Spiegel*, *Süddeutsche Zeitung*, *Tageszeitung*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Zeit Online*, *Focus Online*, *Welt* и др. Всего было проанализировано более 60 статей с целью выявления в них средств выражения предположения, установления их разнообразия и соотношения частотности употребления средств различных уровней. Общее количество отобранных методом сплошной выборки примеров составило 195 микроконтекстов.

Как показывает количественный анализ, модальность предположения в публицистическом дискурсе выражается преимущественно лексическими средствами (73 % случаев). Доля же грамматических средств составила 27 %.

При этом на грамматическом уровне предположение объективировалось чаще всего при помощи конструкций «модальный глагол + инфинитив I / II» (19 %). Наиболее же употребительным среди них оказался модальный глагол *dürfen* (встретился в выборке 28 раз). Предположение, выражаемое

данным глаголом, как правило, рационально обосновано, отличается уверенным, вместе с тем скромным характером, не так категорично, как в случае с модальным глаголом *müssen*, встреченным в выборке реже всего (5,4 %). В то же время модальный глагол *dürfen* передает более высокую степень уверенности, чем *mögen* (10,8 % случаев) и *können* (8,1 % случаев), что свидетельствует о стремлении авторов публицистических текстов давать осторожную, вместе с тем максимально достоверную оценку происходящего, например:

(1) *Dies **dürfte** vor allem an einer begrenzten Wirksamkeit der Booster-Impfungen gegen die Omikron-Variante liegen.*

(2) *Die TV-Serie „Diener des Volkes“ **mag** ihm 2019 **geholfen haben**, ins Amt zu kommen.*

(3) *Nazzal, dessen echter Name Hamid Kartout **gewesen sein kann**, hatte ebenfalls bereits in Deutschland gelebt.*

(4) *So steht er einmal im Rampenlicht, einmal dreht sich die CDU um ihn – der Mann **muss es wirklich nötig haben**.*

Следующим по частоте средством выражения предположения на грамматическом уровне является конструкция *scheinen* + Infinitiv I / II (8 %), которая также передает довольно высокую степень вероятности: *Zugleich **scheint sich** Moskau aber **verkalkuliert zu haben**. / Die Warnung vieler Experten, dass die Pandemie nicht vorbei sei, **scheint sich zu bewahrheiten**.*

На лексическом уровне предположение выражалось чаще всего при помощи модальных слов (54,9 %). Это может быть связано с тем, что благодаря своему ярко выраженному лексическому значению модальные слова тоньше, чем другие средства, передают всю гамму оттенков предположения.

Наиболее употребительными модальными словами с семантикой предположения, как показывает анализ, являются *vielleicht* и *wohl* (по 20,6 % случаев от общего количества модальных слов), *offenbar* (18,7 %), т. е. маркеры средней и относительно высокой степени вероятности, например:

***Vielleicht** hat der Abschied vom Imperium gerade in diesem Moment schon begonnen.*

*Was da kommen könnte, kündigt sich auch darin an, dass inzwischen **wohl** jeder Infizierte oder Genesene im direkten Umfeld hat.*

*Bei allem Lob für seine Vorgängerin will er **offenbar** den Vorwurf vermeiden, er sitze Probleme aus.*

Значительно реже в проанализированных текстах предположение выражалось при помощи таких модальных слов, как *möglicherweise* (7,5 %), *wahrscheinlich* (6,5 %), *vermutlich* (5,6 %), *offensichtlich* (5,6 %).

*Afif, der in Wirklichkeit **möglicherweise** Mohammed Massalah oder Nahib El Ceyyusi hieß, hatte einige Jahre in West-Berlin studiert und in Paris als Ingenieur gearbeitet.*

*Wenige Stunden vor dem Überfall auf das Olympische Dorf sammelte Abu Daoud die Pässe ein und verbrannte sie **wahrscheinlich**.*

*Es war **vermutlich** die vorerst letzte Gelegenheit, bei der sich ein russischer Athlet auf großer internationaler Bühne präsentieren konnte.*

*In der Runde der bei der Konferenz vertretenen Top-Manager ist das Verhältnis **offensichtlich** ein anderes.*

Реже всего в проанализированном корпусе материала встретились модальные слова *sicher* (1,9 %), *angeblich* (0,9 %), *augenscheinlich* (0,9 %), *bestimmt* (0,9 %), выражающие полярные оттенки предположения – от уверенности до сомнения, например:

*Dass es so schnell geht, hätten viele uns **sicher** nicht zugetraut.*

*Die Erfahrung, „die Friedrich Merz aus den 90er-Jahren als aktiver Politiker hat, hilft uns **bestimmt**“, sagte er im Mai mit bissigem Unterton.*

*Wozu solche Hass-Salven, wenn doch **angeblich** etwa 70 Prozent der Russen den Einmarsch ins Nachbarland begrüßen?*

Далее лексический уровень выражения предположения представляют такие конструкции с прилагательными, как *sich sicher sein, es ist offensichtlich / umstritten / zweifelhaft / möglich / denkbar / fraglich / unklar* (9 %), глаголы *glauben, meinen, denken, bezweifeln, vermuten* (8 %) и субстантивные конструкции *ohne Zweifel, der Meinung sein, nach Ansicht von...* (2 %), например:

*Ich bin mir **sicher**, dass die Union sich beteiligen wird.*

*Schon damals war **zweifelhaft**, ob die neuen Normen wirklich eine Anpassung, oder nicht eher eine Schaffung neuer Realität bedeuten.*

*Natürlich ist es **möglich**, dass Merz sich in den kommenden Monaten einen Machtkampf mit Unionsfraktionschef Ralph Brinkhaus liefert.*

*Ich **glaube**, dass die Zahlen sehr niedrig sind“.*

*Es wird **vermutet**, dass das Handelsschiff mit russischen Finanzinteressen in Zusammenhang steht.*

***Ohne Zweifel** hatte Putin in seinem Spiel auf Streit in der westlichen Allianz gesetzt, doch das Bündnis steht erstaunlich fest zusammen.*

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в немецкоязычном публицистическом дискурсе широко представлены различные средства выражения предположения, однако частотность употребления средств различных языковых уровней, как и выражаемая ими степень вероятности, существенно отличаются.

А. Н. Угринович

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК ИМПЛИЦИТНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОМПАРАТИВНОСТИ (на материале немецких СМИ)

Категория компаративности определяется как система морфологических, лексических, словообразовательных и синтаксических средств языка, объединенных общей семантической функцией, которая заключается в выражении значения равенства / неравенства сопоставляемых объектов или явлений, степени проявления качества, интенсивности признака, характеризующего данный объект или действие.

Структура категории компаративности представляет собой полевую организацию с явной концентрацией категориального признака в ядре и с семантически ослабленной периферией. Ядро составляет категория степеней сравнения имен прилагательных. Под категорией степеней сравнения И. А. Мельчук понимает категорию, «граммемы которой характеризуют степень интенсивности данного свойства – либо по отношению к такому же свойству другого объекта или всех объектов, мыслимых в данной ситуации, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени». Определить степень интенсивности можно лишь по отношению к градуируемому признаку объекта, который предполагает распределение по убыванию или нарастанию на шкале градации по отношению к норме. В новом объяснительном словаре синонимов русского языка норма определяется как понятие, «либо обычное, не отклоняющееся от среднего положения вещей, либо то положение вещей, которое является естественным для данной ситуации и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет вразрез с ожиданием потенциальных участников ситуации».

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении положительной степени сравнения имен прилагательных как имплицитного средства выражения категории компаративности.

В грамматике русского языка отмечается, что имена прилагательные в положительной степени «называют качество предмета безотносительно к тем же качествам других предметов, не сравнивая данный предмет с другими по степени данного качества». В русской грамматике под редакцией Н. Ю. Шведовой указано, что «в формах положительной степени заключено морфологическое значение, представляющее названный прилагательным признак вне сравнения по степени его проявления». Однако это традиционное понимание положительной степени переосмыслено Ю. П. Князевым, который пишет, что «качественный признак, допускающий противопоставление степеней сравнения, по самой своей природе не имеет фиксированного абсолютного значения». Следовательно, можно говорить о градуировании признака качественных прилагательных в положительной степени.

Основу для отнесения категории степеней сравнения имен прилагательных к средствам выражения категории компаративности представляет логическая операция сравнения. Данная операция включает три составных компонента: объект, эталон (стандарт) и основание для сравнения – общий признак сравниваемых объектов. Данные элементы подробно изучали Ю. П. Князев, В. М. Огольцев, А. А. Потебня, Б. В. Томашевский, Г. Й. Вермеер и другие лингвисты.

В зависимости от типа эталона сравнения можно различать эксплицитную и имплицитную релятивность степеней сравнения. Что касается формы положительной степени сравнения прилагательных, то она предполагает выражение имплицитного сравнения. В энциклопедическом словаре лингвистических терминов «имплицитный» определяется как «(скрытый), англ. *implicit, covert*, подразумеваемый, невыраженный». А. Н. Баранов к скрытым (импли-

цитным) утверждениям относит такие, «которые выявляются на основе дополнительного анализа значения выражений, входящих в высказывание, и на значении контекста употребления этого высказывания» Касательно имплицитного сравнения следует отметить, что в роли эталона (стандарта) сравнения выступают не конкретные предметы или явления, а их обобщенные «нормы».

Соотнесению с нормой (имплицитной релятивности) подвергаются определенные группы качественных прилагательных.

1. Параметрические прилагательные, образующие антонимические пары, противопоставление которых сводится к значению «больше нормы – меньше нормы». Параметрические прилагательные характеризуются «видовой нормой», т. е. усредненным представлением о степени выраженности признака определенного класса объектов: *Auf der östlichen Seite des **schmalen** Ägäischen Meeres, in der Türkei, haben die Flammen **weite** Landstriche versengt, mehrere Menschen getötet, Wälder und Felder vernichtet und sich in Tourismushochburgen vorgefressen.* ‘На восточной стороне **узкого** Эгейского моря, в Турции, пламя опалило **широкие** участки земли, убив несколько человек, уничтожив леса и поля и охватив популярные туристические места’ (SZ, 6.08.2021).

2. Оценочные прилагательные, которые выражают общую оценку и соотносятся с нормой, которая выражает соответствие определенным пожеланиям и требованиям, которым должен соответствовать объект оценки (хорошо–плохо): *Es gab ja nicht nur die Draisine, sondern viele unerwartete Folgen, **gute und schlechte**.* ‘Это был не просто слив, было много неожиданных последствий, **хороших и плохих**’ (SZ, 11.09.2016).

3. Прилагательные цвета обычно используются в качестве фона, по контрасту с которым демонстрируется имплицитно релятивный характер значения параметрических и оценочных прилагательных. Хотя прилагательные цвета, как правило, не образуют антонимических пар, обозначаемые ими признаки также имеют шкалу варьирования: *Der **rote** deutsche Reisepass wirkt echt, bis Gruber ihn sich genauer ansieht: Max Mustermann steht da.* ‘**Красный** немецкий паспорт выглядит настоящим, пока Грубер не присматривается к нему: там стоит Макс Мустерманн’ (SZ, 17.10.2021).

4. Прилагательные необладания признаком, точкой отсчета для градации которых является отсутствие признака. Ю. П. Князев считает, что именно отсутствие признака «характеризуется количественной определенностью и именно по отношению к нему устанавливаются различные градации наличия признака»: *Mit der **richtigen** Einstellung können noch viel dramatischere Zukunftsfragen gelöst werden.* ‘При **правильном** отношении можно решить гораздо более драматические вопросы о будущем’ (Welt, 10.12.2020).

Таким образом, можно заключить, что положительная степень «обозначает признак с учетом типичной количественной меры его проявления для данного класса объекта» (Ю. П. Князев). Описанным выше классам качественных прилагательных в разной мере свойственно соотнесение с нормой, которая выступает в качестве имплицитной точки отсчета (стандарта сравнения).

В качестве материала для исследования послужили информационные (репортаж) и аналитические (комментарий) типы текстов ведущих онлайн-газет Германии. Объем выборки статей составляет 200 000 слово-употреблений в обоих жанрах. Корпус отобранных качественных прилагательных в положительной степени насчитывает 1597 примеров. Количественный подсчет показал, что прилагательные в положительной степени преобладают в комментариях – 857 примеров употребления по сравнению с репортажем, в котором были отмечены 740 примеров качественных прилагательных в положительной степени. Это можно объяснить смысловой характеристикой журналистских жанров. Так, в комментарии автором проводится глубокий анализ причинно-следственных взаимосвязей имеющейся проблематики; имплицитные прилагательные способствуют конкретизации авторской оценки и помогают читателю распознать скрытые мотивы авторского замысла. В свою очередь, журналистскому жанру «репортаж» свойственно объективное и детальное описание окружающей обстановки, репортер активно старается погрузить читателя в ситуацию с места события. В этой связи наблюдается меньшее использование имплицитных прилагательных в положительной степени, т.к. журналист скорее прибегает к эксплицитным средствам категории компаративности.

ФОНЕТИКА

Л. Г. Воробьева

УМЕЛОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОЛОСА В УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ

Как известно, процесс общения является сложным и не до конца изученным лингвистическим явлением, и в связи с этим разработка его модели, которая охватывала бы все нюансы многофакторной содержательности речевого общения, представляется трудной и пока не решенной задачей. В ходе речевой коммуникации при передаче информации от адресанта к адресату основной целью, тем не менее, остается выражение отношения и оценки говорящим излагаемых явлений, фактов, событий. Из этого следует, что в процессе общения должен существовать более глубокий и фундаментальный принцип его целенаправленности, который лингвисты называют принципом прагматической достаточности. На современном этапе поиском оптимальных средств, которые позволяют человеку адекватно передавать различные мысли, при этом реализовывать оценочную и коммуникативно-эмотивную интенцию как неотъемлемые составляющие, способствующие достижению определенной цели высказывания, занимается прагматика, центральной категорией которой лингвисты называют речевой акт.

Так, в частности, прагматическую функцию воздействия в устной речи лингвисты видят в целенаправленной организации вербального управления коммуникативного намерения говорящего голосом, т. е. избирательностью арсенала фонетических средств и их продуцирования.

Необходимость исследования прагматической функции в реализуемом речевом акте диктуется в первую очередь практическими задачами, реальными потребностями и необходимостью эффективного воздействия на слушателя языковыми средствами, которые составляют часть обучения иностранному языку, а также подготовки специалистов целого ряда профилей, повседневно контактирующих с многочисленной аудиторией, – учителей, лекторов, актеров и др.

Адекватный выбор адресантом языковых средств, выполняющих прагматическую функцию речевого воздействия, неизбежно детерминирован комплексом экстралингвистических условий и лингвистических закономерностей их актуализации.

Языковые средства воздействия должны формироваться в соответствии с определенными сферами их потенциальной эффективности в конкретной экстралингвистической ситуации речевого общения, которая определяет отбор лексем, синтаксических структур и манеры звучания. Следует признать, что во время устного общения голос является наиболее важным инстру-

ментом, который передает вербальное послание от источника информации к получателю. Здесь важно рассмотреть несколько аспектов, чтобы определить, эффективно ли и насколько используется голос.

Интересный и эффективный голос – это голос сильный, варьируемый, быстро реагирующий на информативное содержание речи и рефлексию слушателя. Инстантность и характер изменения голоса, диапазон модуляции являются индикатором, демонстрирующим намерение говорящего или изменение его отношения к сообщаемому или адресату.

Коммуникативно-прагматическая составляющая речевого акта, соответственно, ее языковая обусловленность, определяет заданность ситуативной нормативности и является определяющей на уровне нормы, поэтому выбор стилистической нормы (всего комплекса языковых средств) является прагматически значимым. Следовательно, совокупность адекватных семантико-стилистических и просодических средств обеспечивают экспрессивность речевого акта, что усиливает образительность и выразительность речи, а также увеличивает воздействующую силу коммуникативного намерения.

Экспрессивность речи, базовая функция которой – оказать воздействие на сознание и поведение реципиента, действует как ее неизбежный комплексный атрибут на каждом этапе решения как коммуникативной задачи, так и реализации мотивов, побуждающих к созданию речи. Адекватное соотношению мотивов и целей речевого посыла при отборе языковых средств и их актуализация в речевом акте делает устный дискурс наиболее успешным с точки зрения его воздействующего эффекта.

Одним из главных факторов просодического воздействия в устном дискурсе выступает фразовая акцентуация, которая проявляется в дистрибуции типов фразовых ядерных и предъядерных ударений, а также особенности паузального членения речи, распределении выделенных акцентов в зависимости от их коммуникативной значимости. Темп речи и паузация как факторы убеждающего воздействия обусловлены, несомненно, коммуникативным контекстом ситуации общения и личностными характеристиками говорящего, что проявляется в частотности пауз разной продолжительности, вариативности темпа, соотношении фонации и паузации как средств фокусировки на семантике выделенного фрагмента, что влияет в свою очередь на коннотативное значение всего сообщения.

Прагматический эффект вариативной избирательности фонетических средств может быть как планируемым (целевым, направленным), так и непланируемым (фактическим), и их соотношение в зависимости от опыта адресанта может быть интуитивно избирательным как в каждом социуме, так и в сфере общения. Во время тренировки голоса важно понимать, что достижение стереотипного «правильного образца» ни в коем случае не является основной самоцелью. Даже если бы это было возможно, два голоса практически не могут быть совершенно одинаковыми. Ваш голос – это выражение вашей индивидуальности. Не разумно пытаться определить только один «хороший» голос. Любой голос может быть более эффективным в одних обстоя-

тельстввах, чем в других, что можно слышать в профессиональной речевой экспликации личности того или иного персонажа, например, в сценической или кинематографической речи. В то же время отсутствие искренней убежденности и индивидуальной интерпретации содержательности речевого акта не может восприниматься как «хороший» голос.

В лингвистических исследованиях устных сообщений на материале различных языков наряду с указанными выше экстралингвистическими способами донесения эмотивного посыла говорящим, в каждом устном дискурсе особую важность в процессе речепроизводства и модуляции голоса приобретают просодические средства, выбор которых определяет заданность на соблюдение таких принятых универсальных характеристик «хорошей речи», как четкая дикция, приятный тембр, регулируемая громкость, вариативный темп и ритм, сегментация текста на просодические единицы, а также характер перерывов фонации, иными словами, умение «держат паузу», тональная и акцентная вариативность, которые в их комплексной природе являются непременным условием реализации коммуникативного намерения адресанта.

Ю. В. Дашкевич

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Заимствование английских слов в корейский язык сопровождается процессами адаптации, которые протекают на нескольких языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, семантическом. Несомненно, наиболее значительные изменения затрагивают фонетический уровень: фонемная система корейского языка количественно сопоставима с английской, однако противопоставления фонем строятся на качественно новых дистинктивных признаках. Вместе с тем элементы силлабической организации корейского языка, а также фиксированная структура слога (C)(G)V(C) приводят к изменению как количества слогов, так и их структурного наполнения.

С точки зрения морфологии необходимо отдельно рассматривать вопросы слово- и формообразования. Большая часть англицизмов в корейском языке – существительные, поэтому заимствуются без каких-либо изменений морфологической структуры. Тем не менее корейскому языку свойственно создавать собственные слова с использованием английских корней путем сложения (например, *back + mirror* → *baek-mi-reo* ‘зеркало заднего вида) или слияния (*remote + control* → *ri-mo-keon* ‘пульт’). Иначе адаптируются глаголы и имена прилагательные: в корейском языке они представляют глаголы действия и глаголы состояния соответственно, поэтому в процессе заимствования приобретают спрягаемую часть *-ha-da* ‘делать’ либо *-doe-da* ‘становиться’, например: *no-keu-ha-da* ‘стучать’; *seu-ma-teu-ha-da* ‘нарядный’.

В качестве связующего звена между фонетической и морфологической адаптацией заимствований выступает сфера исследования морфонологии. Корейский язык относится к числу агглютинативных, где одна грамматическая категория обычно соответствует одному аффиксу, причем варианты аффиксов, как правило, определяются фонологическим контекстом. Это правило оказывает значительное влияние на заимствования, в которых последняя согласная буква может давать несколько вариантов произношения в зависимости от фонемного окружения. Например, при добавлении окончаний на гласную конечный [l] чередуется с [r], аналогично /t/ чередуется с /s/: *se-il* ‘распродажа’ → *se-i-ri* (-i – маркер темы); *ti-ket* ‘билет’ → *ti-ke-seul* (-eul – маркер объекта). Такие изменения препятствуют пониманию слов, если в сознании слушающего нет прочной связи звучания с графическим образом.

В конечном счете преобразования на перечисленных выше языковых уровнях накладываются друг на друга и становятся серьезным препятствием для восприятия англицизмов носителями корейского языка. Более того, невозможно определить наверняка, какие из изменений выходят на первый план и приводят к искажению восприятия, т. к. «мы не можем наблюдать непосредственно процессы, протекающие в мозгу человека, и можем лишь догадываться о них, наблюдая внешние проявления» (Э. Хауген 1972, с. 344). Сегодня существуют исследования, систематизирующие знания об адаптации англицизмов в корейском языке, однако они выполнены в русле структурного и сопоставительного языкознания и, следовательно, игнорируют вопросы когнитивного характера. Проведенные нами аудитивные эксперименты позволили дать ответы лишь на некоторые из них.

Во-первых, восприятие протекает в двух направлениях, которые взаимно дополняют друг друга: дедуктивно (от образа слова целиком к «достаиванию» нераспознанных фонем) и индуктивно (от распознавания каждой отдельно взятой фонемы к составлению цельного слова). Результаты исследований указывают на то, что при распознавании коротких слов (1–2 слога) доминирует индуктивное направление восприятия, тогда как для более длинных слов – дедуктивное. Это объясняется тем, что одного или двух слогов недостаточно для того, чтобы построить полноценный образ слова.

Во-вторых, удалось установить факторы, способствующие успешному распознаванию англицизмов на слух. Обобщенно можно утверждать, что лучше всего воспринимаются заимствования: (1) наиболее частотные; (2) адаптированные с минимальными модификациями как фонемной, так и слоговой структуры; (3) произнесенные в изоляции. Важную роль играет также предварительное целенаправленное обучение слушающего принципам фонетической адаптации заимствований, с помощью которого возможно построить в сознании носителя корейского языка прямую связь между английскими и корейскими аналогами фонем, не схожих по перцептивным и артикуляционным характеристикам (например, /f/ – /p^h/, /z/ – /tɕ/, /z:/ – /ɔ/).

Кроме упомянутой выше проблемы первичности фонемной, слоговой или акцентной структур, нерешенными остаются такие вопросы, как сила фонологического фильтра в восприятии носителей корейского языка, взаимовлияние письменной и устной речи при восприятии заимствований, ключи к распознаванию слуховых образов лексических единиц.

Решение поставленных вопросов найдет свое применение, в первую очередь, в преподавании корейского языка. Результаты исследований могут быть использованы при составлении учебных пособий по фонетике в сопоставительном аспекте, введение которого в методику обучения произношению «обеспечивает сознательный подход к устранению ошибок, неизбежно возникающих в результате наложения системы артикуляционных навыков родного языка на язык изучаемый» (В. А. Виноградов 1971, с. 3). Особое преимущество при таком подходе получают так называемые академические билингвы, владеющие не только собственно английским языком, но и теоретическими знаниями о его фонологической системе, т. к. на базе этих знаний возможно осуществить положительный перенос. Именно заимствования представляются наиболее подходящим материалом для соответствующих исследований, так как в них наиболее наглядно актуализируется контраст между сравниваемыми фонологическими системами.

Е. Б. Карневская, О. В. Ниживинская

МЕЛОДИЧЕСКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ЕДИНИЦ ВНУТРИФРАЗОВОЙ СЕГМЕНТАЦИИ ПРИ РАЗНЫХ ТИПАХ ЧЛЕНЕНИЯ

Разнообразие семантико-синтаксических связей и различия в степени смысловой связанности между частями звучащего предложения – синтагмами (В. В. Виноградов 1975, с. 88–154) – получили экспериментальное доказательство в вариативности просодических средств членения высказывания. Такие доказательства были результатом серии исследований, выполненных в области «синтаксической фонетики» в 60–70-е годы прошлого века. Установленная вариативность касалась, прежде всего, длительности межсинтагменных пауз и типа терминального тона неконечных и конечных синтагм. Учитывались и различия в характере контраста уровней ч.о.т. непосредственно на межсинтагменной границе как маркера типа соединения (Э. П. Киселева 1964). Дистрибуция типов просодического стыка раскрыла сложное соотношение статических (синтаксических) и динамических (коммуникативных) факторов в выборе просодических средств сегментации.

С середины 80-х годов прошлого века в экспериментальных исследованиях фразовой просодии данное явление стало рассматриваться как категория, представленная четырехчленной парадигмой: слабое (неполное, промежуточное) синтагматическое членение ($\dot{\quad}$); нейтральное (простое, полное)

синтагматическое членение ({), свободное (автономизирующее) синтагматическое членение (|) и межфразовое членение (||) (О. Ф. Кривнова 1999; Е. Б. Карневская 1986). В парадигму просодического членения может включаться и свободное межакцентное членение (÷) (Е. Б. Карневская 1986), и тогда просодическое членение охватывает и внутрисинтагменное разграничение по степени связи акцентных единиц. На внутрифразовом уровне названные типы членения соотносятся с акцентной группой, неполной синтагмой (микросинтагмой), полной (простой) синтагмой и интонационной фразой (макросинтагмой). Кроме того, сочетаемость неполной синтагмы с полной позволяет выделить «усложненную» синтагму, инкорпорирующую иерархически более низкую – неполную – синтагму.

В зарубежной литературе идея дискретизации внутрифразового просодического членения получила отражение в автосегментной теории просодии (G. Gussenhoven 2004) и просодической транскрипции ТОВІ (Tones and Breaks Indices), в которой типы членения соотносятся с иерархией единиц сегментации, включающей интонационные фразы, интонационные группы, просодические слова и стопы (Е. О. Selkirk 1995). Представленная иерархия соотносима с единицами просодической сегментации в автосегментной теории, получившей отражение в системе транскрипции ТОВІ. Обе классификации единиц просодического членения, со всей очевидностью, основаны на сходных принципах, предполагающих взаимодействие интеграции/деинтеграции в процессе формирования высказывания.

В проведенном нами экспериментальном исследовании на материале англоязычного медиадискурса официально-делового характера, изложенная схема дискретизации типов членения послужила одним из основополагающих принципов анализа и описания просодии дискурса указанного типа.

Важность явления сегментации в указанном исследовании изначально определялась многосинтагменностью, которая оказалась постоянной (более 90 %) характеристикой просодической организации речевых актов в экспериментальном корпусе. С учетом установленного в процессе аудитивного анализа доминирования нисходящего терминального тона, подтвержденного достоверительным визуально-акустическим анализом движения ч.о.т., необходимо было установить наличие/отсутствие зависимости воспринимаемого типа внутрифразового членения от мелодического завершения единиц сегментации.

Согласно экспериментальным данным, частотность обобщенных типов мелодического завершения варьирует в разных по статусу неконечных синтагмах. Показателем данной зависимости выступает градуальное увеличение частотности нисходящих терминальных тонов от простой синтагмы к интонационной фразе и далее к конечной синтагме, т. е. к межфразовому членению, при одновременном уменьшении частотности терминального восходящего мелодического типа (табл. 1).

Частотность обобщенных типов мелодического завершения
в разных по статусу типах синтагм в речи говорящих, %

Тип синтагмы	Обобщенный тип мелодического завершения		
	нисходящий	восходящий	ровный
неполная синтагма (микросинтагма)	55,6	22,2	22,2
простая синтагма	42,0	48,2	9,8
усложненная синтагма	43,2	38,3	18,5
интонационная фраза (макросинтагма)	66,0	28,3	5,7
конечная синтагма	76,0	19,6	4,4

Частотность нисходящих терминальных тонов в неполной синтагме (микросинтагме), как видно из табл. 1, несколько нарушает отмеченную градуальность, превышая на $\approx 10\%$ показатели простой (полной) синтагмы. Высокая частотность нисходящего завершения, безусловно, отличает рассматриваемый тип сегментации в спонтанной речи от имеющихся данных, полученных на материале чтения вслух.

Обращает на себя внимание и достаточно высокая частотность восходящего типа завершения в конечной интонационной группе (20 %), что, во-первых, подтверждает отмечаемую в литературе тенденцию к так называемому “up-talk” (‘движению вверх’) в современной английской интонации, особенно характерную для женской речи, во-вторых, объясняется частотностью употребления нисходяще-восходящего тона, который в данной позиции выполняет функцию референции к уже упомянутому в контексте и связывает конец многосинтагменной фразы с ее началом.

Рассмотрение особенностей мелодического завершения разных типов интонационных групп с учетом высотно-диапазонального варьирования в рамках обобщенных мелодических типов, в частности, нисходящего (табл. 2), обнаруживает доминирование высокого нисходящего тона и исключительно малое количество низких вариантов нисходящего тона при всех выделяемых типах членения. Даже в конечной интонационной группе фразы низкое падение высоты голоса составляет лишь 8 %, в то время как высокая разновидность нисходящего завершения употреблена в 40 % случаев. По результатам акустического анализа, воспринимаемый высокий нисходящий тон в данной позиции отличается наиболее высоким нормированным показателем минимального уровня ч.о.т., что указывает на недостаточную глубину падения высоты голоса (так называемое «неглубокое падение», “not low ending”) и свидетельствует о тесной межфразовой связи между речевыми актами в рамках речевого действия.

Частотность высотно-диапазональных разновидностей нисходящего и восходяще-нисходящего тонов в разных по статусу типах синтагм в речи говорящих, %

Разновидность нисходящего тона	Неполная синтагма	Простая синтагма	Усложненная синтагма	Интонационная фраза	Фраза-высказывание
\m	55,9	48,0	31,5	20,1	32,5
\m	13,7	8,5	11,4	11,4	7,1
\m	20,6	34,3	45,7	48,3	44,6
\m	1	5,2	11,4	11,4	6,3
\m	1	0,9	–	5,8	2,1
^ m	4,9	3,1	–	3,0	6,3
^m	2,9	–	–	–	1,1

С точки зрения мелодического разнообразия наименьшее число разновидностей нисходящего тона используется в усложненной синтагме (4 высотно-диапазональные разновидности из 7), а наибольшее разнообразие вариантов нисходящего тона было отмечено в неполной синтагме и в конечной синтагме фразы (7 из 7).

Т. К. Кохнович

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕПЛИК-РЕАКЦИЙ
В ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ ЕДИНСТВАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Важной проблемой коммуникативной лингвистики является изучение особенностей диалогической речи, так как именно в диалоге раскрывается сущность вербальной коммуникации. Согласно М. М. Бахтину диалогические отношения пронизывают все сферы человеческой жизни и только в диалоге может быть достигнуто адекватное поведение личности. Изучение коммуникативного поведения личности в диалогическом общении служит одним из показателей межличностных отношений. Основной единицей диалога является диалогическое единство. Данный термин был введен Н. Ю. Шведовой и прочно вошел в лингвистику. Ключевыми характеристиками диалогического единства указанный автор называет тематическую, интенционную и структурную целостность входящих в него реплик. А. М. Михайлов также подчеркивает коммуникативную целостность диалогического единства, рассматривает его как монотематическую единицу диалога, создаваемую двумя или более коммуникантами. Таким образом,

диалогическое единство – это сочетание реплик диалога, которые связаны в единое целое по определенным правилам. Под репликой понимается структурно-семантическая единица диалога, отрезок от момента начала речи первого участника коммуникации до момента смены говорящего.

В научной литературе существуют различные классификации диалогических единств, основными из которых являются: а) единства, в которых вторая реплика (реплика-реакция) продолжает незаконченную первую; б) единства, в которых реплики связаны одним предметом мысли и представляют собой высказывание по данному поводу; в) единства, в которых во второй реплике выражается согласие или несогласие с утверждением, заключенным в первой; г) единства, в которых содержание и форма первой реплики определяют содержание и форму другой.

Базовым типом диалогического единства принято считать вопросно-ответное единство, где основная функция первой реплики – запрос информации и второй реплики – выполнение ответа. Система вопросов и ответов является самым распространенным типом коммуникативной связи, характерной для диалогической речи, так как отдельно поставленный вопрос не содержит законченного высказывания. Как отмечает О. Г. Почепцов, вопрос выступает ведущим элементом диалогического единства и определяет не только семантическую, но и синтаксическую структуру высказывания, реализованного в ответе. Вопрос – это запрос информации, при осуществлении которого спрашивающий преследует две цели – заполнение лакуны, и конечную – завершение того или иного речевого акта.

Первоначально исследования вопросно-ответных диалогических единств были сосредоточены на анализе иницирующих реплик (реплик-стимулов), прагматическая направленность которых очевидна. Реагирующие реплики (реплики-реакции) в силу их коммуникативно-прагматической несостоятельности оставались в тени. Значимость этих реплик в организации диалогического взаимодействия показали исследования Н. Д. Арутюновой. Было отмечено, что отношения между компонентами диалогического единства классифицируются исходя из того, насколько эффективно полученный ответ выполняет возложенную на него функцию, то есть насколько он соответствует интенции спрашивающего.

В настоящее время в сфере внимания лингвистов все чаще оказываются реплики-реакции, а типы вопросно-ответных единств выделяются на основе самых разных критериев. При этом отмечается, что структура ответных реплик легче поддается типологизации (О. А. Кострова). Исследования А. А. Леоновой-Елисейевой позволили выделить среди ответных реплик три основные группы: эмоциональные реакции, уточняющие перифразы и неавтономные реплики в виде подтверждения, отрицания и т.д. В. Ф. Берков указывает на неравнозначность ответных реплик по логико-информационным характеристикам. Автор различает прямые и косвенные ответы, полные и неполные, исчерпывающие и неисчерпывающие, допустимые и недопустимые, которые не являются ответами по существу. Анализ научных работ позволяет выде-

лить признаки, по которым между собой ответные реплики: признак вербализации (вербальный и невербальный), формальный, информативный, интенционный, коммуникативный, к которому относится также молчание. Хотя адресат в силу своей коммуникативной роли имеет большую инициативу в конкретной речевой ситуации, он должен верно интерпретировать высказывание адресанта и уместно реагировать на него.

Для исследования специфики реплик-реакций в вопросно-ответных единствах в немецком языке нами были отобраны методом сплошной выборки 150 диалогических единств из произведений немецкого писателя Э. Кестнера. Художественные произведения указанного автора характеризуются обилием диалогической речи, что способствует также изучению индивидуального стиля писателя. В качестве инициирующих реплик выступали местоименные (75) и неместоименные (75) вопросы. Поскольку закономерности диалогического общения предполагают учет реализации интенции говорящего, мы изучили характер соответствия ответной реплики иллокутивной силе инициирующей реплики с местоименным вопросом. Результаты выглядят следующим образом: полное соответствие – 48,2 %; частичное соответствие – 28,8 %; несоответствие – 25 %. Следует отметить, что во всех случаях реализации ответных реплик имеет место незначительное использование вербальных средств. Так, при полном соответствии ответной реплики иллокутивной силе реплики-стимула имеет место употребление, в основном, таких лексических единиц, как *selbstverständlich, ja, jawohl, großartig*, и т.д. При частичном соответствии интенции используются модальные слова, отрицания с различными уточнениями: *Nein, aber...; nicht besonders; vielleicht*. При несоответствии интенции используются в большей степени устойчивые выражения, односложные слова: *es macht sich; Teufel, Teufel, nur so* и т.д. Однозначный ответ (подтверждение или отрицание) дает использование невербальных средств. Они являются дополнительным способом передачи информации и во многом влияют на построение диалогической речи: *Er nickte. Er schüttelte den Kopf. Er zuckte die Achseln*.

Материал показал, что четко прослеживается зависимость реплики-реакции от реплики-стимула, которая направляет развитие темы, способствует построению второй реплики.

Результаты анализа реплик-реакций в вопросно-ответных единствах с неместоименным вопросом выглядят следующим образом: подтверждение запроса информации – 36 %, несогласие с информацией вопроса – 27 %. Кроме того, большое значение в ответной реплике имеют невербальные средства – 21 % и авторские ремарки – 16 %. При подтверждении/несогласии с информацией реплики-стимула используются краткие слова-высказывания: *ja, nein, doch, eisern* и т.д. При подтверждении или при отрицании запроса в ответах могут использоваться интенсификаторы и слова с различной степенью оценки: *großartig, natürlich, ja, freilich, Ach ja, keine Bohne, leider nicht, nicht doch, bloß nicht, keine Ahnung*.

Невербальные средства общения могут заменять в данном единстве вербальное общение и обеспечивать успех коммуникации: *Er nickte begeistert*. В некоторых случаях положительный или отрицательный ответ на соответствующий стимул дают авторские ремарки. Это один из способов передать речевую ситуацию, охарактеризовать речь героев повествования. Они помогают читателю лучше понять содержание реплик, а также отношение говорящих друг к другу и ситуации в целом: *Er lehnte das Angebot ab. Er schwieg und starrte über die Straße*.

Анализ материала показал, что ответная реплика строится в зависимости от типа вопросительного высказывания, она формирует семантический план диалогического единства. Это связано с коммуникативной нагрузкой ответных реплик, которые отражают как противоположные, так и совпадающие точки зрения участников диалогического общения. При этом ответные реплики реагируют на тот член вопросительного высказывания, который указывает на недостающую часть суждения. Использование в диалогическом единстве эллиптических конструкций, простых высказываний, модальных слов характеризует специфику диалога как особого речевого построения. Кроме того, краткие высказывания, в том числе эллиптические, придают произведениям художественной литературы выразительность, эмоциональность и динамичность.

И. Г. Лебедева

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Находящийся в постоянно изменяющемся состоянии окружающий мир стимулирует сознание человека активно отражать объекты действительности, которые, трансформируясь и взаимодействуя, способны вызывать у человека те или иные переживания и эмоциональные реакции, от которых непосредственно зависит конечный результат процесса коммуникации. Эмоциональная речь не вписывается в жесткие языковые схемы и стандарты, ее трудно изучать, потому что в студийных условиях очень трудно вызвать у испытуемого то или иное эмоциональное состояние и зафиксировать речевую реакцию. Тот факт, что эмоциональная речь не стандартна, заставлял исследователей отказываться от ее описания.

Во время коммуникации мы выражаем эмоции как в устной, так и письменной речи. Эмоциональное состояние человека проявляется как на вербальном, так и на невербальном уровне. Эмоции охватывают абсолютно все языковые уровни – лексику, морфологию, синтаксис, однако наиболее полное выражение они находят на просодическом уровне, поскольку наш голос и речевой аппарат связан с целым комплексом физиологических изменений при переживании эмоций.

Поскольку просодия представлена комплексом компонентов, включающих мелодию, ударения, ритм, темпоральные изменения и тембр, выражение эмоций сопряжено с изменениями всех этих составляющих.

Базовыми эмоциями в психологии выступают эмоция радости и эмоция гнева. Обе они являются стеническими, одна из них положительная, а вторая – отрицательная. Их астеническим антиподом выступает эмоция грусти.

Проведенное нами экспериментальное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно просодического оформления эмоциональной речи на французском языке.

1. В мелодическом оформлении эмоциональной речи французской всегда присутствуют тоны сложной конфигурации. Сильные стенические эмоции сопровождаются широким мелодическим интервалом, астенические – узким. Отрицательные эмоции отличают скачкообразные изменения, положительные – плавные.

Как видно из рис. 1, для эмоции радости свойственен широкий интервал изменения частоты основного тона, появляются два добавочных уровня, отмечаются резкие скачки в изменении высоты голоса. В нашем исследовательском материале фразы, выражающие эмоцию радости, имели сложный восходяще-нисходящий тон.

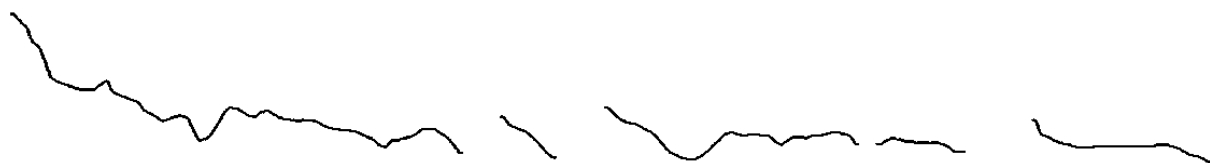

Рис. 1. Мелодическое оформление эмоции радости во фразе «C'est merveilleux que vous fassiez ce voyage ensemble».

Эмоция грусти, напротив, характеризуется узким мелодическим интервалом, преобладает нисходящее движение тона, хотя, как видно из рис. 2, на словах, непосредственно объясняющих причину грусти, присутствуют тоны сложной конфигурации.

Рис. 2. Мелодическое оформление эмоции печали во фразе «J'ai vraiment les boules de ... ne pas avoir réussi».

Тоны сложной конфигурации также присутствуют и на эмоции гнева (рис. 3). Для эмоции гнева, в отличие от радости и грусти, свойственно скачкообразное изменение тона на ударных слогах.

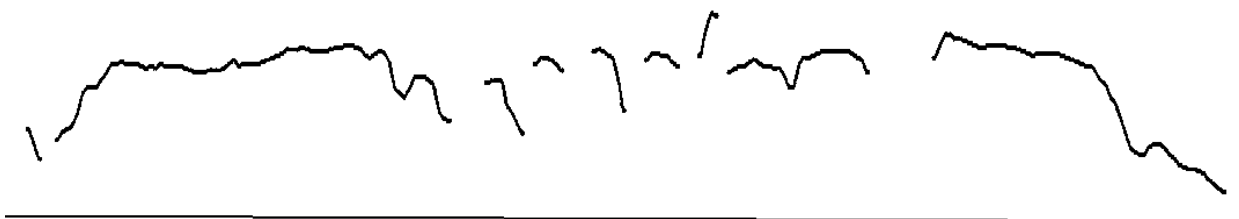

Рис. 3. Мелодическое оформление эмоции гнева во фразе «J'en ai marre de toujours répéter la même chose».

Таким образом, для эмоциональной французской речи свойственно появление тонов сложной конфигурации, они присутствовали при выражении всех трех исследуемых нами эмоциональных состояний. Сильные стенические эмоции сопровождаются широким мелодическим интервалом, астенические – узким. Движение тона скорее указывает на то, какая именно эмоция – положительная или отрицательная. Отрицательные эмоции отличаются скачкообразными изменениями, положительные – плавные.

2. Существенным маркером эмоционально окрашенной речи является темп. Как показало наше исследование, самый низкий темп отмечается при выражении эмоции грусти – 7 зв/с. При этом могут присутствовать длинные продолжительные паузы, артикуляция замедляется, а слоги растягиваются.

При выражении радости темп не равномерен, он может достигать максимума (до 11 зв/с в исследуемом материале). При выражении восторга слоги могут растягиваться, появляться возгласы *Oh ! Ah !*, дыхательные паузы во время которых человек как бы захлебывается от эмоций, все эти явления могут существенно замедлять темп (до 8 зв/с).

Выражение эмоции гнева отличается достаточно быстрым равномерным темпом – 10 зв/с. При выражении этой эмоции присутствуют короткие демаркативные паузы, которые скорее отделяют одну мысль от другой. В те моменты, когда гнев превращается в ярость и человек вне себя, могут иметь место удлинения отдельных слогов.

3. Как показало наше исследование, наибольшее количество динамических характеристик присутствует при выражении эмоции гнева. В крайних случаях интенсивность может достигать до 90 db, появляется значительное количество эмоционально маркированных слов (рис. 4).

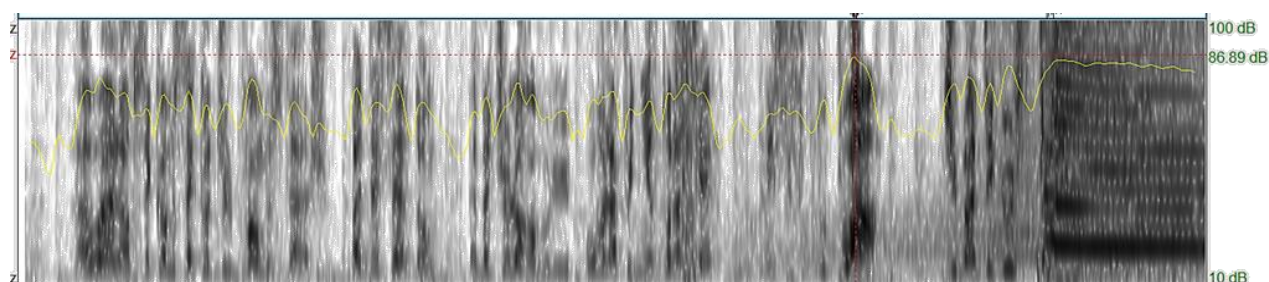

Рис. 4. Выражение эмоции гнева во фразе «Ah ouais alors ! C'est comme ça que tu le prends, Moustache ! Eh ben tu leur en as voulu ! On va la finir, ton assiette ! Mais c'est surtout toi, tu vas déguster !»

При выражении радости эмоционально также выделяется значительное количество слов, однако динамические характеристики гораздо более низкие – до 78 db. Обращает на себя внимание тот факт, что при проявлении радости выделенность реализуется с привлечением тональных изменений (а не динамических, как в случае гнева).

Выражение грусти имеет самые низкие динамические параметры. Эмоционально выделяются лишь отдельные слова, как правило, эти же слова могут еще и произноситься со значительным удлинением слогов.

Таким образом, акцентная выделенность, несомненно, играет важную роль при выражении эмоций. В зависимости от характера эмоций динамические показатели варьируются, они достигают своих максимальных значений при выражении гнева, минимальных – грусти. При проявлении гнева динамический компонент заглушает все остальные. В эмоции радости эмоциональная выделенность реализуется с привлечением тональных изменений, в эмоции грусти – темпоральных.

В. В. Лопатько, Л. И. Трибис

АКЦЕНТНАЯ ВЫДЕЛЕННОСТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В СТРУКТУРЕ УСТНОГО ТЕКСТА

Центральными проблемами лингвистики текста признаны вопросы его смысловой и структурной организации, тематической и коммуникативной целостности, композиционной стройности и логической упорядоченности взаимообусловленных единиц разных языковых уровней. В реализации коммуникативного задания и адекватного раскрытия тематического замысла минимальным репрезентантом может служить как простое базисное высказывание, так и отдельное ключевое слово (КС), выступающее в процессе восприятия устного текста своеобразным смысловым опорным пунктом речевой ситуации (В. Л. Родянская). Критерием выделения КС служит контекстологический принцип – учет денотативно-тождественных лексических единиц (информативных скреп), объединенных тесными ассоциативными связями и концентрированно раскрывающих его основное содержание (В. А. Кухаренко).

В устном тексте особая роль принадлежит просодической (тональной и ритмической) организации, базирующейся на акцентной выделенности составляющих компонентов, среди которых значительное место занимают КС. Для выявления характера акцентной реализации КС был проведен сравнительный аудитивный анализ устных монологических и диалогических текстов, который показал разную степень их выделенности фразовым ударением в зависимости от тема-рематической направленности и коммуникативной задачи. Исследование определило ведущую роль темоопределяющих КС, которые формируют четкие границы семантико-прагматической установки информации и поддерживают интерес собеседников к проблеме, удерживая их внимание до конца разговора.

В обеих формах устного текста выделенные КС представлены знаменательными частями речи и в большинстве случаев отмечены ядерным ударением с высоким/средним нисходящим тоном.

It's 'easy to 'find your \way in New \York.

P.P. is an 'English 'language \teacher.

I've 'just come a'cross an 'old \photograph \album.

Однако в более экспрессивном диалогическом тексте данный тип КС более вариативен как в плане частеречного выбора, так и в степени его акцентной выделенности. Наряду со знаменательным, КС может быть представлено функциональным словом, реализованным ядерным ударением, но в более вариативном тональном оформлении.

Oh, ^there you are \Peter. At ^last.

Необходимо отметить, что темоопределяющее КС может использоваться в дальнейшем для информационного развертывания текста, но при этом оно теряет ядерное ударение с трансформацией в неядерное полное статическое или частичное ударение.

В структуре устного текста были также выделены темоконкретизирующие КС, которые обеспечивают дальнейшее расширение тематической канвы текста и уточняют предмет сообщения на основе широкого использования семантически тождественных лексических единиц при строгом соблюдении темарематической линии. Количество КС как в монологическом, так и диалогическом тексте варьируется от 12 до 20 при 2–3-разовом повторе базовых темоопределяющих КС с различным вариантом фразового ударения. Ядерное и неядерное высокое статическое ударение было в равной степени рекуррентно, но в сфере тонального и эмфатического оформления диалогический текст более вариативен.

The 'next di'rect \train is at '13: \20.

It 'isn't the \title of the \novel.

You \don't 'know who the ^publisher is.

You've \looked in the bio\graphy \section?

В обоих видах текста отмечена некоторая трансформация неядерного полного ударения КС в частичное, если ему предшествовала более весомая лексическая единица при отсутствии безударных КС.

Информационные качественные отношения компонентов в структуре текстов представлены завершающими КС, акцентное выделение которых варьируется по смысловой шкале от выражения субъективного суждения говорящего о предмете до его объективной оценки. Данные КС создают общую итоговую информационную канву текста и отмечены ядерным ударением (высоким/средним нисходящим тоном) или высоким статическим ударением.

He has 'not re\gretted his de,cision / to 'follow this ca\reer.

The 'site is 'no longer 'open to the \public.

\Don't \rub it \in | and don't e^xaggerate \either.

Результаты исследования показали, что высокая рекуррентность акцентной выделенности КС в обоих видах устного текста свидетельствует о ее константном характере по акцентной шкале ядерное–неядерное–частичное ударение с некоторой вариативностью перехода из одного в другое, что способствует созданию яркой ритмической картины текста и подчеркивает его коммуникативную целостность и композиционную стройность.

Ю. А. Пилинко

ВАРИАТИВНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ И ПРОСОДИЧЕСКИХ СТРУКТУР КОСВЕННОЙ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ПУБЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЯХ

В данной работе представлены данные сравнительного изучения территориальной специфики структурно-синтаксической и просодической организации наиболее рекуррентных видов косвенной побудительности в американском и британском вариантах английского языка.

Выбор косвенных побудительных высказываний в устной речи как объекта сравнительного установления и описания контрастивных и тождественных проявлений национальной специфики с точки зрения синтаксического построения и просодической реализации различных речевых единиц обусловлен также рядом собственно лингвистических факторов, а именно важностью расширения базы данных территориально зависимой вариативности устной речи в прагматически маркированных речевых актах вежливой директивности.

На предварительном этапе исследования из художественных произведений американских и британских авторов был произведен выбор синтаксических структур фраз, потенциально содержащих побудительную интенцию, исходя из их контекстно-семантической инструктивной направленности. Всего было выбрано 200 речевых образцов, синтаксический спектр которых включал как утвердительные *I wish you could remember a bit more*, *You'd better start leading the way*, так и вопросительные образования, типа: *Why don't you ask her?* Все выбранные фразы разной синтаксической композиции содержали коммуникативное намерение как позитивной *You'd better go to Eastbourne right away*, так и негативной эмотивной оценочности директивного действия *Why don't you go then?*

В качестве объекта последующего просодического анализа также дифференцированно рассматривались побудительные высказывания в зависимости от разной коммуникативной содержательности и степени директивной категоричности, а именно максимальной и минимальной настойчивости побуждающей интенции говорящего.

Общее количество побудительных фраз в указанных четырех группах в каждом территориальном варианте с разной степенью категоричности включали 34 фразы в американском варианте, и 36 – в британском. Каждый

вариант состоял из равного количества позитивных и негативных речевых единиц: 17 в американском варианте и 18 утвердительных и вопросительных фраз в британском варианте. Общий объем выборки включал 70 фраз.

Рассмотрение характера синтаксической предпочтительности на базе нашего материала позволяет считать, что британские авторы для выражения позитивной интенции чаще используют структуру «*I wish + modal verb*» (38,8 %) и в меньшей степени *Why don't you* (16,6 %). В американском варианте преобладающей структурой является *You'd better* (41,2 %), и реже структура *Why don't you* (11,8 %). Выражение негативной интенции чаще всего осуществлялось идентичными структурами *Why don't you* (38,8 %) в британском и (47 %) американском варианте и менее частотной в обоих вариантах встречалась структура «*I think + modal verb*» в 5,6 % случаев британском и в 5,8 % случаев в американском варианте.

Сравнительный анализ просодической реализации исследуемых фраз на базе их воспроизведения актерами американцами и британцами проводился по признакам тона и фразовых ударений, а именно: тональному завершению фраз; направлению тона в предъядерной части каждой интонационной группы; высотному уровню начала фразы, а также дистрибуции фразовых ударений с учетом их типа – эмпатические, полные, частичные. Количественные данные показаний по каждому признаку позволяют сделать вывод о том, что в просодических структурах британских косвенных побудительных фраз по сравнению с американскими более широко используются двунаправленные терминальные ядерные тоны как в завершении нефинальных, так и финальных интонационных групп (фраз), по сравнению с количеством однонаправленных тонов (фактически высокого или низкого нисходящего тона). Что касается направления движения тона в предъядерной части, то по сравнению с более контрастными различиями территориальных вариантов в каденции завершения фраз в этом функциональном элементе просодических структур различия в нашем материале оказались менее существенными. Наиболее эксплицитными они были в структуре «*I think + modal verb*». В американском варианте выбранные фразы произносились только со статическими тонами, тогда как в британском варианте использовались и кинетические тона, хотя их соотношение и составляло 78,6 % к 21,4 %. Эксплицитные территориальные различия в просодических структурах фраз различной степени настойчивого побуждения к действию, или эмотивной рефлексии адресата заключались в их высотноразровневом начале. В британских фразах высокий уровень начала фраз в 5 раз превышал случаи их среднего или низкого начала. В американском варианте такой закономерности не наблюдалось: среднее или низкое высотноразровневое начало составляло 47 % случаев. Что касается фразовой акцентуации, то различия в территориальных вариантах в нашей выборке оказались не существенными, однако использование эмпатических тонов преобладает в британском варианте.

В целом данные проведенного исследования дополняют конкретными наблюдениями наличие территориально маркированной специфики в реализации фраз особого синтаксического построения и эмотивного содержания.

О. Ю. Пятецкая

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КИТАЙСКИМ ОБУЧАЮЩИМСЯ

В настоящее время знание английского является важным условием для успешного трудоустройства. Студенты во всем мире стремятся овладеть английским языком, так как именно он служит ключевым международным средством коммуникации. Поэтому важно учитывать особенности преподавания английского языка обучающимся из разных стран.

Преподаватели вузов, работающие с группами иностранных студентов, сталкиваются с проблемой обучения в ситуации межъязыковой интерференции, когда носители одного языка изучают иностранный язык, находясь в окружении другого неродного языка. Так, в нашем случае преподаватель английского языка, будучи носителем русского языка, работает в группе с носителями китайского языка.

В данном случае важно учитывать, что английский язык не является родным ни для одной из сторон процесса обучения – ни для студентов, ни для преподавателя. Этот факт в некоторой степени затрудняет организацию учебного процесса, в связи с чем педагогу приходится прибегать к применению синонимов, антонимов, перефразирования, наглядности, демонстрации действий для объяснения, например, значения лексических единиц.

Особенности менталитета иностранных студентов, традиции их культуры в отношении к образованию приводят к появлению сложностей в общении между обучающимися и педагогом. Хотелось бы отметить, что фокус внимания китайских коллег направлен на подготовку школьников к сдаче экзаменов по иностранному языку. Для этого студентам нужно лишь выучить определенный набор лексических единиц и правил грамматики. У обучающихся отсутствует необходимость взаимодействия на иностранном языке, а также понимания англоязычной речи, так как экзамены в школе этого не требуют, в результате чего уровень подготовленности студентов очень разнится, часто имеет место наличие лишь базовых знаний. Следует добавить, что в процессе практических занятий в Китае не обращается должного внимания на произношение, которое является одной из основных трудностей студентов. Со слов студентов, они изучают иностранный язык в группах, состоящих из 60–90 человек. Принимая во внимание выше сказанное, можно говорить об отсутствии возможности качественного обучения иностранному языку в китайских школах. Это, в свою очередь, приводит к снижению мотивации обучающихся. В связи с этим в работе с группой иностранных студентов необходимо применять личностный подход, который способствует формированию положительного отношения к предмету и повышению заинтересованности в разных видах учебной деятельности (например, обращаться с вопросами к каждому члену учебной группы с целью выяснения индивидуальной точки зрения, установления контакта между преподавателем и студентом, а также создавать ситуацию успеха для каждого обучающегося).

При организации образовательного процесса с китайскими студентами преподавателю иностранного языка необходимо помнить, что китайский и английский языки обладают большим количеством отличий, поскольку принадлежат к разным языковым семьям: китайский – сино-тибетская семья языков, а английский – германская семья языков. Китайский язык использует иероглифическую систему в письменной форме, где символы обозначают целое слово (слово не состоит из букв, как в английском языке). Данная специфика иногда вызывает проблемы с чтением и правильным произношением английских слов у некоторых студентов из Китая. В результате этого они нуждаются в большем количестве времени для ознакомления с текстом и выполнения заданий. У китайских студентов возникают затруднения с созданием буквенно-звуковых связей, слого-сложением, объединением слогов в слова. У таких учащихся низкая скорость чтения, которая зависит от степени овладения артикуляционной системой иностранного языка. Сложности понимания текста также могут быть связаны с отсутствием умения пользоваться языковой догадкой. Китайский и английский языки имеют свои особенности и в фонологии. Так, китайский язык – это тональный язык.

Существенным является тот факт, что, приехав в нашу страну, основное внимание китайские студенты уделяют русскому языку. Именно на него выделяется большее количество времени (а именно 840 часов на подготовительном курсе МГЛУ). При этом на изучение английского языка (второго иностранного) отводятся 144 часа. Данная ситуация требует от преподавателя английского языка выявления дополнительных факторов мотивации к изучению второго языка и наиболее эффективных форм организации работы обучающихся (выбор тематики практических занятий, фокус на интересах учебной группы, применение разнообразных как индивидуальных, так и групповых заданий).

Еще одной особенностью обучения иностранных граждан в нашем университете является укомплектованность групп студентами разного уровня подготовки. В целях большей эффективности практических занятий по иностранному языку целесообразно применение индивидуально-типологического подхода, при котором студенты объединяются в подгруппы (в зависимости от степени мотивации, скорости работы, типа темперамента, сферы интересов и др.) и выполняют различные задания индивидуально, в парах, в подгруппах.

Ввиду существенного отличия английского языка от китайского, обучающимся может потребоваться более длительное время на то, чтобы запомнить новую информацию (как правильное произношение или алфавит). Поэтому педагогу необходимо с пониманием относиться к вероятным трудностям, которые могут возникнуть у студентов в процессе овладения английским языком. Планирование педагогического процесса должно иметь гибкий характер. Исходя из того, что для студентов из Китая характерны такие качества как: дисциплинированность, исполнительность, обязательность, а также способность выполнять большое количество заданий и прорабаты-

вать внушительные объемы информации, корректное распределение педагогом академической нагрузки является одним из ключевых условий успешности овладения английским языком иностранными студентами.

Таким образом, преподавание английского языка китайским обучающимся характеризуется целым рядом особенностей, правильный учет которых приводит к применению педагогом тех или иных методов, приемов, форм организации и видов учебной деятельности. Что, в свою очередь, дает возможность достижения хороших академических результатов студентов, а также их высокого уровня мотивированности и заинтересованности в изучаемом предмете.

Л. В. Рускевич

МОДИФИКАЦИИ СЕГМЕНТНОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ ЭКСПРЕССИВНОЙ РЕЧИ

В рамках исследования взаимодействия лексико-семантических и просодических средств реализации экспрессивности в английском языке мы проанализировали изменения в параметре длительности ударного слога лексических единиц, маркированных эмфатическими тональными акцентами, по сравнению с длительностью ударного слога при нейтральных тональных акцентах в речи носителей английского языка.

Увеличение длительности ударного слога, как показал анализ научной литературы и предварительные наблюдения, происходит неравномерно на его конституентах: наибольшие воспринимаемые модификации длительности сегментов ударного слога в английском языке при эмфатических тональных акцентах характерны для начального согласного независимо от его класса. Поэтому измерения длительности звуков производились в слогах типа СГС и ГС отдельно на разных группах фонем: начальных согласных (щелевые фрикативные, сонорные, смычно-взрывные), ударных гласных (долгие, краткие и дифтонги) и конечных согласных (сонорные, глухие смычные и глухие щелевые). Статистическая достоверность различий, выявленных между средними показателями анализируемых признаков, устанавливалась по *t*-критерию Стьюдента. Уровень значимости различия (*p*) был равен 0,05, что соответствует вероятности различия 95 %.

Акустический анализ, проведенный нами для разных классов фонем, показал, что длительность как начальных согласных, так и ударных гласных при эмфатической выделенности оказалась существенно выше, чем при нейтральной. При этом длительность сегментных единиц изменяется неодинаково: наибольшее увеличение наблюдается, как и предполагалось, у начальных согласных (в среднем в два раза, при кинетическом тональном акценте – в три раза и более). Среди них наибольшее увеличение длительности характеризует фрикативные согласные ([s], [f] и др.) и сонорные ([n], [l], [w] и др.). Статистический анализ двух указанных групп значений подтвердил досто-

верность различий по длительности для всех анализируемых начальных согласных при эмфатической и нейтральной просодической выделенности ударного слога.

Длительность гласных в ударном слоге, по нашим данным, увеличивается в среднем на 20–30 %. Как известно, в английском языке, в отличие от известных из литературы модификаций в русском языке, изменение длительности у экспрессивных слов происходит главным образом за счет начального согласного, в то время как в русском языке, по данным Л. В. Бондарко, – за счет ударного гласного. Это связано с наличием в английском языке фонологического противопоставления по напряженности и долготе гласных, а также позиционных изменений длительности, которые ограничивают возможность увеличения длительности любых гласных, в особенности ненапряженных (кратких).

Кроме того, в английском языке в случае эмфатической выделенности слова, начинающегося с ударного гласного (*awful, always, everything, all* и др.), гласному обязательно предшествует глоттальная смычка, так называемый «твердый приступ» (*glottal stop*).

В ходе анализа длительности конечных согласных в ударном слоге было также установлено ее увеличение в экспрессивных словах у согласных всех типов в среднем на 20 %.

Поскольку одной из тем, включенных в курс просодии речи, являются просодические средства экспрессивности, мы исследовали аналогичные модификации длительности в речи белорусских студентов-лингвистов, изучающих данную тему. Как показал наш анализ, студенты в целом отражают различия в длительности сегментов ударного слога, однако эти различия не так ярко выражены, как в речи англичан. Например, в речи англичан средняя протяженность начальных согласных ударного слога при эмфатической выделенности (без учета характера мелодического изменения) варьировала от 157 до 220 мсек, при нейтральной – 73–120 мсек. В свою очередь, в речи студентов при эмфатической выделенности длительность начальных согласных составила в среднем 102 мсек, для нейтральных – 60 мсек. Таким образом, академические билингвы способны отразить тенденцию увеличения протяженности сегментов при эмфатической выделенности слога по сравнению с нейтральной, однако конкретные значения не достигают значений, фиксируемых в речи носителей английского языка, как при эмфатическом, так и при нейтральном тональном акценте. Как нам представляется, данное обстоятельство непосредственно связано с аналогичной тенденцией по параметру интенсивности, амплитуды которой в речи студентов также не достигают аналогичных значений в речи англичан. Таким образом, при обучении как экспрессивной, так и нейтральной речи на английском языке, необходимо учитывать всю совокупность акустических параметров, составляющих тональный акцент: высотного, динамического и темпорального. Данное наблюдение может служить конкретной рекомендацией по улучшению качества экспрессивной и нейтральной речи студентов, изучающих английский язык в лингвистическом вузе.

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Общенаучный концепт «восприятие» объединяет когнитивно-психологический и рецептивно-речевой аспекты. Первый аспект включает универсальные категории психологии познания; второй – закономерности восприятия речи в контексте теории речевой деятельности. Обладая специфическими чертами, восприятие речи является неотъемлемой частью универсального механизма когнитивного восприятия.

С когнитивно-психологической точки зрения восприятие – это процесс категоризации, в ходе которого субъект осуществляет вывод, относя воспринимаемое к определенной категории (А. А. Леонтьев). Хотя категоризация осуществляется бессознательно, она выступает основой процесса восприятия, и всякий перцептивный опыт является результатом категоризации (Дж. Брунер). Важной чертой восприятия выступает его соответствие действительности, т. е. функция репрезентации.

Исследуя функцию репрезентации в аспекте психологии познания, Дж. Брунер выделил следующие основные положения. Соответствие действительности при восприятии достигается за счет построения модели мира. Обучаясь восприятию, люди познают отношения между наблюдаемыми свойствами объектов и явлений, усваивают соответствующие категории и системы категорий, учатся предсказывать взаимозависимость явлений и проверять эти предсказания. При восприятии субъект осуществляет категоризацию объекта с помощью надежных признаков. Точное отражение при восприятии обусловлено умением сопоставлять признаки объекта с эталонной системой категорий и создавать систему взаимоотношеных категорий.

Адекватное отражение реальности в восприятии опирается на усвоение соответствующих категорий, изучение признаков, необходимых для соотнесения объектов с этой системой, и усвоение вероятностей появления объекта в том или ином окружении. Неадекватное восприятие часто обусловлено ситуацией, когда субъект располагает набором категорий, не подходящих для конкретного случая. Кроме того, существуют объекты, различительные признаки которых настолько двусмысленны, что не позволяют субъекту провести правильную категоризацию. Их достаточно много в сфере восприятия в речевой коммуникации (Дж. Брунер).

Содержанием всех видов речевой деятельности является смыслоорганизация воспроизводимого/воспринимаемого высказывания. В речевых внешне выраженных процессах создания мыслительной задачи для других и внешне невыраженных процессах восприятия заданного извне смыслового содержания (И. А. Зимняя) реализуется актуально-речевая сущность, которую говорящий и слушающий связывают с одинаковым значением в данной ситуации

общения (О. С. Ахманова). Речевое смысловосприятие может сопровождаться преодолением неопределенности «нечетких смысловых объектов» (Р. Г. Пиотровский). Если свойства объекта воспринимаются как нечеткие, могут возникнуть затруднения в его категоризации. Особую сложность вызывает различение нечетких сущностей одного уровня абстракции путем их соотнесения с инвариантным объектом. Мыслительные операции поиска сходства и категоризации характеризуются значительной ролью субъективности (А. Э. Левицкий).

Затрагивая проблему универсальных категорий, С. Д. Кацнельсон разграничивал речемыслительные и универсально-языковые категории. Речемыслительные категории, отмечал он, вытекают из природы речевого мышления, а универсально-языковые категории отражают универсальные свойства языка как специфической знаковой системы. Социально-историческая обусловленность связи между звучанием и его содержательной функцией, отсутствие естественных внутренних связей между означающим и означаемым является источником неизоморфности планов выражения и содержания, обуславливающей полифункциональность единиц плана выражения и омофонию единиц плана содержания (С. Д. Кацнельсон).

В свете современного подхода речемыслительные процессы представляют собой эвристическую деятельность, в процессе которой человек производит постепенное сужение области поиска. Это достигается путем повторных обращений к элементам решаемой проблемы и выявления новых существенных, но первоначально скрытых признаков элементов проблемной ситуации. В русле данной концепции эвристический поиск может служить способом преодоления неопределенности при смысловом восприятии полифункциональных языковых единиц.

Рассмотрим некоторые аспекты категоризации в сфере утвердительных высказываний с модальностью предположения, являющейся способом восприятия и понимания окружающей действительности. Логико-понятийное содержание предположения может быть представлено как «уверенность», «возможность», «сомнение». В речевом общении каждая из этих категорий получает свой набор лексико-семантических, синтаксических и интонационных средств реализации. Исследуя их, Л. А. Штакина отмечала, что в сфере лексических средств «уверенность» реализуется глаголами *think, suppose, believe, reckon, guess* и др.; модальными глаголами *must, should, ought*; наречиями *surely, certainly* и др. «Возможность» представлена глаголами *assume, imagine* и др.; модальными лексемами *would, will, can*; наречиями *obviously, probably* и др. «Сомнение» реализуется глаголами *fancy, expect, hope* и др.; модальными глаголами *could, may, might*; модальными лексемами *likely, may be, perhaps*.

В плане просодических характеристик интенционально-оценочное утвердительное высказывание с модальностью предположения является речевым отрезком с двумя коммуникативными фокусами, интеграция которых обес-

печивает реализацию модальной оценочности. В речи главным признаком, маркирующим просодию предположительно-модальных высказываний, является составной интонационный контур в виде комбинаций тонов:

«сомнение» • нисходящий + восходящий;

«возможность» • нисходящий + восходящий;

• нисходящий + нисходяще–восходящий;

«уверенность» • нисходящий + нисходящий (Л. А. Штакина).

В английском языке модальность предположения может быть выражена также общим вопросом с прямым порядком слов. На основе анализа контекстов Т. А. Палей (вслед за К. Г. Крушельницкой) выделила в модальности предположения низкую степень, среднюю степень и высокую степень. Модальность предположения общих вопросов с прямым порядком слов была детализирована ею как 1) низкая степень предположения, выраженная лексическими средствами (модальными словами *perhaps, may be*); 2) низкая степень, выраженная интонацией; 3) средняя степень, выраженная глаголами *suppose, presume, hope*; 4) средняя степень, выраженная интонацией; 5) высокая степень, выраженная модальными словами *so, then, of course, surely*; б) высокая степень предположения, выраженная интонацией.

Исследуя просодию общих вопросов с прямым порядком слов, Т. А. Палей обнаружила следующие интонационные средства модальности предположения. При совпадении смыслового центра с последним выделенным словом высказывания наблюдается тенденция к употреблению ядерных тонов с восходящим завершением (восходящего для низкой и средней степени; нисходяще-восходящего и восходящего для высокой степени предположения). При несовпадении смыслового центра с последним выделенным словом обнаружен восходящий тон в вопросах с низкой и средней степенью предположения и нисходящий тон в вопросах с высокой степенью предположения.

Сопоставление результатов вышеупомянутых исследований свидетельствует о том, что в утвердительных и вопросительных модально-предположительных высказываниях типичным ядерным тоном является восходящий тон, который актуализирует категории «сомнение» и «возможность». Нисходящее завершение в утвердительных и вопросительных высказываниях характерно для выражения уверенности в предположении. Тон нисходяще-восходящий (наряду с восходящим) передает идею возможности в утвердительных высказываниях. Он же (наряду с нисходящим тоном) служит для выражения уверенности в вопросительных высказываниях. Вышесказанное свидетельствует о межкатегориальном характере просодии, обслуживающей разные аспекты модальности предположения и характеризующей высказывания по их коммуникативно-грамматическому статусу как утвердительные либо вопросительные. Очевидно, смысловое восприятие подобных высказываний зависит от учета полифункциональности просодических характеристик как внутри грамматических категорий (утвердительное/вопросительное высказывание), так и внутри трех степеней модальности предположения.

В. В. Устинович

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДЦЕНТРОВОЙ ЧАСТИ
ТОНАЛЬНОГО КОНТУРА ФРАНЦУЗСКИХ УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
С НЕЙТРАЛЬНОЙ И МАРКИРОВАННОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРОЙ

Тональный контур просодической синтагмы является дискретной единицей, представленной предцентральной частью и тоном. На материале разных языков, в том числе французского, проведено большое количество исследований на предмет корреляции между разновидностями предцентра и терминального, или ядерного, тона (А. Ди Кристо, М. Росси, А. Лашре-Дюжур, Т. Е. Янко, Л. П. Морозова и др.). Притом что, как отмечает Л. П. Морозова, существует определенная связь между общим направлением изменения высоты голоса в предцентре и типом терминального тона, тем не менее эта зависимость не является абсолютной.

Однако могут ли характеристики предцентра тонального контура указывать не только на признаки тона, но и на нейтральный или маркированный характер коммуникативной структуры (КС) высказывания?

Для ответа на поставленный вопрос нами были проанализированы французские устные высказывания с нейтральной и маркированной КС. Материалом послужили французские теле- и радиодebаты. В отобранных высказываниях ядро – наиболее важная, значимая информация – и, соответственно, рематический тон, имеют конечную локализацию¹.

Определение характера КС всех высказываний – *нейтральная* или *маркированная КС* – происходило путем анализа их семантико-прагматического содержания. К высказываниям с *нейтральной КС* относятся такие высказывания, в которых не создается «теневого сопровождения» (Т. М. Николаева) или «скрытого сообщения» (I. Fougeron). В отличие от нейтральной КС, в *маркированной КС* содержатся логические акценты, служащие адресату инструкциями относительно интерпретации содержания высказывания, в котором присутствует «ореол коммуникативных коннотаций» (Т. М. Николаева).

После распределения по группам с нейтральной или маркированной КС был проведен аудитивный анализ предцентров тональных контуров, несущих рематический тон.

В нейтральной КС выделены высказывания с *одноконтурной* структурой, т. е. реализованные посредством одной синтагмы, и *многоконтурной* структурой, т. е. высказывания, в состав которых входит несколько синтагм, или тональных контуров. В *одноконтурных* структурах наиболее частотным оказывается восходяще-нисходящий предцентр (67,5 %). Он отражает тесное примыкание находящихся «по обе стороны» речевых отрезков.

¹ Тональный контур всех проанализированных высказываний, как с нейтральной, так и с маркированной КС, относится к нисходящему типу.

Также выявлены скользящая (17 %) и контрастная (15,5 %) разновидности предцентра. В конечной синтагме высказываний, характеризующихся *многоконтурной* структурой, предцентр краткий, в его состав входит, как правило, несколько безударных слогов. В большинстве случаев (40 %) такой предцентр характеризуется нисходящим движением мелодии, предшествуя падению тона в низком регистре. Кроме того, в 25 % реализаций предцентр имеет ровное мелодическое движение в среднем регистре. Это обусловлено как краткостью предцентра, так и фоновостью содержащейся в нем информации. Среди выявленных разновидностей предцентровых частей следует также назвать контрастную (17,5 %) и скользящую (17,5 %) разновидности. Случаи контрастного предцентра – предцентра со значимым тональным перепадом между ударными безударными слогами – наблюдаются в высказываниях, в которых говорящий транслирует высокую степень эмоциональной вовлеченности в сообщаемое. Скользящий предцентр характерен для высказываний, в которых говорящий стремится привлечь внимание, помимо ядерного, к другим элементам высказывания.

Предцентровая часть высказываний с маркированной КС, представленных *одноконтурной структурой*, несмотря на наличие нескольких акцентогенных единиц, характеризуется выравниванием мелодии в 15 % реализаций. В одноконтурных структурах выявлены также контрастная и скользящая конфигурации предцентра, характеризующиеся просодическими контрастами на неядерных ударных слогах: 17 % и 9 % соответственно. Кроме того, в 9 % высказываний наблюдается восходящая предцентровая часть, причем подъем происходит постепенно на всех слогах предцентра. Оставшиеся 50 % реализаций предцентровой части представлены ровно-восходящей разновидностью: слоги предцентра произносятся с ровной мелодией, однако в силу структурного фактора возникает необходимость промежуточного слога на более высоком уровне, предваряя высокое начало падения рематического тона. Эту функцию и выполняет конечный слог предцентра. В конечной синтагме *многоконтурной* структуры, содержащей рематический тон, разновидности предцентровой части распределены следующим образом: 42 % – восходящая, 33 % – ровная, 25 % – ровно-восходящая.

На следующем этапе были сопоставлены выявленные характеристики предцентров в высказываниях с нейтральной и маркированной КС.

Прежде всего, следует констатировать отсутствие в маркированной КС наиболее распространенных конфигураций предцентров, выявленных в нейтральной КС – восходяще-нисходящей (одноконтурные структуры) и нисходящей (многоконтурные структуры). Кроме того, полученные результаты относительно разновидностей предцентров в маркированной КС указывают на наличие специфичной для данного типа КС конфигурации – ровно-восходящей. Полученные наблюдения объяснимы структурно обусловленной необходимостью в нейтральной КС подготовиться к реализации низкого тона, т.о. мы наблюдаем нисходящее движение в предцентре, а в маркированной КС происходит «подготовка» к реализации тона с высоким началом падения.

Однако, несмотря на выявленные в двух типах КС различия, отмечены предцентры, дистрибуция которых не зависит от нейтральности или маркированности КС. К ним следует отнести ровный, скользящий, контрастный предцентры. Данное наблюдение свидетельствует об автономности таких разновидностей предцентровых конфигураций, которые несут самостоятельную семантическую нагрузку: указание на более высокую степень эмоциональности, на наличие нескольких центров внимания или на фоновый характер информации в предцентре.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что в большинстве реализаций предцентр тонального контура нисходящего типа коррелирует с высотным уровнем начала падения тона и оказывается, таким образом, специфичным для нейтральной или маркированной КС. Однако ряд предцентровых конфигураций (ровная, скользящая, контрастная) выявлены как в нейтральной, так и маркированной КС. В таких высказываниях сделать вывод о характере КС представляется возможным только при совокупном анализе всего тонального контура.

В. В. Яскевич

КВАНТИТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ АНГЛИЙСКИХ ДИФТОНГОВ

Дифтонги как отдельный класс гласных представляют собой особый интерес для белорусских студентов, изучающих английский язык как иностранный, прежде всего, потому что в родном языке гласных с нестабильной артикуляцией нет. Двухкомпонентность дифтонгов, естественно, предполагает их большую длительность. Вопрос практического характера состоит в том, в каких пределах варьирует собственная длительность дифтонгов в речи носителей языка и насколько эта вариативность соблюдается в английской речи белорусских студентов.

С точки зрения артикуляции можно предположить, что длительность дифтонгов может зависеть от таких факторов, как направление артикуляционного жеста (центрирующие или сужающиеся дифтонги), амплитуда артикуляционного жеста (большая или малая), участие артикуляторов с различной степенью мобильности (язык, губы, нижняя челюсть). Каждый из этих факторов может иметь различную степень существенности и по-разному выражаться в речи носителей и неносителей языка

Для изучения количественных характеристик дифтонгов и их зависимости от вышеперечисленных артикуляционных факторов нами был проведен фонетический эксперимент. В ходе эксперимента двум носителям стандартного южно-английского произношения было предложено прочесть ряд предложений. Каждое предложение содержало слово с дифтонгом в ядерной позиции. Все дифтонги находились в конечном ударном открытом слоге. Например: *It's not fair /eə/*. Аналогичная задача была поставлена перед белорусскими студентами, изучающими английский язык на продвинутом

уровне. Полученные аудиозаписи были затем изучены при помощи программы PRAAT на предмет длительности дифтонгов. Результаты замеров сведены в табл. 1, 2.

Общие данные о длительности дифтонгов приведены в табл. 1 и расположены по степени убывания в речи носителей и неносителей языка. Как видно из табл. 1, самый протяженный и самый короткий по долготе дифтонги в речи носителей и неносителей языка не совпадают. Самым долгим в речи носителей языка оказался дифтонг /еэ/, а самым коротким – дифтонг /уэ/, в то время как у неносителей языка – дифтонги /аі/ и /еі/ соответственно. Разброс значений в речи носителей языка более ярко выражен, чем в английской речи белорусских студентов. У носителей языка соотношение самого долгого дифтонга к самому краткому составило 1:2, а у неносителей языка – 1:1,35.

Т а б л и ц а 1

Квантитативные характеристики дифтонгов, мс

Дифтонг	Носители языка	Дифтонг	Неносители языка
еэ	625	аі	368
аі	465	ау	340
еі	447	уэ	326
эу	425	іэ	314
ау	412	эу	312
іэ	406	еэ	308
эі	365	эі	297
уэ	308	еі	273

В табл. 2 представлены данные о длительности дифтонгов в зависимости от характера артикуляционного жеста. Анализ этих данных позволяет сделать несколько выводов. Длительность дифтонга /еэ/, характеризующаяся самым незначительным смещением по ряду и подъему, вопреки формальной логике в речи носителей языка оказывается самой большой. Можно предположить, что из-за перцептивной близости элементов дифтонга носители языка намеренно растягивают его длительность для надежности дифференциации этих элементов. В английской речи белорусских студентов длительность этого дифтонга занимает только пятую позицию. Если не учитывать длительность данного дифтонга, который, очевидно, представляет собой особый случай, можно наблюдать похожие тенденции в обеих группах испытуемых. В частности, больших временных затрат требуют сужающие артикуляционные жесты с большой амплитудой, меньших временных затрат требуют центрирующие жесты или жесты с малой амплитудой. Участие губ не приводит к удлинению дифтонга, если огубленность предполагается на стадии ядра и, напротив, требует заметного удлинения, если она предполагается на стадии скольжения.

Длительность дифтонгов
в зависимости от типа артикуляционного жеста (в мс)

Испытуемые	Направление жеста		Амплитуда жеста		Участие губ	
	Центрирующее	Сужающее	Большая	Малая	Ядро	Скольжение
Носители	446 (357)*	422	414	442 (396)*	336	418
Неносители	316	318	335	306	311	326

*Примечание: в скобках даны значения без учета длительности дифтонга /еэ/.

Отдельного рассмотрения заслуживает дифтонг /уэ/, длительность которого в речи носителей языка намного меньше других не только из-за центрирующего направления и малой амплитуды артикуляционного жеста, огубленности на ядре дифтонга, но и в силу заметной в современном британском английском тенденции к его монофтонгизации.

Таким образом, некоторые модификации длительности предопределяются физиологическими особенностями артикуляции и требуют меньшего внимания при освоении английских дифтонгов. Другие, наоборот, требуют осмысленного контроля со стороны преподавателя и обучающегося, поскольку их длительность реализации не зависит от физиологии, а базируется на принципах перцептивной дифференциации и современных произносительных тенденциях. Это, прежде всего, касается дифтонгов /еэ/ и /уэ/.

О. М. Яскевич

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
АНГЛИЙСКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Фоностилистические исследования сохраняют свою актуальность, особенно в отношении английского языка, который занимает в мире лидирующую позицию как язык международного общения. Соблюдение нюансов интонирования звучащей речи наряду с правильным отбором других языковых средств гарантирует успешность межкультурной коммуникации. Настоящее исследование позволило установить интонационные характеристики, обусловленные степенью официальности беседы.

Материалом исследования послужили аудиозаписи британского варианта английской речи в официально-деловой, нейтральной и разговорно-бытовой ситуациях. Беседа о возможности получения стипендии обучающимися в университете была записана в студийных условиях женщиной-информантом – носителем южно-английского стандартного произношения. Запись

информанта осуществлялась с учетом максимального приближения ситуаций общения к естественным. Предложенные коммуникативные ситуации были предельно понятны информанту. Предлагаемая тематика при этом не выходила за рамки ее социального опыта.

В первой, официально-деловой, ситуации информант выступила перед студентами в роли декана с официальной речью. Во время записи информант пользовалась планом-конспектом. Во второй, нейтральной, ситуации состоялся разговор информанта-декана с другим деканом – равностатусным лицом в неофициальной обстановке. Для третьей, разговорно-бытовой, ситуации была дана коммуникативная установка на неофициальное, дружеское общение. Информант рассказала другу о своем сыне, который намеревается получить стипендию.

Следующий этап предполагал аудитивный анализ. Аудиторами выступили специалисты в области фонетики английского языка, имеющие опыт аудирования (три эксперта-фонетиста). Результатами работы аудиторов стали преобразование аудиозаписей в тексты, просодическая разметка текстов, включающая определение смысловых центров и особенностей их просодического оформления, определение степени просодической выделенности отдельных текстовых единиц, установление характера паузации.

Полученные данные о частотности различных типов мелодического завершения представлены в таблице ниже.

Распределение типов мелодического завершения в официально-деловой, нейтральной и разговорно-бытовой беседе, %

Стиль		Тип тона								
		\m	\m	\m	/'m	/m	>m	v m	\m /m	^m
1	О-Д	21,1	3,3	21,1	1,1	3,3	14,5	25,6	8,9	1,1
2	Н	30,2	1	18,8	2,1	0	40,6	6,3	1	0
3	Р-Б	25,7	3	10,3	0	8,8	33,1	12,5	5,9	0,7

Представленные данные свидетельствуют о наличии некоторых стилистически нейтральных и стилеобразующих средств английской звучащей речи.

В качестве стилистически нейтральной характеристики можно отметить высокую частотность нисходящего тона во всех разновидностях речи: 45,5 / 49,2 / 39 соответственно.

К стилистическим маркерам официально-деловой речи можно отнести повышенную частотность нисходяще-восходящего тона. Как известно, нисходяще-восходящий тон передает относительную завершенность благодаря нисходящему элементу и связь с последующим или предыдущим контекстом благодаря восходящему элементу. Замедленный темп и более дробное просодическое членение официально-деловой речи делает данный тон более предпочтительным и частотным.

Степень официальности может также подчеркиваться высотными разновидностями терминальных тонов. Как известно, высокая предъядерная часть в комбинации с низким нисходящим тоном придает дополнительную весомость высказыванию. Поэтому таких контуров в 2 раза больше в официально-деловой речи по сравнению с разговорно-бытовой.

Ярко выраженной тенденцией фоностилистической дифференциации можно считать резкое увеличение количества ровных тонов по мере убывания степени официальности: 14,5 / 40,6 / 33,1 соответственно. Официально-деловой стиль предполагает подготовленность речи, в то время как нейтральный и разговорно-бытовой стили характеризуются большей спонтанностью. Спонтанность речепроизводства в нейтральной и разговорно-бытовой речи неизбежно приводит к хезитационным процессам, которые на просодическом уровне передаются паузами колебания и частотным употреблением ровного тона.

Еще одним просодическим маркером разговорно-бытовой речи можно считать низкий восходящий тон, который часто встречается не только в начальных или срединных интонационных группах, но и в конечных.

Фоностилистическая дифференциация четко прослеживается в распределении типов мелодических завершений в конечных интонационных группах. Ярким маркером официально-деловой речи можно считать употребление низкого нисходящего тона (50 %) и высокого нисходящего (27,8 %) в конце фразы. В нейтральном стиле доминанта смещается на высокий нисходящий тон (47,4 %) и ровный тон (21,1 %). Частотность низкого нисходящего тона в данной стилистической разновидности речи заметно снижается (15,9 %). Наконец, в разговорно-бытовой беседе наибольшую частотность имеет высокий нисходящий тон (30,8 %) и нисходяще-восходящий тон (26,9 %). Ровный тон здесь также достаточно часто употребим (15,5 %).

Таким образом, носители английского языка прибегают к разным типам распределения терминальных тонов в зависимости от степени официальности речи. Эти различия особенно заметны, в частности, в конечных интонационных группах.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

А. А. Баркович

ДЕРИВАТЕМА: МОДЕЛЬ ОППОЗИЦИОННОЙ ДИНАМИКИ ЯЗЫКА

Практика изучения базовых языковых отношений предполагает перманентную верификацию и систематизацию их метаязыковых концептуальных оснований. С учетом ярко выраженного теоретического контекста такого рода специфика не менее актуальна для целей прикладного метаописания коммуникации. В частности, проблематика совершенствования системы категорий современных естественных языков востребована для эффективной формализации и структурирования языков в системе координат компьютеризации речевой практики. Речевая практика, чрезвычайно подвижный и изменчивый языковой континуум, с учетом практической обусловленности предполагает адаптацию структурных аксиом к существующим реалиям коммуникации. Эти реалии появились, конечно, не сегодня, но сегодня они проявились и предопределяют метаязыковую рефлексивность. Примером такого «реализма» в лингвистике является интерес к функциональному моделированию модификационного потенциала языка.

В аспекте модификационных возможностей языка, устойчиво ассоциирующихся с *деривацией*, очевидна лингвистическая значимость таких терминов, как *дериватема*, *граммема* и *флексионема*. При этом их системное метаописание до настоящего времени является дискуссионным.

Так, термин *граммема* одним из первых в отечественной лингвистике описал А. А. Зализняк: «*Граммемой* мы будем называть всякий отдельный грамматический элемент значения, для которого не нашлось сопряженного с ним грамматического же элемента, а также всякую пару сопряженных между собой грамматических элементов. Совокупность всех однородных между собой граммем называется грамматической категорией. Примеры грамматических категорий: число (как обозначение совокупности граммем «ед. число» и «мн. число»), падеж, род и т. д.» (Зализняк 2002, с. 27). Вместе с тем, данный термин и по сей день нечасто встречается в научном обиходе, оставаясь в тени. С точки зрения метаязыковой корректности толкование термина *граммема* через значимости одновременно 'элемента', 'пары' или 'совокупности' не является совершенным и оставляет вопрос адекватной дефиниции открытым. Само по себе предложение А. А. Зализняком обозначить определенный класс языковых артефактов как «совокупность граммем», несомненно, актуально и соответствующая категория востребована.

Это подтверждается опытом метаописания морфологии русского языка, его грамматических категорий рядом исследователей. Так, И. А. Мельчук не только упомянул термин *граммема* как элемент категориального аппарата, но

и творчески переосмыслил его, рассмотрев в контексте оппозиционной интерпретации деривационных отношений. В частности, *граммема* закономерно была соотнесена с *дериватемой*. Подобный путь метаописания – при всей искусственности выстраиваемой в этой связи дальнейшей логики – позволил контрастно очертить специфику сравниваемых или соотносимых категорий. Сравнение граммемы и дериватемы было представлено следующими парами (диадами) тезисов.

«*Граммемы* имеют тенденцию:

- 1) быть абстрактными;
- 2) иметь относительно широкую сочетаемость;
- 3) иметь стандартные средства выражения;
- 4) фигурировать в синтаксических правилах;
- 5) избегать амальгамирования с лексическими значениями;
- 6) выражаться показателями, которые располагаются дальше от корня, чем показатели дериватем;
- 7) не изменять частеречность исходной основы (Мельчук 1997, с. 282).

Дериватемы имеют тенденцию:

- 1) быть определенными;
- 2) иметь относительно ограниченную сочетаемость;
- 3) иметь нестандартные средства выражения;
- 4) оставаться вне сферы действия синтаксических правил;
- 5) допускать амальгамирование с лексическими значениями;
- 6) выражаться показателями, которые располагаются ближе к корню, чем показатели грамем;
- 7) изменять частеречность исходной основы» (Мельчук 1997, с. 282).

Эта экспликация не лишена явных недостатков. Так, в частности, и граммемы, и дериватемы одинаково «абстрактны» и подобным образом «имеют ограниченную сочетаемость» (набор коллокаций). Как показывает более детальное рассмотрение, не менее сомнительными оказываются увязки *дериватемы* как категории исключительно со словообразовательной парадигматикой и распространение релевантности *граммемы* на словоизменительный аспект динамики языка. Очевидным является и то, что граммемы и дериватемы по определению не могут быть равновесными категориями *дериватологии*: дериватема – явный гипероним в ряду оппозиционно значимых обозначений дериватологической терминосистемы.

Но, вместе с тем, перспективным и уместным следует признать категориальный базис выполненного моделирования – *оппозиционность*. Дифференциация на основе противопоставления (не только сопоставления) оказалась продуктивной для идентификации и квалификации лингвистических категорий. Именно в данном аспекте И. А. Мельчук, признал существенным свойством *дериватемы* то, что «дериватемы различают разные лексемы». В качестве релевантности граммеменно-дериватемной оппозиции известный ученый предоставил следующую модель: «В русском языке *работа + ет + ся*

[как], где *работа* – это основа, *-ет* – окончание 3-го лица в настоящем времени (граммема – *А. Б.*), а *-ся* – возвратный суффикс, который служит для образования одного глагола от другого со значением ‘процесс *X*-а идет *Y*-ово’ (дериватема – *А. Б.*)» (Мельчук 1997, с. 281). Так или иначе, моделирование оппозиционной динамики языка оказывается доступной и продуктивной практикой несмотря на вполне объяснимые (и исправимые) ошибки.

Этот тезис подтверждается дальнейшим ходом рассуждений И. А. Мельчука. Понимая незавершенность и условность представленной конструкции, он предложил ввести в оппозиционную репрезентацию деривации еще одну категорию – *флексионему*: «Логически более последовательно было бы ввести термин *флексионема* для значений словоизменительных категорий и употреблять термин *граммема* для совокупности флексионом и дериватем. Мы, однако, не решились слишком резко нарушить традицию» (Мельчук 1997, с. 251). И уже эта новация оказывается полностью уместной, заполняя явную лакуну в оппозиционной модели: действительно, во многих описаниях языков синтетического строя (по аналогии с описаниями самого известного из аналитических языков – английского) игнорируется словоизменительная парадигматика дериватологии. Таким образом, предложенное дополнение модели необходимо признать полностью обоснованным – *флексионема*, действительно, необходимый элемент деривационной модели лингвистических категорий. Только первичная (базовая) оппозиционная модель при этом должна иметь вид *граммема–флексионема*. Именно соответствующие языковые единицы, граммемы и флексионемы, в сумме составят базис модификационного потенциала языка – как в словообразовательном, так и в словоизменительном аспекте. Вторичный, онтологически доминирующий уровень моделирования, в свою очередь, будет представлен гиперонимом *дериватема*.

В данном контексте инструментом референтного структурирования на морфологическом уровне оказывается *конструкт* – метаязыковая категория обобщающего, созидательного качества. Следуя предложенной логике, *дериватема* будет представлять обобщенную совокупность словообразовательных и словоизменительных конструктов. Как терминологическая единица дериватема объединяет категориальную семантику как словообразовательного, так и словоизменительного характера. Соответственно, *граммема* – это словообразовательный конструкт, а *флексионема*, в свою очередь, – словоизменительный конструкт (Баркович 2017, с. 261). В соответствующей терминотерминологической системе *дериватема* будет являться гиперонимом, а *граммема* и *флексионема* – терминологическими оппозиционными гипонимами.

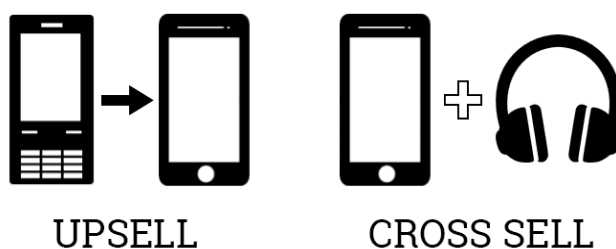
Такого рода моделирование представляется обоснованным, объективно отражая оппозиционную динамику языка в его деривационном измерении. В современных условиях востребованность работоспособных моделей речевой практики постоянно возрастает: «При всей значимости для современной лингвистической парадигмы эмпирических данных развитие лингвистики как науки не может не сопровождаться систематизацией и обобщением первич-

ных данных, их моделированием на уровне метаописаний, практикой репрезентации и интерпретации обобщений» (Баркович 2016, с. 11). Деривационная специфика – один из потенциально продуктивных аспектов изучения языковой динамики.

В. А. Василевская, В. М. Василевская

ТЕХНОЛОГИИ UP-SELL И CROSS-SELL В ЦИФРОВОМ МАРКЕТИНГЕ

Главная цель любого бизнеса – получение прибыли. Каждый бизнесмен стремится увеличить свои продажи и желает управлять маркетинговым процессом. Для этого используются различные технологии и приемы. Часто владельцы интернет-магазинов применяют стратегии увеличения доходов за счет привлечения большого числа новых клиентов, однако этот процесс длителен и требует дополнительных финансовых вложений. В качестве альтернативного способа увеличения выручки можно использовать такие маркетинговые технологии, как *Up-sell* и *Cross-sell*.

Up-sell – это механика продаж, заключающаяся в увеличении суммы сделки за счет продажи более дорогих предметов или сопутствующих товаров (услуг), осуществляемая с целью совершения более выгодной для обеих сторон продажи и лучшего удовлетворения покупателя (например, продажа более дорогого смартфона с улучшенным функционалом). При этом покупателя нужно убедить, что предложенный товар – это более выгодная покупка. Стоит отметить, что Up-sell направлен на продажу, прежде всего, дорогих позиций каталога.

В качестве примеров использования данной стратегии можно отметить:

- размещение окна «Рекомендуемые товары» на главной странице интернет-магазина побуждает клиента обратить внимание прежде всего на дорогие товары;
- страница новинок раздела с предложениями более современных и, как следствие, более дорогих товаров;
- предложение сезонных товаров со скидкой (к примеру, продажа обогревателей летом);

- помещение ярлыка «Хит!» на наиболее популярные товары из различных категорий;
- реклама подобных товаров, которые просматривал либо уже приобрел клиент.

Очевидно, что основная цель применения технологии Up-sell – это увеличение прибыли и повышение товарооборота. Схожий эффект можно получить от использования технологии Cross-sell.

Cross-sell – это перекрестные продажи товаров и услуг, рекомендация клиенту купить товар, который дополняет его основную покупку (к примеру, при покупке смартфона предложить клиенту дополнительно приобрести к нему чехол, защитное стекло или карту памяти).

К способам стимулирования перекрестных продаж можно отнести:

- персонализацию предложений на основе совершенных ранее покупок;
- предложение дополнительных и сопутствующих товаров;
- предложение товаров, часто приобретаемых вместе;
- предложение дополнительных предметов бесплатно;
- бесплатную доставку;
- пакеты услуг.

Указатель на дополнительные товары и услуги для Cross-sell можно разместить, к примеру, в карточке товара (на боковой панели, возле кнопки «Купить»; во всплывающем окне после оформления заказа); на странице корзины (на боковой панели либо использовать место под описанием заказа); на странице благодарности после совершенной покупки.

Эффективным инструментом увеличения продаж с использованием данной технологии является *email-маркетинг*. Например, после покупки смартфона клиенту можно прислать письмо с обзором подходящих наушников. Также в электронном письме можно разместить подборку товаров из персональных рекомендаций или купоны на персональные скидки.

Принципиальное различие между техниками Up-sell и Cross sell заключается в моменте их применения: Up-sell используется только тогда, когда клиент уже готов совершить покупку и можно убедить его купить более дорогой товар или усовершенствованную версию уже выбранного им товара. Cross-sell уместен только в момент, когда покупка уже совершена и клиенту предлагается приобрести дополнительные товары.

При всей полезности вышеописанных маркетинговых техник существуют ситуации, когда их использование не приносит желаемых результатов:

- неуместное, навязчивое предложение товаров и услуг;
- отсутствие адекватных аргументов, почему клиент должен изменить свой выбор в пользу предлагаемого;
- применение техники Up-sell в момент завершения покупки;
- применение техники Cross-sell до принятия решения о покупке основного товара.

Таким образом, маркетинговые техники Up-sell и Cross-sell при грамотном и своевременном применении не только способны увеличить прибыль и товарооборот, но и содействуют повышению лояльности клиентов и созданию долговременных отношений с ними.

В. М. Василевская, В. А. Василевская

ЕМОJI-МАРКЕТИНГ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМЫ

В современном мире сложно представить интернет-общение без использования смайликов, которые помогают передать эмоциональное состояние человека на момент разговора. Первые боковые смайлики-улыбки были изобретены в 1982 г. доктором Скоттом Э. Фалхэмом, чтобы показать, что в докладе является шуткой, а что – нет.

Таким образом, первые смайлики относятся к *эмотиконам* – пиктограммам, изображающим эмоции доступными типографическими средствами. Эмотиконы бывают:

- классические (зоны лица и тела изображаются горизонтально, как бы лежа). Пример: D – смех, {} – страстный поцелуй;
- азиатские (изображаются вертикально). Пример: (^_^) – улыбка, (0_0) – сильное удивление, (^_~) – подмигивание;
- графические (изображения, нарисованные символами с помощью специальных программ). Пример: заяц:

(___/)
(='.'=)
(")_(")

Логическим развитием эмотиконов стали *эмодзи (emoji)* – набор смайлов, иконок и пиктограмм, которые активно используются в веб-контенте и переписке между пользователями. Создателем эмодзи стал дизайнер Шигетака Курита в начале 90-х. Первый комплект эмодзи включал 172 иконки и поддерживался только японскими операторами связи.

В 2010 г. эмодзи были добавлены в международный стандарт кодирования символов Unicode, что способствовало их популяризации и значительно расширило территорию их использования. На 2020 г. в базе Unicode 13.0 находилось более 3300 эмодзи, распределенных на различные тематическим категориям, например, смайлики, люди, животные и природа, еда и напитки, путешествия и места, флаги, объекты, символы и др.

Сегодня эмодзи поддерживаются всеми мобильными системами и платформами, а также социальными сетями и мессенджерами.

Если же говорить о наиболее известном смайлике – две точки и улыбка на желтом фоне – то его создание американским художником Харви Боллом

в 1963 г. и использование в качестве логотипа страховой компании является одним из первых примеров применения инфографики для маркетинговых целей.

Эмодзи-маркетинг – это практика организации маркетинговых кампаний инфографики и рекламы с использованием эмодзи. Главное их преимущество – способность наполнить «сухой» текст эмоциями, приблизив его к живому общению, тем самым повышая уровень вовлеченности аудитории и уровень доверия к бренду.

Сегодня эмодзи-маркетинг приобрел огромную популярность во многих сферах человеческой жизни и доказал свою эффективность в применении с целью привлечения новых клиентов и продвижения на рынке товаров и услуг. Доказано, что смайлики вызывают у людей те же эмоции, которые они испытывают, глядя на реальное человеческое лицо. Кроме того, культурный код эмодзи достаточно универсален и их понимание не ограничено языковым барьером, что позволяет одинаково эффективно применять их для взаимодействия с разными аудиториями.

Эмодзи можно и с п о л ь з о в а т ь :

- в социальных сетях (привлечение внимания к постам и сториз);
- в email-рассылках;
- при структурировании web-контента (маркировка рубрик сайта или разделов каталога с использованием соответствующих иконок для пометки различных категорий);
- в инфографике и видео (краткое и доходчивое выражение смысла без необходимости употребления большого количества слов и создания переводных субтитров);
- в метатегах title и description (повышение привлекательности и заметности сайта в поисковой выдаче, добавление читабельности заголовкам и описаниям);
- в брендинге и мерче (повышение известности и привлекательности бренда за счет создания брендированных эмодзи и выпуска предметов, содержащих в себе эмодзи);
- в клиент-сервисе (повышение уровня «дружелюбности» в переписке с клиентами).

Среди п р е и м у щ е с т в использования эмодзи в цифровом маркетинге можно выделить следующие:

- увеличение открываемости (заголовки с иконками сразу бросаются в глаза);
- экономия места (замена некоторых слов на эмодзи позволяет сократить длинный текст);
- передача эмоций (важно не только привлечь внимание клиента, но и удержать его, наладить с ним эмоциональную связь);
- удобство в использовании (достаточно просто скопировать необходимые эмодзи и вставить их в текст);

- взаимодействие с аудиторией (побуждение к действиям в комментариях, например, выражение положительного или отрицательного мнения с помощью соответствующих эмодзи).

Однако при всех преимуществах использования эмодзи в маркетинге существуют моменты, в которых следует соблюдать осторожность:

- слишком сложная комбинация эмодзи может оставить целевую аудиторию равнодушной или даже вызвать негативную реакцию из-за неверной трактовки;

- использование эмодзи в деловой переписке способно навредить репутации коммуникантов, поскольку создает ощущение несерьезного отношения к предмету диалога;

- использование неоднозначных эмодзи либо эмодзи с неизвестным значением способно вызвать негативную реакцию со стороны целевой аудитории;

- размещение эмодзи в середине предложения способно нарушить восприятие текста читателем, поскольку они воспринимаются как знаки препинания;

- чрезмерное либо неуместное применение эмодзи может вызвать раздражение у читателя;

Эмодзи – это современный способ передачи эмоций и расстановки акцентов в сообщениях, завоевавший популярность и доказавший свою эффективность как в традиционном, так и в цифровом маркетинге. Эмодзи используют в деловых и рекламных письмах, в контентных проектах, в видео, блогах, соцсетях, в метатегах и для обратной связи с аудиторией. При грамотном применении (с ориентировкой на актуальность, целевую аудиторию, частоту использования и тематическое соответствие контенту) эмодзи «оживляют» текст, способствуют увеличению вовлеченности и повышают уровень интереса и доверия к бренду.

Е. С. Василенко, Н. В. Шалимо

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СЕТИ В ЗАДАЧАХ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Обработка естественного языка – общее направление искусственного интеллекта и математической лингвистики, изучающее проблемы компьютерного анализа и синтеза естественных языков. Методы обработки естественного языка лежат в основе технологий распознавания речи, информационного поиска, средств проверки правописания, систем общения, и др.

Основные трудности в обработке естественного языка вызваны проблемой его многозначности, выражающейся на всех ее стадиях обработки: от фонетического до семантического уровня с точки зрения лингвистической теории «Смысл \Leftrightarrow Текст». Таким образом, методы обработки естественного

языка направлены на разрешение многозначности в различных ее проявлениях. Например, смысл предложения *Я напился из ключа* зависит от того, в каком значении употреблено многозначное слово *ключ*.

Сегодня технологии обработки естественного языка прочно вошли в повседневную жизнь и помогают людям лучше понимать друг друга и быстрее ориентироваться по поступающей информации. Этому способствуют технологии машинного перевода, анализа эмоциональной окраски текстов, автоматического реферирования документов, распознавания и синтеза речи и т.д. Несмотря на высокую популярность статистических методов обработки естественного языка, существуют задачи, для решения которых требуются знания об окружающем мире. Так, разрешение лексической многозначности, построение вопросно-ответных систем, автоматическая рубрикация документов и др. Решение таких задач производится при помощи систем, основанных на знаниях.

На заре инженерии знаний и обработки естественного языка под семантической сетью понимался размеченный ориентированный граф, вершины которого соответствуют некоторым сущностям (понятиям, событиям, характеристикам или значениям), а дуги выражают связи между этими сущностями. Замечено, что люди воспринимают окружающий мир как иерархию понятий, связанных отношениями общего и частного. Например, если человек знает, что воробей – это птица, то он сможет предположить, что у него есть крылья.

Семантическая сеть – это ориентированный граф, вершины которого – понятия, а дуги – связи между понятиями.

Семантические сети являются одной из форм представления знаний. В них представлены различные семантические отношения между понятиями, которые бывают симметричными и асимметричными. Примерами симметричных семантических отношений являются синонимия и антонимия, асимметричных – ‘часть–целое’, ‘причина–следствие’, ‘противоположность’, и др.

Сегодня наиболее известной семантической сетью в области обработки естественного языка является **WordNet**, построенная на основе формализации человеческого восприятия окружающего мира. Основная задача, в которой широко используются семантические сети, – разрешение лексической многозначности.

Семантические сети используются в современных методах машинного перевода. Поскольку в задаче машинного перевода необходимо не только правильно определить лексическое значение слова на исходном языке, но и корректно выбрать лексическое значение слова на целевом языке, семантические сети применяются в качестве инвентаря смыслов. Кроме того, поскольку в таких семантических сетях, как WordNet, к синсетам представлены толкования и примеры употребления, то эти сведения также используются для построения векторных представлений значений слов в машинном переводе.

Семантические сети применяются для решения задачи автоматической рубрикации текстовых документов. В этом случае используются знания о

синонимах и лексических отношениях, описанных в семантических сетях. На основе этих знаний производится построение классификатора при помощи машинного обучения с учителем. Классификатор используется для назначения класса ранее неизвестным документам. Как правило, высококачественные семантические сети, применяемые для решения задач обработки естественного языка, создаются коллективами экспертов-лексикографов.

Процесс работы экспертов трудноформализуем, однако отмечаются его общие этапы:

- отбираются разные примеры употребления слова в текстах;
- значения слов разделяются и группируются в понятия;
- строятся семантические отношения между понятиями.

Р. В. Детскина, К. П. Антоник

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ФИЛЬТРАЦИИ СПАМА

Существуют различные методы борьбы со спамом, но ни один из них не дает стопроцентной гарантии защиты от нежелательных рассылок. Именно лингвистический анализ спама имеет значительную практическую ценность. Для разработки эффективных программных средств фильтрации необходимы адекватные данные о структуре и содержании текстов, а также о коммуникативных особенностях отправителей и получателей сообщений. Для создания модели фильтрации спама могут использоваться как более простые алгоритмы, основанные на анализе содержащихся в тексте слов, так и обучаемая нейронная сеть, однако для создания такой модели нужно выделить различные грамматические, лексические и синтаксические особенности спам-сообщений.

Задачу фильтрации спама можно рассматривать как задачу классификации входящего потока электронных сообщений на категории «спам» и «не спам». Для ее решения широкое применение получили нейронные сети, выступающие в качестве механизма принятия решений, предоставляя на выходе вероятностную оценку спама всего сообщения. Искусственная нейронная сеть обладает способностью обучаться (в том числе, обобщать свои знания, накапливать опыт), является наиболее приближенной моделью человеческого мозга, как по архитектуре, так и по принципам работы (М. Е. Сухопаров 2015). Их использование для решения задачи классификации состоит в указании принадлежности входного образа, представленного вектором входных признаков одному или нескольким заранее определенным классам.

Применение нейросетевой технологии предусматривает выполнение следующих основных этапов (А. Н. Мироненко 2011):

1) выбор структуры сети (задание входных, выходных параметров сети, определение числа ее слоев и нейронов в каждом слое);

2) обучение нейронной сети выбранного типа на данных, сформированных из базы электронных почтовых сообщений;

3) применение обученной нейронной сети для классификации новых почтовых сообщений на категории «спам» / «не спам».

Особенность использования обученной нейронной сети для решения поставленной задачи определяется ее обобщающей способностью, заключающейся в возможности точно классифицировать не только ранее выявленные спамовые электронные почтовые сообщения, но и распознавать новые виды спама. Веса обученной нейронной сети хранят достаточное количество информации о спамовых письмах, что определяет эффективность применения данной технологии.

Непосредственное построение эффективной нейросетевой модели спам-фильтрации возможно в рамках технологии обнаружения знаний в базах данных, включающей следующие этапы (А. С. Катасёв 2015):

1) получение исходных данных электронных почтовых сообщений, включающих примеры спамовых и не спамовых писем;

2) предварительная обработка исходных данных и формирование обучающей выборки для обучения нейронной сети;

3) разработка структуры нейронной сети: задание входов, выходов, числа слоев сети и нейронов в каждом слое;

4) обучение сети для построения модели спам-фильтрации;

5) тестирование и оценка нейросетевой модели спам-фильтрации.

Поскольку исходные письма представляют собой тексты в электронном виде, необходимо из исходной текстовой информации предварительно выделить значимые параметры для анализа. Другими словами, необходимо выработать четкий набор параметров, характеризующих электронные почтовые сообщения и позволяющих производить их классификацию по категориям спам/не спам. Значения выделенных параметров затем войдут в обучающую выборку. Далее необходимо создать набор данных из различных источников, на основании которого будет строиться решение поставленной задачи. Полученные исходные данные представлены в табличном виде, где каждая строка соответствует отдельному письму, а каждый столбец соответствует отдельному признаку письма. В ячейках таблицы представлены значения признаков, характеризующих конкретное электронное почтовое сообщение.

Таблица с исходными данными является еще сырым материалом для применения методов интеллектуального анализа, поэтому данные, входящие в нее, необходимо предварительно обработать. Во-первых, таблица может содержать параметры, имеющие одинаковые значения для всего столбца (А. С. Катасёв 2015). Такие признаки не индивидуализируют исследуемые объекты, следовательно, их надо исключить из анализа. Во-вторых, таблица может содержать некоторый категориальный признак,

значения которого во всех записях различны. Очевидно, что это поле нельзя использовать для анализа данных и его надо исключить. Параллельно с очисткой данных по столбцам таблицы также необходимо провести предварительную очистку данных по строкам. Любая база данных обычно содержит ошибки, неточно определенные значения, соответствующие каким-то редким, исключительным ситуациям, и другие дефекты, которые могут снизить эффективность фильтрации спама. Такие записи необходимо отбросить, поскольку, даже если они не являются ошибками, а представляют собой редкие исключительные ситуации, они все равно вряд ли могут быть использованы, поскольку по нескольким точкам статистически невозможно судить об искомой зависимости в данных.

Анализ статистических признаков нейронной сетью напоминает байесовскую фильтрацию спама, где для каждого слова или словосочетания можно установить коэффициент «спамности». Однако, в отличие от байесовского фильтра, здесь связи между нейронами способны динамически изменяться в процессе обучения, что позволяет эффективно обнаруживать новый и ранее неизвестный спам за счет умения нейронной сети обобщать накопленный опыт. Таким образом, внешне нейронная сеть будет схожа с байесовским фильтром, однако, они различаются внутренней архитектурой, дополнительными функциями и свойствами нейронной сети: нейронная сеть не зависит от формы представления данных и способна обрабатывать семантические, фонетические и орфографические признаки, если представить их в виде числовых значений. Исходя из этого, можно оценивать текст на принадлежность к спаму комплексно, полагаясь на множество разнородных параметров, которые дополняют друг друга и уточняют оценку при принятии решения.

Нейронная сеть способна к самообучению, обнаружению ранее неизвестных спам-сообщений, в то время как эффективность байесовского фильтра зависит от постоянной коррекции коэффициентов на новых выборках, нет процесса самообучения. Для каждого нового спам-сообщения при использовании байесовского фильтра необходимо корректировать коэффициенты «спамности», а при использовании фильтрации на основе шаблонов необходимо постоянно пополнять базу шаблонов, то есть содержать специалистов, которые будут поддерживать актуальность этой базы. Нейронная сеть избавлена от многих недостатков байесовского фильтра, однако, эффективность метода зависит от обучающей выборки, используемой в процессе обучения. В итоге возникает задача правильного формирования обучающей выборки, обладающей репрезентативностью и достоверностью. При неудовлетворительных результатах оценки модели необходимо вернуться к одному из этапов и выполнить все последующие этапы в указанной последовательности.

Нами была создана компьютерная программа, использующая наивный байесовский классификатор, который может ответить на вопрос, к какой

категории классов «спам» / «не спам» относится конкретное электронное сообщение. Данная программа написана на языке программирования Python и в качестве обучающего алгоритма материала использует корпус СМС сообщений в формате CSV.

А. Е. Жданович

СЛОЖНОСТИ ПРОЦЕССА АВТОМАТИЧЕСКОГО ВЫДЕЛЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Лингвистическая специфика фразеологических единиц вызывает определенные трудности при их переводе с одного языка на другой, поскольку перед переводчиком стоит задача не только передать смысл фразеологизма, сохранив его форму, но и не потерять при этом образность и эмоциональную окраску данной единицы. Чтобы качественно выполнить перевод фразеологических словосочетаний, переводчик должен хорошо владеть иностранным и родным языком, а также обладать культуроведческой компетенцией.

По мнению специалистов, полноценный словарный перевод фразеологических единиц зависит, в основном, от следующих отношений между единицами исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ):

- фразеологическая единица имеет в ПЯ полноценное соответствие, которое не зависит от контекста;
- фразеологические единицы можно передать при помощи соответствия, обычно с некоторым отступлением от полноценного перевода;
- фразеологическая единица не имеет в ПЯ эквивалентов и непереводаема в словарном порядке.

Таким образом, в процессе перевода фразеологических единиц используется два подхода: фразеологический, когда фразеологизм переводят фразеологизмом, и нефразеологический, когда фразеологизм переводят иными средствами в связи с отсутствием аналогов и эквивалентов.

При переводе с иностранного языка необходимо уметь распознать фразеологическую единицу в тексте оригинала. В противном случае существует риск ее буквального перевода, что может привести к искажению смысла или полному его отсутствию в переводе. Здесь на помощь переводчику приходят специализированные фразеологические словари, а также общая языковая эрудиция и «чувство языка». Широко известные и распространенные фразеологизмы не вызывают трудности в их определении. Однако многие фразеологические единицы далеко не так узнаваемы. Сам факт наличия в тексте оригинала непонятого по значению словосочетания, не вписывающегося в смысловую картину остального текста, должен натолкнуть переводчика на мысль о том, что он, возможно, имеет дело с фразеологизмом. Некоторые фразеологические единицы, напротив, могут помимо переносного иметь прямое значение, что также затрудняет их обнаружение. В таких случаях переводчику может помочь контекст.

В последние десятилетия на помощь переводчикам приходят разнообразные системы автоматического перевода текста с одного языка на другой, однако не все они могут осуществить адекватный перевод фразеологических единиц. Проблема в том, что, фразеологизмы (в частности идиомы) могут быть записаны в нескольких формах и эти формы могут не всегда образовываться по обычным грамматическим правилам.

Работа таких программ обычно основывается на двух принципах.

1. Принцип выбора эквивалента по синтаксической модели входного текста, чаще всего по синтаксической модели предложения. Таким образом, например, программа может различить эквиваленты глагола *to book* и существительного *book* (соответственно, ‘резервировать’ и ‘книга’).

2. Принцип выбора эквивалента по семантической модели. По разным семантическим моделям автомат, например, может различать такие эквиваленты слова *solution* как ‘решение’ и ‘раствор’.

Обе модели обычно применяют в комплексе. И сами модели, и процедуры выбора эквивалентов довольно сложны.

Автоматический перевод несвободных словосочетаний возможен в рамках технологий, основанных на корпусах параллельных текстов.

Первым шагом в этом направлении стало исследование Д. В. Степановой, главная идея которого основывается на следующих предположениях: 1) в каждом несвободном словосочетании предложения текста на ИЯ можно выделить его опорное слово, являющееся основой словосочетания; 2) в рамках взятого из параллельного корпуса текстов перевода исходного предложения можно выделить несвободное словосочетание, опорным словом которого является один из переводных эквивалентов опорного слова исходного несвободного словосочетания; 3) в базе данных системы перевода для текстов достаточно узкой предметной области заданы, во-первых, структурные схемы (минимально на уровне классов слов) исходного и переведенного несвободного словосочетания, во-вторых, выявленные на предварительных этапах лингвистических исследований текстовые признаки, определяющие границы несвободных словосочетаний в рамках исходного предложения и его перевода. Созданная на основе таких правил компьютерная программа более чем в 90 % случаев нашла верные русские переводные эквиваленты английских терминологических словосочетаний текстов по вычислительной технике.

По мнению А. В. Зубова, описанный выше подход может быть усовершенствован и использован для автоматического перевода идиоматических выражений. Ученый подчеркивает, что при этом основная трудность заключается в том, что перевод идиоматического выражения не всегда будет содержать опорное слово, являющееся одним из переводных эквивалентов опорного слова исходного идиоматического выражения, как это было при переводе терминологических словосочетаний у Д. В. Степановой. Следовательно, стержневые слова, связывающие идиому исходного текста и ее переводы на другой язык, надо искать не только по их словарному совпадению,

но и на уровне наличия общих семантических признаков у потенциального стержневого слова (или слов) исходной идиомы и потенциального стержневого слова (или слов) его перевода на другой язык.

Таким образом, основная трудность при переводе идиоматических (фразеологических) единиц с помощью корпуса параллельных текстов заключается в правильном выделении стержневых слов, связывающих исходную единицу и ее перевод на другой язык. Сама процедура автоматического перевода фразеологизмов включает два взаимосвязанных этапа: этап выделения фразеологизмов из оригинального текста и этап поиска их переводных эквивалентов в заданном корпусе параллельных текстов.

Изучение и формализация синтаксических и более глубоких семантических отношений между единицами фразеологических словосочетаний позволит сделать более универсальными правила автоматического выделения и перевода фразеологических единиц.

М. А. Жданович

МИКРОСТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЬЮТЕРНОГО СЛОВАРЯ

На настоящем этапе развития лексикографии особо актуальным направлением является разработка *компьютерных*, в частности *терминологических*, словарей, отвечающих потребностям современного пользователя. В данной работе под терминологическим компьютерным словарем следует понимать словарь терминов определенной предметной области знаний, представленный в считываемой компьютером форме, конечным пользователем которого может быть как компьютер, так и человек.

Пользователи обращаются к терминологическому словарю в первую очередь для того, чтобы определить значение термина. Следовательно, одна из основных задач, стоящая перед лексикографами, заключается в определении способа семантизации терминов, который позволит наиболее наглядно отобразить его сущность. Способы семантизации принято делить на переводные и беспереводные. К последним относятся, например, толкование, дефиниция, иллюстративные примеры, которые могут иметь вербальную или графическую форму, информация о парадигматических отношениях и т.д. Данные компоненты отражаются в словарной статье, представляющей собой микроструктуру словаря.

В качестве примера можно рассмотреть микроструктуру терминологического словаря *Business English*, который является составной частью онлайн-словаря *Cambridge Dictionary*, находящегося в открытом доступе. Так, для термина *share* 'акция' указаны подразделы предметной области (*finance, stock market*), некоторые грамматические характеристики (*noun, countable, usually singular*), транскрипция для американского и британского вариантов английского языка, дефиниция, а также примеры контекстной

реализации. Следует отметить, что одним из основных преимуществ компьютерных словарей, в частности словаря Business English, является наличие гиперссылок, которые позволяют пользователю получить доступ к интересующей его информации, т. е. переходить от одной словарной статьи к другой, затрачивая при этом минимум времени и усилий. Еще одним преимуществом компьютерных словарей является мультимодальность способов описания терминов, т. е. воздействие сразу на несколько каналов восприятия человека. В рассматриваемом словаре акцент сделан на зрительный и слуховой каналы восприятия, поскольку каждая словарная статья оснащена не только текстовой, но и аудиоинформацией: при нажатии на символ громкоговорителя пользователь имеет возможность услышать правильное произнесение искомого термина в американском и британском вариантах английского языка.

Проводимое исследование по созданию терминологического компьютерного словаря предметной области «Информационные технологии» (ИТ) направлено на усовершенствование существующих способов семантизации терминов. Учитывая, что основными общепринятыми свойствами терминов являются их дефинированность, системность и обозначение специального понятия, целесообразной представляется семантизация терминов посредством определения их места в системе понятий выбранной предметной области. Данная система понятий была получена с помощью дефиниционного анализа, в результате которого были установлены следующие элементы:

1) понятийная структура терминов, состоящая из понятийных компонентов;

2) парадигматические отношения между выявленными понятийными компонентами;

3) основные кластеры предметной области ИТ.

Поскольку главной функцией разработанного терминологического компьютерного словаря является установление понятийных отношений между терминами и между значениями полисемантического термина, акцент в микроструктуре сделан на отражении семантического уровня языка, а в зоне грамматических характеристик зафиксирована только частеречная принадлежность. Другие пометы, например, фонетические, стилистические, ареальные и т.д., не являются релевантными и способствовали бы созданию переизбытка информации и усложнению микроструктуры словаря.

Вокабулой каждой словарной статьи является однословный термин, выраженный существительным, глаголом или прилагательным. Поскольку материалом для автоматического извлечения терминов послужили «практические» и «теоретические» тексты, возле каждого заглавного слова, отобранного из стандарта, посредством сокращения *Stand.* был зафиксирован его нормативный статус, т. е. указано, что данный термин прошел все стадии упорядочения.

Многозначные термины представлены в одной словарной статье, поэтому за заглавным однословным термином следует информация о количестве значений, для каждого из которых представлены зона грамматических харак-

теристик, зона указания кластера предметной области, зона указания понятийных компонентов и зона дефиниции. Особое внимание необходимо обратить на зону указания понятийных компонентов, т.к. именно здесь отображена многозначность и омонимичность слов на понятийном уровне. В случае наличия у термина нескольких значений данные зоны начинаются с интегрирующих понятийных компонентов для всех значений, а затем следуют дифференцирующие понятийные компоненты.

Следует обратить внимание на способ представления понятийных отношений между терминами, поскольку он должен позволять проследить системность терминологии предметной области ИТ на понятийном уровне. Благодаря наличию гиперссылок пользователь имеет возможность перейти от каждого понятийного компонента к списку терминов, содержащих данный компонент в своей понятийной структуре и, таким образом, проследить семантические связи между терминами.

Завершающей словарную статью является зона терминологических словосочетаний, в которой в алфавитном порядке представлены все многословные термины и аббревиатуры, имеющие в составе заглавный термин.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что словарная статья разработанного терминологического компьютерного словаря содержит информацию о понятийной структуре термина, а также о его парадигматических и синтагматических отношениях с рядом других терминов исследуемой предметной области. Таким образом, полученная микроструктура словаря предметной области ИТ, или структура его словарной статьи, обеспечивает пользователя информацией относительно места каждого искомого термина в терминологической системе исследуемой предметной области.

Н. В. Зыгмантович

РАСПОЗНАВАНИЕ ИМЕНОВАННЫХ СУЩНОСТЕЙ В ТЕКСТЕ НА ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

С самого начала эпохи компьютеров разработчики стараются научить их понимать обычные языки. В течение тысяч лет люди что-то писали, и было бы здорово поручить машинам чтение и разбор всех этих данных.

Конечно, мечта о понимании естественного языка пока еще далека от полноценной реализации. Однако некоторые результаты есть уже сейчас: машину можно научить обнаруживать нужные объекты в тексте на естественном языке, находить между ними связи и представлять необходимые данные в формализованном виде для дальнейшей обработки.

Именованные сущности – это слова или словосочетания, которые обозначают предметы или явления определенной категории. В соответствии с поставленными задачами в текстах могут выделяться имена и фамилии людей, названия организаций, населенных пунктов и других географических объектов, даты, денежные единицы и т.д. Задача извлечения именованных сущностей является подзадачей задачи извлечения информации.

В процессе извлечения именованных сущностей можно выделить два этапа:

- распознавание именованной сущности;
- категоризация именованной сущности.

На первом этапе происходит обнаружение слова или цепочки слов, которые образуют сущность. Каждое слово представлено токеном: «*Пирамиды Гиза*» – это цепочка из токенов, которые репрезентируют одну сущность. Специалисты пользуются тегированием для того, чтобы продемонстрировать, где сущности начинаются и заканчиваются.

На втором этапе создаются категории сущностей.

Для того, чтобы понять, какие сущности важны и релевантны, а какие нет и как их соотносить с различными категориями, нужны обучающие данные (training data). Чем более релевантными являются обучающие данные, тем более точными и верными будут результаты.

Задача извлечения именованных сущностей была сформулирована более 20 лет назад. За это время был разработан не один подход к ее решению. Изначально задачу решали, основываясь на составленных вручную правилах, однако для этого от исследователя требовалось иметь высокую квалификацию в области грамматики языка, при этом количество используемых языков было ограниченным, а списки рассматриваемых слов постоянно нуждались в обновлении.

Позже стали применяться методы машинного обучения и другие, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки.

Факторы, влияющие на системы извлечения именованных сущностей:

- языковой фактор;
- жанры и предметные области текстов.

При разработке систем извлечения именованных сущностей для конкретного языка учитываются его особенности. Например, в английском языке тексты читаются слева направо, а к именованным сущностям часто относятся имена собственные, которые пишутся с заглавной буквы. Однако нельзя применять те же методы к таким языкам, как фарси, иврит, где чтение ведется справа налево, а в начале имен собственных нет заглавных букв.

Тексты относятся к разным стилям речи (публицистический, научный, разговорный), посвящены разным областям (например, политика, медицина, наука, экономика, спорт). Особенности стилей и предметных областей учитываются в системах извлечения именованных сущностей, специализированных на конкретных типах текстов. Примерами таких типов являются электронные письма, научные статьи, новостные заметки, записи телефонных разговоров и другие. Экспериментально установлено, что система, хорошо работающая с текстами определенного типа, показывает худшие результаты при обработке текстов другого типа.

К основным типам именованных сущностей обычно относят PERSON, ORGANIZATION, LOCATION. Также рассматриваются категории Timex, которая включает типы «время», «дата», и Numex, которая включает типы

«денежное выражение», «процентное выражение». В зависимости от предметных областей и приложений системы извлечения именованных сущностей могут добавляться новые типы именованных сущностей.

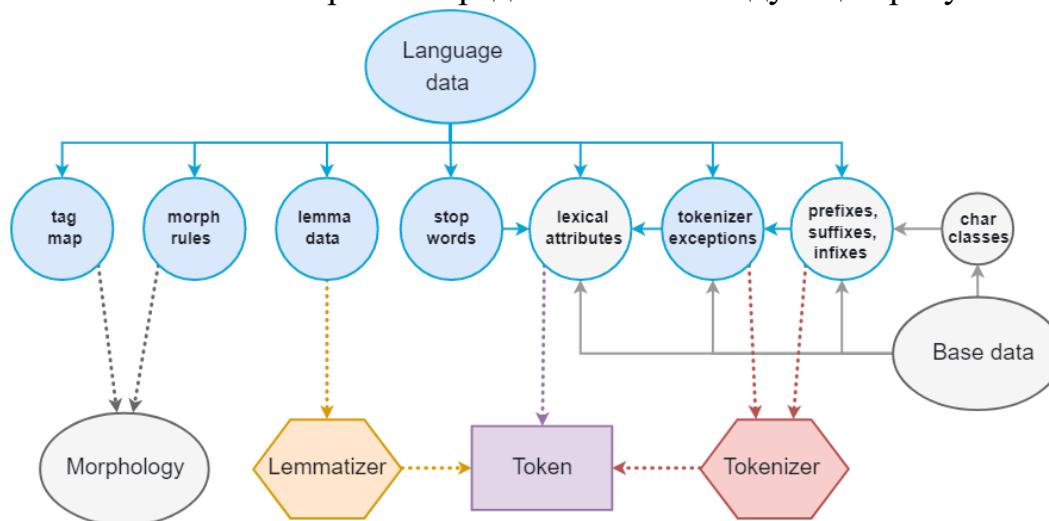
Проведем компьютерный эксперимент, напишем небольшой код на языке программирования Python и на практике извлечем именованные сущности из текста на английском языке.

Существуют библиотеки языка Python для выполнения различных задач обработки естественного языка – **textacy**, **spaCy**, в которых уже реализованы такие шаги, как токенизация, теги частей речи, разбор зависимостей и т. д. Именно эти шаги необходимо предварительно выполнить для успешного решения нашей задачи. Попробуем воспользоваться этими библиотеками.

В языке программирования Python установим эти библиотеки:

```
# Установка spaCy, textacy
!pip install -U spacy
!pip install -U textacy
```

Загрузим в память ПК из интернета готовую языковую модель "en_core_web_lg" на английском языке, в которой уже реализованы этапы решения задач NLP. Схематично ее работа представлена на следующем рисунке:

Чтобы загрузить эту модель в память нашего ПК, составим следующий код:

```
import spacy.cli
spacy.cli.download("en_core_web_lg")
import en_core_web_lg
nlp = en_core_web_lg.load()
```

«Забросим» свой текст в эту готовую модель и получим нужные нам результаты.

Возьмем текст на английском языке и попробуем извлечь из него именованные сущности. Для чего напишем следующий код:

```
text = """Jerusalem (CNN) If Israel and Hamas agree on anything at the moment, it is probably that Gaza is as close to another war as it has been since the en
```

d of the last one four years ago. And the next one, predicts Yahya Sinwar, Hamas' Gaza leader, in an interview published in the Israeli daily Yedioth Ahronoth, will likely be the most severe. "It cannot end like the third [war], which ended like the second [war], which ended like the first [war]," Sinwar told reporter Francesca Borri, who conducted the interview. The Israelis, he said, "will have to reoccupy Gaza. " But the Hamas leader also said that a new war is not in anybody's interests. This is the first full interview given by Sinwar to non-Arabic media since he became the leader of Hamas in Gaza in February 2017. Read More""

```
doc = nlp(text)#здесь теперь содержится обработанная версия текста
#распечатаем все обнаруженные именованные сущности
for entity in doc.ents:
    print(f"{entity.text} ({entity.label_})")
```

Команды, которые начинаются со знака #, описывают пояснения.
Запустив этот код, мы получим результат:

```
Jerusalem (GPE)
CNN (ORG)
Israel (GPE)
Hamas (ORG)
Gaza (GPE)
the end of the last one four years ago (DATE)
Yahya Sinwar (PERSON)
Hamas (ORG)
Gaza (GPE)
Israeli (NORP)
daily (DATE)
Yedioth Ahronoth (PERSON)
third (ORDINAL)
second (ORDINAL)
first (ORDINAL)
Sinwar (ORG)
Francesca Borri (PERSON)
Israelis (NORP)
Gaza (GPE)
Hamas (ORG)
first (ORDINAL)
Sinwar (ORG)
non-Arabic (NORP)
Hamas (ORG)
Gaza (GPE)
February 2017 (DATE)
```

Вот так легко и просто мы извлекли структурированную информацию из неструктурированного текста, получив именованные сущности данного текста.

ОТ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ К ИНТЕРНЕТУ ТЕЛ

Чтобы понять, что такое Интернет тел, вспомним о таком понятии, как Интернет вещей (IoT). IoT – это концепция сети передачи данных между физическими объектами, оснащенными встроенными средствами и технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой. Именно благодаря этому появляется возможность собирать, анализировать, обрабатывать и транслировать данные другим объектам через приложения или технические устройства. IoT-устройства работают автономно, однако пользователи могут настраивать их или открывать доступ к данным. IoT-системы работают в онлайн-режиме и состоят из сети умных гаджетов и облачной платформы, к которой они подключены с помощью Wi-Fi, Bluetooth или других видов связи.

Когда Интернет вещей подключается к вашему телу, появляется Интернет тел.

Интернет тел (“internet of bodies” – IoB) – сеть человеческих тел и данных, подключенных через датчики. IoB генерирует огромное количество биометрических данных и данных о поведении человека.

По сути, Интернет тел – расширенная версия Интернета вещей. Система соединяет человеческое тело с сетью через устройства, которые вводятся в организм, имплантируются или каким-то образом связаны с телом.

Вспомним наиболее популярные примеры технологии Интернета тел:

- кардиостимулятор – миниатюрное устройство, помещаемое в брюшную полость или грудь для помощи пациентам с сердечно-сосудистыми заболеваниями контролировать аномальное сердцебиение;
- «умная таблетка» – фактически микросхема, которая после внедрения в человеческий организм, производит сбор данных о состоянии органов и отправляет эти сведения на удаленное устройство, подключенное к сети;
- интеллектуальные контактные линзы, которые объединяют датчики и чипы, осуществляющие диагностику здоровья на основе информации о составе глазной жидкости. Так одна из разрабатываемых линз предназначена для мониторинга уровня глюкозы в крови, что в недалеком будущем позволит диабетикам держать под контролем уровень сахара без инъекций в течение дня.
- нейрокомпьютерный интерфейс – система, в которой мозг человека фактически объединен с внешним устройством для мониторинга и управления в онлайн-режиме. Цель – помочь восстановить двигательные функции людей с ограниченными возможностями, используя сигналы мозга, а не обычные нервно-мышечные пути.

Для медицинских работников Интернет тел открывает новую грань эффективного мониторинга и лечения. Объем данных, собранных с помощью таких технологий, может значительно улучшить качество нашей жизни и существенно повлияет на увеличение продолжительности жизни в целом.

Например, искусственная поджелудочная железа может автоматизировать дозировку инсулина для диабетиков, интерфейсы мозг-компьютер позволят инвалидам управлять протезами конечностей с помощью разума, а умные подгузники через приложение Bluetooth значительно облегчат жизнь молодым родителям.

Но, несмотря на свою пользу и огромный ресурс для изменения практически всего и вся, Интернет тел может поставить под угрозу не только нашу личную информацию, но порою и жизнь.

В докладе RAND Corporation (RAND – Research and Development – «Исследования и разработка» – американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра) делается следующий прогноз: к 2025 году уже будет более 41 млрд активных устройств Интернета тел, ежедневно генерирующих 2,5 квинтиллиона байтов данных об окружающей среде, транспорте, геолокациях, питании, упражнениях, биометрии, социальном взаимодействии и повседневной жизни человека. Экспоненциальный рост количества устройств Интернета тел приведет к их дальнейшей популярности.

Однако мы должны помнить, что взломать можно любое устройство, в том числе устройство, находящееся внутри человеческого тела. С развитием Интернета тел это становится все опаснее.

В докладе RAND показано, насколько агрессивной и повсеместной может стать технология Интернета тел. К тому времени, когда концепция IoB будет полностью реализована, ни одна часть человеческого тела не сможет избежать вмешательства.

Широкое распространение устройств IoB порождает абсолютно новые типы угроз, связанные с возможностью осуществления киберпреступлений, вплоть до нанесения тяжелых телесных повреждений и убийств, а также целевого точечного кибертерроризма. Сейчас в мире данная угроза рассматривается как актуальная, и как на государственном уровне, так и на уровне частных компаний разрабатываются конкретные меры по противодействию ей.

Поскольку технология Интернета тел продолжает развиваться, необходимо будет решать нормативные и правовые вопросы и выстраивать политику, основанную на правильном использовании технологии.

Таким образом, любая вновь созданная технология не только открывает новые возможности для человечества, но и содержит определенные, иногда значительные, риски и угрозы, в какой бы области эта технология не использовалась.

Е. В. Марковская

СПРАВНЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И НЕДОСТАТКОВ СИСТЕМ ДО GOOGLE CLASSROOM И ISPRING ONLINE

Система дистанционного обучения (ДО) **Google Classroom** – приложение от одного из лидеров ИТ-индустрии. Следует отметить, что Google ранее

в своем арсенале имел большое количество инструментов для образования. На каком-то этапе Google решил все эти инструменты объединить в некую платформу, что и вылилось в создание Google Classroom. Поэтому Classroom вряд ли можно назвать классической системой ДО, это скорее лента совместной работы – тот же Google для образования, только собранный в одном месте. Поэтому Google Classroom не эффектен, им нельзя как-то особо удивить, а организация по-настоящему эффективной совместной работы требует, на мой взгляд, большого усилия от педагога и самое главное – значительной перестройки учебного процесса.

Ранее у Google Classroom была относительно сложная система регистрации и доступа пользователей к курсу, но Google открыл свободную регистрацию и теперь доступ к Classroom такой же простой, как и к Facebook.

Из других особенностей Google можно отметить:

- использование только инструментов Google (Google диск, Google докс и т.д.);
- у участников образовательного процесса на Google диск создается общая папка «Класс»;
- папка «Класс» доступна как для отдельного обучающегося, так и для класса в целом.

Среди преимуществ решения от Google можно назвать:

- поддержка русского языка;
- бесплатен;
- бренд – Google знают все и использование продуктов мирового лидера выглядит солидно;
- традиционные функции у Google реализованы хорошо: есть возможность публиковать теоретический материал, задания, выставлять оценки в журнале, есть календарь.

Выделим и недостатки такого решения:

- очень бедный арсенал учебных элементов. Вместе с тем, если рассматривать как ленту совместной работы, то главным в Google будет именно организация совместной работы, а не контролирующие элементы, такие как тесты;
- ссылки на Classroom не удобные;
- интерфейс оставляет желать лучшего.

Тестов в Google нет, поэтому многие создают тесты на основе Google Forms. Он предназначен для создания опросов, но их можно преобразовать в в тесты.

iSpring Online – система для организации ДО. Она позволяет в краткие сроки реализовать принципы дистанционного обучения в образовательном учреждении, предоставляя возможности по регистрации, хранению и сбору информации в режиме Online. Кроме того, облако iSpring Cloud – это универсальное место для хранения созданного учебного материала.

Система работает через интернет. Ее не нужно скачивать, устанавливать на сервер и настраивать. Чтобы начать обучение, достаточно создать аккаунт, загрузить материалы и назначить сотрудников. Управлять системой может один человек.

Преимущества iSpring Online

- Безлимитное хранилище. В систему можно загрузить неограниченное количество учебных материалов: курсов, видеороликов, книг, презентаций.
- Мобильное обучение. Курсы можно открыть на компьютере, планшете, смартфоне даже офлайн, например, в поезде или самолете;
- Полный контроль за успеваемостью обучающихся. У iSpring Online есть мощный сервис аналитики и 23 типа отчетов. Вы всегда будете в курсе, как часто студенты заходят на портал, сколько времени тратят на обучение, сколько курсов прошли, какие ошибки в тестах допустили;
- Быстрая техподдержка. Служба поддержки быстро ответит на ваше обращение по работе с платформой по телефону, в чате или почте;
- Портал в вашем стиле. Вы можете оформить учебный портал по вашему усмотрению: изменить цвета, загрузить логотип и поменять URL-адрес;
- Вебинары. Можно демонстрировать рабочий стол, презентацию или видео, писать в общий и личный чат. Система автоматически отправляет участникам напоминание о ближайшей онлайн-встрече и сообщает об изменении в расписании – писать каждому лично не придется. Записи вебинаров сохраняются.

Недостатки:

- iSpring Online – платная система. Стоимость обучения одного пользователя стоит 97 рос. рублей в месяц;
- Минимальное число пользователей – 50.

Е. В. Романаускас

ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ»

Данная статья посвящена исследованию антипословиц с компонентом «имя собственное» в русском языке коронавирусной эпохи. Материалом для исследования послужили паремии искомого типа в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи». В результате исследования выявлена семантика имен собственных в составе отобранных паремий, проведен анализ трансформаций, использованных при их создании.

Развитие словарного состава русского языка традиционно является постепенным и эволюционным процессом; лишь во времена социальных потрясений язык претерпевает кардинальные или очень сильные изменения. Эпохой, когда «слова появляются с калейдоскопической быстротой» (В. М. Истрин), стала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Психологический коллективный стресс нашел непосредственное отражение и в коллективной языковой игре, и как следствие – в языке (Е. С. Громенко, А. С. Павлова). В самый разгар пандемии, когда было на первый взгляд не до шуток, юмор как вечный «спасательный круг» российского человека помогал

людям жить (Ф. Ершов). Народный фольклор и чувство юмора всегда помогали людям переживать даже самые тяжелые времена, поэтому в период пандемии родилось много пословиц, поговорок и анекдотов.

Институт лингвистических исследований РАН выпустил коллективную монографию, которая состоит из двух частей: «Русский язык коронавирусной эпохи» и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи». Данная монография посвящена исследованию и описанию динамических процессов в русском языке, происходящих в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. В словаре есть дополнительный словарь антипословиц на основании коронавирусной лексики.

Среди антипословиц, представленных в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи», было отобрано 8 единиц, в состав которых входят имена собственные: *зараженный – лечись, а вернувшийся из Уханя – берегись; а ВОЗ и ныне там; уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там; все дороги ведут в Ухань; однажды коронавирус, обитавший в Китае, узнал, что все дороги ведут в Рим; не в Zoom ногой; лучше уж Zoom-зоны, чем цифровые концлагеря; око за око, Zoom за Zoom.*

Приведенные выше антипословицы содержат в своем составе следующие разновидности имен собственных: *Zoom, Ухань, Рим, Китай, ВОЗ*. Они представляют собой название программы для проведения видеоконференций *Zoom*, астионимы (названия городов) *Ухань* и *Рим*, название страны *Китай*, название организации *ВОЗ* (Всемирная Организация Здравоохранения). Данные имена собственные являются своеобразными отсылками к истории возникновения и распространения COVID-19, а также к реалиям жизни в условиях коронавирусной пандемии:

- В 2020 году, во время пандемии COVID-19, произошел наибольший всплеск популярности *Zoom* для удаленной работы, дистанционного обучения и социального общения с использованием интернета (wiki);

- В 2020 году город *Ухань* приобрел известность за пределами Китая как точка начала пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Вспышка заболеваемости вирусом впервые была зафиксирована в *Ухане, Китае*, в декабре 2019 года (wiki);

- У двух китайских туристов, прибывших в *Рим*, было подтверждено заражение вирусом SARS-CoV-2 31 января 2020 года. Инфекция быстро распространилась по всей стране, и уже в конце февраля Италия вышла на второе место в мире по количеству заражений (на первом месте оставался Китай) (wiki);

- *ВОЗ* слишком долго собиралась с силами и мыслями, начав реагировать на пандемию слишком поздно; <...> что она смогла – или не смогла – сделать в ситуации пандемии Ковид-19 (swissinfo.ch).

Актуальным аспектом исследования антипословиц является выявление трансформаций, при помощи которых были образованы изучаемые единицы

(классификацию трансформаций см. в статье «Речевые трансформации паремии «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе» в русскоязычном дискурсе»).

Антипословица *зараженный – лечись, а вернувшийся из Уханя – берегись* образована от паремии *болен – лечись, а здоров – берегись*. Трансформация такого типа носит название «замена компонента паремии словом или словосочетанием». В данном случае была проведена замена одного компонента паремии словом, а другого – словосочетанием: *болен* → *зараженный*, *здоров* → *вернувшийся из Уханя*.

Метод «замены компонента паремии словом» был использован и при создании антипословиц *а ВОЗ и ныне там... и уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там*. Компонент *воз*, входящий в состав аутентичной паремии *а воз и ныне там*, был заменен аббревиатурой *ВОЗ*.

Паремия *лучше уж Зоот-зоны, чем цифровые концлагеря* образована по структурно-семантическим моделям синонимичных паремий, например, *лучше ложь сказать, неже правду открыть; лучше ложь ко спасению, нежели правда к гибели*.

Согласно данным, приведенным в вышеуказанном словаре, антипословицы *все дороги ведут в Ухань* и *однажды коронавирус, обитавший в Китае, узнал, что все дороги ведут в Рим* были созданы на основе паремии с компонентом «имя собственное» *все дороги ведут в Рим*. В первом случае произошла замена компонента паремии словом (Рим→Ухань), а во втором случае – расширение компонентного состава аутентичной паремии (*однажды коронавирус, обитавший в Китае, узнал, что...*).

При создании антипословицы *не в Зоот ногой* были использованы метод замены компонента *зуб* на созвучный компонент *Зоот* в поговорке *ни в зуб ногой*, а также метод под названием «внешнее морфологическое преобразование паремии» (нормативное видоизменение грамматической формы компонентов паремии в пределах морфологической парадигмы), который заключается в замене отрицательной частицы *ни* на *не*. Метод замены компонента паремии словом был использован и при создании антипословицы *око за око, Зоот за Зоот*. Компонент *зуб* в пословице *око за око, зуб за зуб* был заменен созвучным компонентом *Зоот*.

Антипословицы, отобранные при помощи метода сплошной выборки из «Словаря русского языка коронавирусной эпохи», содержат в своем составе следующие разновидности имен собственных: название программы для проведения видеоконференций *Zoom*, астионимы (названия городов) *Ухань* и *Рим*, название страны *Китай*, название организации *ВОЗ*. Анализ семантики данных имен собственных показал, что каждое из них имеет отношение к истории распространения коронавирусной инфекции COVID-19. При создании антипословиц были использованы следующие разновидности трансформаций паремий: замена компонента паремии словом (6 случаев), расширение компонентного состава, а также внешнее морфологическое преобразование паремии и образование антипословицы по структурно-семантическим моделям синонимичных паремий.

В. С. Селезнева

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПОИСКА КОМПОЗИТОВ

Методом сплошной выборки можно собрать искомый материал для анализа, при этом потратив значительное количество временного ресурса. Цифровые решения облегчат интеллектуальную деятельность человека, сокращая временные рамки на отведенные операции, в некоторых случаях подкрепляя достижения статистическими данными.

Основной фокус нашего внимания в данной работе смещен на рассмотрение вопросов разработки программного обеспечения для решения профессионально ориентированных задач. Исследование проходит в области пересечения лингвистики и информатики. В качестве материала для изучения выбраны композиты в текстах литературных и специализированных.

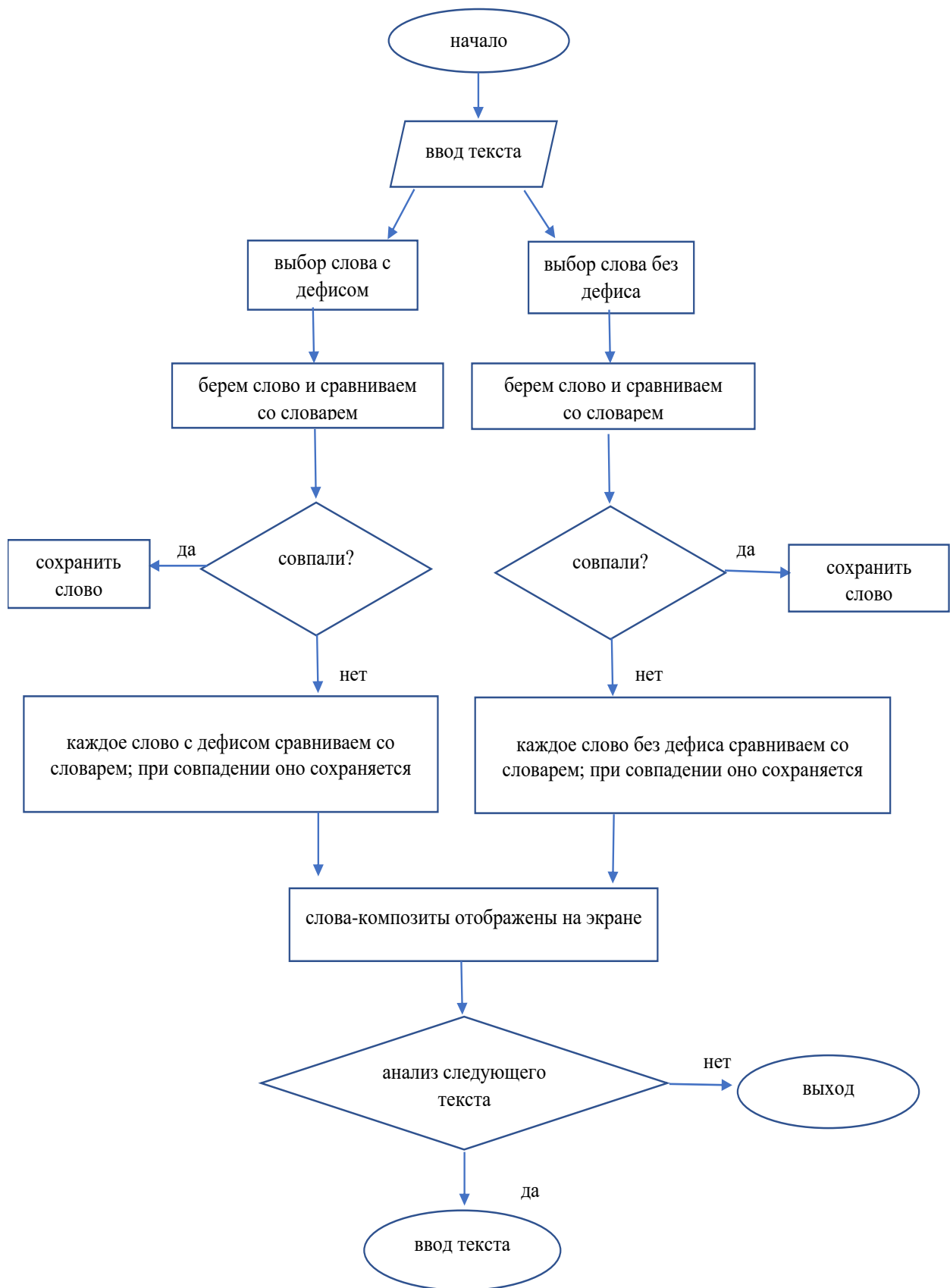
Перед началом проектирования программы необходимо провести подготовительную работу:

- выбрать «вручную» композиты для анализа и систематизировать в алфавитном порядке;
- занести в базу данных отрывки текстов, в которых были найдены композиты;
- занести в программу морфемный словарь. Для данной работы наиболее подходящим словарем является фундаментальный двухтомник А. Н. Тихонова «Словообразовательный словарь русского языка». Этот наиболее полный гнездовой словарь содержит более 145 тысяч слов. В нем описана словообразовательная структура производных слов: показано, на базе какого производящего и при помощи каких словообразовательных средств они образованы. В словаре в алфавитном порядке исходных слов представлено 12 621 гнездо.

В нашей работе предпринимается попытка разработать алгоритм автоматизированной идентификации композитов. Основная отличительная черта композитов будет делением на написание с дефисом / без дефиса. Из общего списка композитов, размещенных в алфавитном порядке, осуществляется поиск заданной словоформы композита или ее автономной корневой единицы в электронном тексте программы.

Основным примечанием поиска является распознавание композита в тексте в независимости от его полной идентичности с заданной единицей в поиске. Если поиск осуществляется по единичной корневой основе, программа находит все возможные композиты с данным корнем. Если ввести композит полностью, программа идентифицирует только его в тексте. При обнаружении искомой единицы можно осуществить переход к поиску следующих композитов.

Исходя из описанных действий можно представить следующий алгоритм к рассмотрению (рисунок).

Алгоритм для автоматизированного поиска композитов

Решая задачу автоматизированного поиска композитов, программа также может проводить анализ частотности употребления лексических единиц в составе разных композитов, а также нам предоставляется возможность для составления словообразовательных гнезд автоматизированным путем основываясь на систематизацию однокоренных слов из базы данных композитов и корпусного анализа электронных текстов.

Продолжением исследования может послужить усовершенствование разработанного алгоритма, использование его в условиях лингвистического программирования, а также поиск новых автоматизированных решений для выявления композитов в текстах. Данный алгоритм может быть универсальным, т. е. мог бы применяться на материале других текстов с дополнением или изменением некоторых параметров.

Т. А. Филимонова

АЛГОРИТМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ СХОЖЕСТИ ТЕКСТОВ

Нахождение сходства между парами текстов является серьезной проблемой для автоматической обработки текстов (АОТ). Такая проблема возникает в различных задачах АОТ, таких как машинный перевод, автоматическое построение рефератов, определение авторства, обнаружение академического плагиата, поиска информации и многие другие, в которых нужно определить и измерить степень подобия между двумя заданными текстами.

Наиболее известными алгоритмами распознавания схожести текстов являются коэффициент Жаккара и алгоритм шинглов.

Коэффициент Жаккара. Иначе называется мерой Жаккара или коэффициентом сходства.

Коэффициент сходства Жаккара вычисляет количество уникальных терминов, совместно используемых между двумя текстами, и рассчитывается по формуле:

$$J(A, B) = \frac{|A \cap B|}{|A \cup B|},$$

где A – количество уникальных терминов первого текста,

B – количество уникальных терминов второго текста.

Перед сравнением оба текста нужно преобразовать – очистить от ненужных нам знаков и слов, которые не несут смысла при сравнении. На этом шаге удаляются знаки препинания и табуляции, отступы, лишние пробелы, слова приводятся к одному регистру. Предлоги, союзы и другие служебные части речи удаляются. Следующий шаг – лемматизация. Это метод морфологического анализа, который сводится к приведению словоформы к ее первоначальной словарной форме. Все прилагательные приводятся к мужскому

роду единственного числа в именительном падеже, а глаголы – к инфинитиву. Затем стемминг – это поиск основы слова, учитывающий морфологию исходного слова. Решим эту задачу с помощью языка программирования Python.

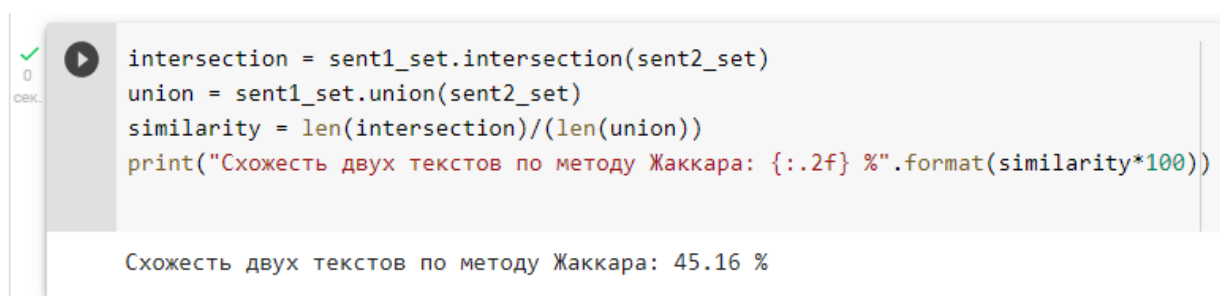
Python существует так долго, что разработчики смогли сделать специальные библиотеки практически для любых целей. Предобработка текста: удаление стоп-слов, стемминг и лемматизация выполняется с помощью Python-библиотек: `re`, `rumorphy2` и `NLTK`.

После предобработки тексты сравниваются, и выводится процент их схожести.

Проверим, как работает алгоритм, сравним два текста (рисунок).

Текст 1. Информационная технология – совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, объединенных в технологический комплекс, обеспечивающий сбор, создание, хранение, накопление, обработку, поиск, вывод, копирование, передачу, распространение, удаление (уничтожение) и защиту информации.

Текст 2. Информационная технология – совокупность процессов, методов осуществления поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также пользования информацией и защиты информации.


```
intersection = sent1_set.intersection(sent2_set)
union = sent1_set.union(sent2_set)
similarity = len(intersection)/(len(union))
print("Схожесть двух текстов по методу Жаккара: {:.2f} %".format(similarity*100))
```

Схожесть двух текстов по методу Жаккара: 45.16 %

Пример работы алгоритма

Алгоритм шинглов был разработан для поиска заимствований частей одного текста другим текстом. Реализация алгоритма шинглов подразумевает несколько этапов:

- 1) предобработка (канонизация) текста;
- 2) разбиение текстов на шинглы;
- 3) вычисление контрольных сумм;
- 4) поиск одинаковых шинглов;
- 5) вывод результата.

На первом этапе, как и в предыдущем алгоритме, нужно получить текст, готовый для сравнения, то есть выполнить его предобработку.

Шинглы представляют собой выделенные из текста подпоследовательности слов, следующих внахлест, подобно чешуйкам (от английского *shingles* – ‘чешуйки’). Для выделения шингла необходимо из сравниваемых

текстов выделить N слов, идущих друг за другом. Таким образом, разбивая текст на подпоследовательности, мы получим набор шинглов. Число шинглов для документа со сдвигом шингла в M слов будет составлять:

$$K = L - N + M,$$

где K – число шинглов в документе,

N – длина шингла,

M – сдвиг шингла ($M < N$), L – число слов в документе.

Способ формирования шинглов и количество слов или символов в шингле, а также сдвиг шингла (на сколько слов или знаков сдвигается последующая подстрока) сильно влияет на точность результата. При определении размерности подстроки выбор зависит от вычислительной мощности, объемов памяти и требуемой точности результатов. Шинглы могут быть на любое количество слов, чем шингл короче, тем точнее будет результат проверки.

Вычисление контрольных сумм (контрольная сумма, иначе сигнатура – многозначный термин, в данном случае – уникальная цифровая характеристика текста) осуществляется с помощью специальных функций, называемых хеш-функциями. В результате каждому шинглу ставится в соответствие некоторое уникальное число. Для вычисления контрольных сумм применяются разновидности хеш-функций (например, SHA1, MD5, CRC32 и т. д.). При составлении программы на языке программирования Python, можно использовать алгоритм хэширования CRC32, подключив библиотеку `binascii`, которая содержит в себе нужный метод.

Таким образом, после канонизации текста и деления на шинглы (подстроки) вычисляется контрольная сумма для двух текстов.

Далее осуществляется непосредственное сравнение полученных контрольных сумм текстов и подсчитывается процент их совпадения.

Представленный алгоритм можно дорабатывать до бесконечности, увеличивая его производительность и точность сравнения. Для увеличения производительности при обработке больших объемов текста можно сравнивать не все полученные контрольные суммы, а только те, которые, например, делятся на 25, или любое целое число в пределах от 10 до 40.

Существуют модифицированные версии «Алгоритма шинглов» – «Алгоритм супершинглов» и «Алгоритм мегашинглов».

Н. В. Шалимо, Е. С. Василенко

ТРЕНДЫ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Технический прогресс, развитие общества и само течение времени привели к тому, что образование перестало быть признаком элитарности, а стало

жизненной необходимостью современного человека. Система образования становится все более доступной, подстраиваясь под нужды и потребности не только социума, но и ученика – индивидуально.

Рассмотрим современные тенденции образования, чтобы узнать, как при помощи новых технологий и передовых подходов зажигаются факелы умов.

УЧИТЬСЯ? ВСЕГДА!

Классик античной философии Сенека, изречение которого «Век живи – век учись тому, как следует жить» часто цитируют педагоги, как в воду глядел: одной из ведущих тенденций современного образования является Lifelong Learning, или «непрерывное образование». Стремительный ритм жизни современного мира, доступность информации 24/7, появление новых информационных технологий буквально каждый день определяют такой подход к образованию. Как ни печально, знания устаревают все быстрее: усвоенное в университете уже спустя год может стать неактуальным. Все это вынуждает человека постоянно обучаться, чтобы поддерживать свои профессиональные компетенции. Строить успешную карьеру в таком подходе – не останавливаться на достигнутом и не соглашаться на работу по привычному шаблону. Можно и даже нужно менять сферу деятельности, профессию, чтобы получить новый полезный опыт.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ

Геймификация (от слова game – ‘игра’) образования – сегодня достаточно активный тренд. Применение игровых технологий в традиционных дошкольной, школьной и системе профессионального и высшего образования – дело не новое. Однако с развитием цифровых технологий геймификация становится самостоятельным «игроком». Образовательные игры помогают развивать креативное мышление и навыки гибкого взаимодействия с другими участниками игрового процесса, а эти качества по стандартам передовых мировых компаний являются таким же признаком профессионализма, как и компетентность в своей сфере.

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ

Одной из важнейших тенденций в сфере современного образования последних лет стало онлайн-образование. Онлайн курсы, предлагаемые различными интернет-школами, образовательными площадками, дают возможность получить актуальное образование как можно большему количеству человек. Кроме того, они делают процесс получения знаний открытым и интерактивным. Такие образовательные онлайн-площадки есть, в том числе на базе ведущих университетов мира: благодаря им студенты из других стран, не имеющие возможности приехать для очного обучения, получают актуальные и современные знания.

СПЛАНИРОВАННЫЙ УСПЕХ

Выполнять прилежно домашнее задание – это сегодня слишком мало. Простое воспроизведение усвоенного материала не развивает гибкость мышления. Сейчас в различных системах образования студентам предлагают работу над проектами – это гораздо ближе к тем ситуациям, которые могут

возникать в реальной жизни. Преимуществ у проектных методик обучения множество. Одно из первых – высокая роль самостоятельной работы студентов над проектами. Они вовлечены в практическую деятельность, получают живой опыт, учатся сотрудничать со всеми, кто задействован в выполнении проекта, и в конечном итоге они видят непосредственные результаты своего активного труда, наращивают мотивацию к учебе.

УЧИТЕЛЬ – РЕЖИССЕР

С течением времени будет меняться и роль преподавателя в процессе обучения. Главенствующая роль педагога, вкладывающего знания в головы учеников, уже давно устарела. Здесь верно изречение о том, что ученик – это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который необходимо зажечь. Учитель в этой парадигме – своего рода режиссер, создающий и курирующий образовательный процесс. Его задача – вовлекать студентов в учебу, поддерживать их мотивацию, учить добывать информацию и критически осмысливать ее. Для того чтобы педагог мог в полной мере отдавать себя этой роли, в помощь ему создаются автоматизированные системы проверки знаний учеников – вероятно, такие системы будут получать все большее распространение.

Цель современного образования сводится к тому, чтобы помочь личности найти свое место в жизни и социуме. По факту это нечто большее, чем просто передача знаний и опыта. Современный человек учится в первую очередь саморазвитию, поэтому одна из главных задач различных актуальных образовательных систем – дать мотивацию к этому процессу.

Общество сегодня существует в эпоху тотальной информатизации, приобретая новые качества. Результатом такого эволюционного витка является Smart-общество, где новые технологии глубоко внедрены в повседневную жизнь. Оно ставит перед образованием все новые задачи. Важно научить личность воспринимать перемены как норму и не переживать «шок настоящего». Образование должно быть таким, чтобы будущие поколения могли предвидеть технологические, информационные и социальные ускорения и успешно действовать в них.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Т. Г. Дементьева, С. С. Сахетмырадов

КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (на примере русского и туркменского языков)

Вежливость – это сложный социокультурный феномен, который не только координирует межличностные отношения между коммуникантами и проявляется в выборе стратегий и тактик общения, но и помогает установить гармонию коммуникативных взаимодействий и достичь цели общения, избежав коммуникативной неудачи. Вежливость как социально значимое явление представляет собой выражение суммы определенных критериев на нормативном уровне, что позволяет оценивать любое социальное поведение как соответствующее этим предписаниям.

Как разновидность стратегии коммуникативного поведения вежливость связана с прагматикой речевого общения. Понимание речевого общения как деятельности проявляется в развитии теории речевого поведения и сыграло важную роль в изучении лингвистической вежливости. Интерес к речевым актам как наименьшей единице речевой деятельности, то есть как целенаправленному речевому акту, осуществляемому в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, существующими в данном обществе, простирается от изучения языка как идеальной и последовательной системы, используемой идеальным говорящим и идеальным слушателем, к изучению языка как сложной и часто противоречивой системы.

Вежливость как объект научных исследований традиционно ассоциировалась с культурой говорения и речевым этикетом. Изучению этой речевой категории уделяется большое внимание (Голдин 1978, 1983, 2002; О. К. Клименко 2005; Н. И. Формановская 2002, 2007; Е. В. Демченко 2007; Р. А. Газизов 2009; Е. А. Любимцева 2015; С. Ю. Глушкова 2011, 2017, 2019; А. В. Красовский 2017, 2018; А. В. Павлова 2019; Е. В. Шабунина 2020; Т. В. Ларина 2003, 2016, 2020 и др.).

Категория вежливости изучалась и изучается во многих областях гуманитарных наук. Самостоятельные разделы, посвященные категории вежливости, стали неотъемлемой частью монографий по прагматике (Томас 1995; Б. Гранди 2000), социолингвистике (Лавандер 1988; Фасольд 1990; Кулмас 1997; Б. Даунс 1998; Б. Холмс 2001), антрополоингвистике (Фоули 1997), межкультурной коммуникации (Гирдхэм 1999, Сколлон 2001) и др. Это не случайно, потому что категорию вежливости можно рассматривать только на междисциплинарном уровне и в межкультурном аспекте.

Нерешенным пока остается вопрос о статусе и месте определенных универсальных форм категории вежливости в разных культурных традициях, их возникновении и развитии. В этом плане особый интерес представляет сравнительно-сопоставительный анализ семантических связей категории вежливости в разносистемных языках.

Возросший интерес к «лингвистической» вежливости указывает на важность этого вопроса в человеческих взаимоотношениях в целом, и в межкультурном общении в особенности. В настоящее время является широко признанным тот факт, что вербальная коммуникация – это не только обмен информацией, но также средство установления, поддержания и прекращения социальных отношений, демонстрация своего отношения к собеседнику.

Вежливость выступает неотъемлемым компонентом межкультурной коммуникативной компетенции. Многие проблемы межкультурной коммуникации возникают именно из-за неумения собеседников продемонстрировать свое отношение друг к другу в соответствии с нормами данного общества и конкретными ожиданиями партнера.

Вежливость является национально-специфической категорией, которую сложно определить однозначно, особенно в межкультурном аспекте, поскольку понимание вежливости у разных народов различно.

В последнее время появилось большое количество статей и монографий по вопросам вежливости, в том числе в разных культурах. Эти многочисленные публикации свидетельствуют об огромном интересе, который вызывает у исследователей данная проблема, а также об отсутствии единства во взглядах на то, как следует определять вежливость, что она собой представляет и каковы механизмы ее действия в разных культурах.

В каждом языке есть набор маркеров вежливости. В соответствии с речевой ситуацией носители языка автоматически используют устойчивые выражения вежливого *обращения, приветствия, благодарности, прощания* и т. д.

Приветствие является одним из важнейших ритуалов в общении. Для приветствия чаще всего используются такие этикетные формулы русского языка, как *Здравствуй (те)! Привет! Доброе утро/ день/ вечер!* и др.

Приветствия, связанные с временем суток, являются универсальными в туркменском языке: *Ertiriňiz haýurly bolsun! (Доброе утро!); Gündiziňiz haýurly bolsun! (Добрый день!); Agşamyňyz haýurly bolsun! (Добрый вечер!).*

В русском языке мы выделяем следующий репертуар этикетных формул *о б р а щ е н и я*: *мама, папа, Василий Иванович, господин, госпожа, товарищ, гражданин, парень, девушка, женщина, мужчина, дедушка, бабушка, коллега, доктор, профессор и др.* Для актуализации вежливых отношений между коммуникантами и снижения категоричности высказывания в русском языке существует целый ряд средств, среди которых маркер вежливости: *Пожалуйста, ты / вы-форма, ласкательно-уменьшительные формы*

обращений (*мамочка, папочка, сынок, доченька, Сереженька* и др.), различные минимизаторы, используемые для снижения социальной цены предмета просьбы и преуменьшения затрат адресата (*чуть-чуть, маленький, капельку, глоточек, секундочку, на минутку* и др.).

В туркменском языке также используются уменьшительно-ласкательные формы обращений: добавляют «jan» после имен собственных, например, в русском языке *Давид(ка)*, в туркменском – *Dawut* стал бы *Dawut(jan)*, но так можно обращаться только к близким родственникам или друзьям, а к сыну или дочке обращаются по-другому: *oglut* (*сын мой*) и *guzut* (*дочь моя*), и это является эквивалентом русским словам *сыночек, сынок, доченька* и т. п.

В туркменском языке так же, как и в русском, используются различные минимизаторы, такие как *birazajuk* (*немного*); *kiçijik* (*маленький*); *damjajuk* (*капельку*) и т. д.

Одними из наиболее распространенных семантических средств выражения категории вежливости являются маркеры благодарности. Благодарность представляет собой выражение признательности за совершенное или запланированное действие, внимание, услугу.

Нейтральные формы благодарности в русском языке включают: *Спасибо* (*за внимание, за гостеприимство, за совет, за угощение...*); *Большое (огромное) спасибо*; *Благодарю Вас* (*за внимание ...*) и др. К более вежливым средствам благодарности относятся следующие слова и фразы: *Я Вам очень (чрезвычайно) благодарен (за...)*. *Если бы Вы знали, как я Вам благодарен (признателен)! Заранее Вас благодарю. Вы очень любезны!* и др.

Русскому выражению *Я вам чрезвычайно благодарен* соответствует туркменское *Men size çäksiz minnetdarlygymy bildirýärim*, что дословно переводится как *Я вам бесконечно благодарен*.

В туркменском языке существуют 3 способа выражения благодарности:

1. *Taňgy ualkasyn*, что дословно переводится как *Благослави тебя Господь*.

2. *Sagbol* – это нейтральный способ сказать *спасибо*. Это же слово также используется при прощании: *Прощай, пока, до свидания*.

3. *Minnetdar*, что дословно переводится как *Благодарю*.

Итак, в результате сопоставительного анализа этикетных формул было выявлено, что русские и туркменские формулы приветствия, обращения и благодарности имеют больше сходств, чем различий. Большая часть формул представляет собой устойчивые лексические единицы и является идентично переводимой. Преобладают в употреблении нейтральные формулы вежливости, часто используются клишированные конструкции.

В любую эпоху и в любом обществе вежливость, отраженная в языке, характеризует уровень культуры нации в целом. Закрепленные в социальном менталитете эталоны поведения, их социокультурная оценка определяют специфику и своеобразие этикета данного народа.

А. Э. Карпеш

РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ИТАЛЬЯНСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМАХ
(на материале лексики пандемийного дискурса)

Современный мир сложен и многоаспектен, а язык, как система символизированного опыта человека и непосредственный индикатор событий, составляет объект пристального изучения лингвистов. Лексический аспект, будучи наиболее восприимчивой стороной языка, чутко реагирует на изменения в жизни социума и оперативно отражает мир реалий, нас окружающих, вбирая в себя происходящие в обществе политические, экономические, социальные и культурные преобразования. В связи с этим не теряет своей актуальности вопрос о том, насколько значительны изменения языковой системы, вызванные новыми условиями бытования языка.

Одним из наиболее характерных способов обогащения языка является процесс заимствования. Так, на протяжении десятилетий главенствующее положение в мировом языковом сообществе занимают Соединенные Штаты Америки, а английский язык, в свою очередь, является международным языком, что не может не оказывать влияния на другие языки мира, в частности, рассматриваемые нами русский и итальянский языки. Прямым доказательством этому служит активное заимствование и освоение в системах русского и итальянского языков англоязычной лексики.

В начале 2020 года пандемия коронавируса, неожиданно войдя в нашу жизнь, спровоцировала значительные трансформации не только в социальной сфере, но и в лингвистической. Как пишет итальянский филолог Клаудио Мараццини, президент Академии делла Круска, «каждое событие в жизни человека оказывает влияние на язык, так как посредством языка люди приходят к осмыслению событий, взвешивают их и делают выводы; события всегда находят “отпечаток” в словах».

Итальянское языковое сообщество обеспокоено внедрением англоязычных заимствований в итальянский язык. В своей речи 12 марта 2021 года в центре вакцинации города Фьюмичино председатель Совета министров Италии Марио Драги затронул проблему замещения исконно итальянских слов англицизмами, задав вопрос «Почему же мы должны использовать все эти английские слова?», тем самым подчеркнув, что для лексических единиц *smart working* ‘удаленная работа’ и *baby-sitter* ‘няня’, как и для многих других, имеются итальянские эквиваленты *lavoro agile, lavoro da remoto, lavoro a distanza; bambinaia*.

В свете текущего исследования данный вопрос применим и к англицизмам пандемийного дискурса. Профессор Марчелла Бертучелли Папи, преподаватель английского языка на факультете филологии, литературы и лингвистики Пизанского университета отмечает: «Английский “вирус”

(английский лексикон) воспользовался пандемией, чтобы “заразить” хоть малую часть нашего родного языка». Примерами «внедрения» могут служить такие слова, как *droplets* (вместо итал. *goccioline*) ‘небольшие капли вируса, выдыхаемые зараженным человеком’, *timing* (итал. *tempo*) ‘сроки окончания пандемии’, *lockdown* (итал. *chiusura, isolamento*) ‘самоизоляция’; *kit, set* (итал. *completo, gruppo*) ‘набор инструментов для взятия тестов на антитела’, *covid hospital* (итал. *covid ospedale*) ‘больница с «красными зонами»’, *termoscanner* ‘термосканер, тепловизор’, *screening* ‘скрининг, медицинское обследование’, заимствованные из английского в своей полной форме в русский и итальянский языки.

Заимствования из английского языка, относящиеся к тематике пандемии, не ограничиваются медициной. Они были привнесены и в сферу образования по причине вынужденного обращения к компьютерным технологиям, когда традиционное обучение в аудитории перестало быть возможным. Широко применяются лексические единицы *device* ‘средство обучения’, *tablet* ‘планшет’, *videotutorial per e-learning* ‘видеоруководства для дистанционного обучения’, *smart didattica* ‘методика преподавания в условиях удаленного обучения’.

Другие сферы общественной жизни также переживают эпоху изменений, что обусловило 1) появление неологизмов и их заимствование в другой язык: *covidivorce* ‘ковидиворс, ковиразвод’, вызванный круглосуточным совместным времяпровождением с женой или мужем; *staycation* ‘отпуск, проведенный в пределах собственной страны в условиях невозможности передвижения по миру в периоды пика заболеваемости COVID-19’; 2) увеличение частотности использования уже существующих лексических единиц: *contactless / digital menù* ‘бесконтактное / цифровое меню’, *burnout* ‘«выгорание» на работе’, *l’overtourism / l’undertourism* ‘повышенный / пониженный спрос на туристические услуги’.

Своеобразной чертой процесса пополнения лексического состава рассматриваемых нами языковых систем единицами пандемийного дискурса является его относительная синхронность, обусловленная вовлеченностью наций в адаптацию к новым реалиям на глобальном уровне. Русский язык также претерпевает значительные изменения, непрерывно пополняясь заимствованиями, большое количество слов и словосочетаний приобретают новые значения, некоторые из них расширяют диапазон функционирования, переходя из медицинской среды в общее употребление.

Средствами массовой информации активно применяется упомянутый ранее неологизм *ковидиворс* или *ковиразвод*. Вымышленная информация о вирусе стала именоваться *коронафейками*, которые вызывают у населения *коронапанику*. Люди, не соблюдающие масочный режим, могут подвергаться *карантин-шеймингу* (пристыжению со стороны лиц, соблюдающих антикоронавирусные меры). С увеличением популярности приложения для видеоконференций Zoom, используемого в учебных и рабочих целях, вошли

в употребление такие слова, как *зуминар* (семинар в приложении Zoom), *зумиться* (общаться по зуму), *обезуметь* (проводить избыточное количество времени в данном приложении).

Выделяется ряд прямых заимствований из английского языка в русский: *COVID* ‘ковид’, *lockdown* ‘локдаун’ (самоизоляция), *sanitizer* ‘санитайзер’ (дезинфицирующее средство), *anti-vaxxer* ‘антиваксер’ (противник вакцинации), *superspreader* ‘суперспредер’ (болеющий, который в большей степени, чем среднестатистические заболевшие способен к заражению других), *covidiot* ‘ковидиот’ (персона, неадекватно реагирующая на события пандемии), *quaranteam* ‘карантим’ (группа людей, с которыми человек находится во время карантина), *infodemic* ‘инфодемия’ (чрезмерное количество информации о пандемии, затрудняющее поиск рациональных решений). Однако еще более распространенная группа англицизмов объединяет слова, образованные производным способом с помощью аффиксации, префиксации и суффиксации: *антиковидник*, *антимасочник*, *антиваксерство*, *безмасочник*, *бессимптомник*, *отковидиться*, *расковидиться*, *постковидный*, *докоронный* и т. д.

Как русский, так и итальянский языки активно пополняются заимствованными лексемами, но если в итальянском языке чаще принято сохранять полную форму заимствования, то русский язык в большей степени, чем итальянский, задействует меры для адаптации заимствования к фонетико-морфологическим аспектам устоявшихся правил русской языковой системы, принимая новую лексическую единицу, но оставляя за собой право внедрить ее, максимально приблизив к естественному словоупотреблению русского языка. Соответствующее морфологическое и словообразовательное оформление позволяет употреблять слово не как чужеродное вкрапление, а как относительно органичный элемент русского текста, успешно прошедший процесс ассимиляции.

Отметим, что заимствование может пониматься с точки зрения синхронии и диахронии: в текущий период развития языка заимствованием принято считать лексическую единицу любой степени освоенности, а с позиции его исторического развития заимствованием является лишь освоенная иноязычная единица (Захватаева). Таким образом, роль англицизмов, привнесенных пандемией в лексический состав как итальянского, так и русского языков, нельзя недооценивать. В настоящий момент англоязычные заимствования активно пополняют словарный запас обоих языков, однако лишь время сможет показать, являются ли они заимствованиями с точки зрения диахронического аспекта, т. е. сумели ли они занять устойчивые позиции среди общеупотребительной лексики и были ли зарегистрированы в толковых словарях языка-реципиента, что будет зависеть как от лингвистических факторов развития самого языка, так и от экстралингвистических, а именно последующих событий, связанных с развитием ситуации собственно пандемии, которая может принять различные направления.

Е. С. Кудрявцева

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЧАСТИЦ В НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ
(белорусский и английский)

В белорусском языке частица – это служебная часть речи, которая придает оттенки значения словам в предложении или служит для образования форм слова. Частицы выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики: побудительности, сослагательности, условности, желательности, а также оценки сообщения или отдельных его частей. В английском же языке, нет единого и согласованного определения слова *частица* (*particle*). Ученые относят к частицам артикли и предлоги, а порой все те слова, которые не принадлежат к остальным частям речи, не меняют свою форму и в основном не имеют лексического значения.

Взгляд на частицы, как на функциональный, а не грамматический класс слов, отличающийся от других несклоняемых служебных слов, Р. Ратмайр обосновывает одним функционально-семантическим признаком – их наличие не влияет на условия истинности высказывания. Частицы затрагивают прагматические условия употребления высказывания, их функция состоит в выражении прагматических значений, непосредственно связанных с коммуникативной ситуацией (R. Rathmayr).

Во всех работах, посвященных описанию частиц обычно подчеркивается полифункциональность этих «мелких слов» (J. Veugens), отсутствие четких границ между частицами и наречиями, частицами и союзами, а также наличие переходных форм – «частиц-союзов», «частиц-наречий» и т.п. При сопоставлении частиц с каждой отдельной частью речи становятся релевантны отдельные признаки частиц. Например, при отграничении частиц от наречия важно отметить, что наречие – «это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства» (АГ – 80) и в предложении сочетаются с глаголами, прилагательными и наречиями. Частицы же являются несамостоятельными словами и не выражают никакой новый признак, но выделяют то слово или словосочетание, к которому она примыкает. Е. А. Стародумова, отмечает «прикрепленность» обеих частей речи к тому или иному компоненту предложения. Однако характер подобной прикрепленности различается, так как наречие относится к высказыванию, а частица – к компоненту высказывания, которым может быть как слово, так и словосочетание или несамостоятельная предикативная единица.

Разграничивая частицы и модальные слов, отмечается отнесенность модальных слов ко всему предложению, в то время как частица относится к определенному члену предложения, словосочетанию или несамостоятель-

ному предложению. А. М. Искоз утверждает, что модальные слова характеризуются прежде всего своим модальным значением, т. е. выражают отношение говорящего к высказываемому или оценивают описываемое событие с точки зрения его реальности. Частицы же выделяют компонент, к которому они примыкают. Способность модальных слов выступать как вводные члены предложения, абсолютно нехарактерна для частиц. При этом, как отмечает Е. А. Стародумова, модальные слова обладают «интонационной самостоятельностью и выделяются в предложении интонацией вводности».

Зачастую возникает сложность в разграничении частиц и союзов в силу их функциональной близости, которая отмечалась рядом ученых, в том числе В. В. Виноградовым и Н. Ю. Шведовой. Справедливым в вопросе разграничения союзов и частиц кажется подход К. Фабриц, которая утверждает, что различие заключается в различных типах отношений, передаваемых частицами и союзами, а следовательно, разграничить их можно, опираясь на функционально-семантический критерий. Так, союзы являются показателями синтаксической и/или семантической связанности отдельных членов предложения или частей сложного предложения (К. Fábrićz). Частицы же раскрывают отношение говорящего к содержанию высказывания, т. е. выделяют компонент на фоне других компонентов по линии значимости.

Резюмируя вышесказанное, представляется справедливым заключить, что несмотря на различные подходы к пониманию статуса частиц, ее самостоятельность как части речи не вызывает сомнения, при этом критерии разграничения с другими дискурсивными словами все еще нуждаются в детализации. Частица в белорусском и русском языках – это «неизменяемая часть речи, служащая для придания различных дополнительных смысловых значений (модальных, эмоциональных, экспрессивных и проч.) словам, с которыми сочетаются, словосочетаниям, предложениям в тексте, в которых употребляются, а также участвующая в формообразовании и выражающая отношение к действительности или сообщаемому».

Русский, белорусский и другие славянские языки располагают развитой системой частиц, количественно несопоставимой с аналогичной системой английского языка. Определение категориального статуса частиц в английском языке сопряжено с решением двух взаимосвязанных проблем: возможностью выделения критериев, которые позволили бы отграничить частицы от других классов слов английского языка, и определением специфики частицы как части речи. Частеречный статус частицы в английском языке определяется двумя способами: частицы в английском – отдельный лексико-грамматический класс слов и частицы не рассматриваются в качестве отдельной части речи и «растворены в классе наречий» (Л. А. Савельева).

В романистике и частично германистике этот факт в значительной степени объясняется тем, что в языках этих двух групп отсутствуют или представлены очень незначительным числом слова, которые могут быть отнесены исключительно к классу частиц. Как правило, в подавляющем большинстве

случаев функции частиц выполняют слова других частей речи, (традиционно их не отграничивают от наречий), а количество собственно частиц мало по сравнению с количеством слов других частей речи.

Подход, рассматривающий частицы как часть класса наречий, вызывает ряд противоречий, например, способность наречия быть полноценным членом предложения, а именно обстоятельством, не наблюдается у частиц. Способность частицы относиться к существительным, личным местоимениям и обладать размытой сферой действия не характерна для наречия, что дает основание провести грань между данными классами.

Тем не менее отмечается и второй подход, в котором система частиц английского языка представляет собой открытый, постоянно увеличивающийся класс слов, в который, помимо традиционных и имеющих вполне прозрачную семантику частиц, входит в настоящий момент целый ряд слов, «маскирующихся» под другие части речи (в основном наречия), контекстуальную семантику которых не всегда просто распознать» (А. Г. Минченков) и именно поэтому вопросы выявления категориального статуса частиц, определения их количества и выделения частиц в отдельную часть речи остаются нерешенными.

Хотя английские частицы являются достаточно распространенным предметом изучения, до сих пор нет единого подхода к их выделению в английском: «Частица – это своего рода категория-отмазка для грамматистов. Если слово маленькое, и вы не знаете, к какому классу его отнести, назовите его частицей. Тем не менее подобная практика имеет и положительную сторону, так как предотвращает засорение категорий словами, которые всецело к ним не относятся» (J. Hurford).

Специфика английского языка проявляется также и в том, что в нем отсутствует разряд модальных частиц (S. Jakobson). А. Хэйзлоу предполагал, что категория модальных частиц в английском языке может быть в стадии формирования: «частицы, находящиеся в финальной позиции, такие как *actually, anyway, but, even, so, then and though*, составляют “формирующуюся парадигму” с некоторыми свойствами, сходными с модальными частицами в немецком языке» (A. Haselow).

На основании изложенного выше можно заключить, что частица в белорусском языке не равна частице в английском. Тем не менее английские частицы также обладают значительным функциональным потенциалом, который требует дальнейшего уточнения. Если в белорусском языке свободное и правильное употребление частиц и их комплексов является свидетельством совершенного владения языком, то в английском чаще всего используются слова, входящие в список топ 3 000 для изучения на начальном уровне освоения языка (A1). Таким образом, для сравнительно-сопоставительного исследования частиц в неблизкородственных языках оптимальным вариантом будет изучение слов смежных функционально и только с учетом лингвопрагматического компонента.

М. А. Набатова

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНЫ В СЕМАНТИКЕ
ОТАДЪЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ЦВЕТОВОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Специфика отражения концепта «цвет» в лексических единицах различных языков уже неоднократно привлекала внимание лингвистов и психологов. Такого рода исследования позволяют не только прояснить особенности семантической и структурной репрезентации этого универсального для всех языков концепта, но и дают ключ к пониманию причин уникальности национальной концептосферы и закономерностей ее функционирования.

Феномен цвета является объектом повышенного интереса целого ряда отечественных и зарубежных исследователей, среди которых особого внимания заслуживают труды Дж. Лакоффа, Б. Берлина, К. Кейя, А. Вежбицкой, А. П. Василевич, В. Г. Кульпиной, Р. М. Фрумкиной, В. Ф. Желтобрюх и др.

Данное исследование посвящено установлению семантических характеристик английских и итальянских отадъективных глаголов цветового обозначения. В основу отбора практического материала легла теория Б. Берлина и П. Кея, согласно которой универсальный набор цветов в языках мира включает 11 наименований: белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый и серый.

На первом этапе нашего исследования из англоязычных словарей “Oxford Learner’s Dictionaries”, “Longman Dictionary of Contemporary English”, “Merriam-Webster”, “Cambridge Dictionary”, “Collins Dictionary” и “Lexico” нами были отобраны отадъективные глаголы цветового обозначения. В английском языке производящими основами оказались следующие наименования цвета: *white, black, brown, grey, green, yellow, blue, red, pink, orange, purple* от которых было образовано 14 глаголов: *to white, to whiten, to black, to blacken, to brown, to grey, to green, to yellow, to blue, to red, to redden, to pink, to orange* и *to purple*.

Отадъективные глаголы цветового обозначения в итальянском языке были отобраны из следующих словарей: “Dizionario Internazionale”, “Dizionari Repubblica”, “Dizionari Corriere”, “Enciclopedia Treccani”, “Vocabolario Treccani”, “Sapere” и “Garzanti Linguistica”. Производящими основами в итальянском языке являются следующие наименования цвета: *bianco, nero, bruno, marrone, verde, giallo, grigio, azzurro, rosso* и *rosa*, от которых было образовано 28 отадъективных цветовых глаголов: *imbiancare, imbianchire, sbiancare, biancare, bianchire, biancheggiare, rimbiancare, nereggiare, annerire, nericare, brunire, imbrunire, abbrunire, smarronare, verdire, verdeggiare, inverdire, sverdire, rinverdire, gialleggiare, ingiallire, ingrigrare, azzurreggiare, azzurrare, arrossire, arrossare, rosseggiare* и *arrosare*.

В данном исследовании нами было проведено семантическое описание контрастивных пар, которое заключалось в сопоставлении словарных дефи-

ний, поиске и выделении тех, которые являются межъязыковыми соответствиями в английском и итальянском языках. Таким образом, 26 английским лексико-семантическим вариантам глаголов цветового обо-значения соответствуют 56 итальянских лексико-семантических вариантов (ЛСВ) соответствующих глаголов. Наибольшее количество соответствий найдено в лексико-семантической подгруппе глаголов, образованных от наименования белого цвета, а именно 3 английских ЛСВ соотносится с 25 итальянскими.

В ходе семного анализа лексико-семантических вариантов исследуемых глаголов цветового обозначения для 32 единиц английского языка и 31 единицы итальянского языка не было обнаружено лексических соответствий среди цветковых глаголов сопоставляемого языка. Таким образом, мы отнесли данные единицы к лакунам.

В итальянском языке было выявлено 32 лакуны. Это говорит о том, что 32 значения, выражаемые отадъективными глаголами цветового обозначения английского языка, не могут быть выражены подобными единицами итальянского языка. Наибольшее количество лакун, а именно 9 единиц, было обнаружено в лексико-семантической группе глаголов, относящихся к черному цвету. В данную группу входят понятия, принадлежащие к сфере международных отношений: *to black* 'to refuse to deal with goods or to do business with somebody as a political protest'; к сфере человеческих отношений: *to blacken* 'to say unpleasant things that give people a bad opinion of somebody (blacken somebody's name/reputation/character)'. Некоторые ЛСВ отражают физическое состояние человека: *to black out* 'to become unconscious for a short time'. Многие значения выражают стремление воспрепятствовать чему-либо: *to black out* 'to prevent something such as a piece of writing or a television broadcast from being read or seen'.

Соответственно, в итальянском языке для глагола *to black* в значении 'to refuse to deal with goods or to do business with somebody as a political protest' были найдены следующие итальянские переводные соответствия: *bloccare il commercio, boicottare* 'бойкотировать, отказаться взаимодействовать'. Для лексико-семантического варианта глагола *to blacken* 'to say unpleasant things that give people a bad opinion of somebody' было найдено итальянское соответствие *calunniare* 'очернять чье-либо имя, репутацию, характер, оклеветать' и т. д.

В целом следует отметить, что итальянские лакуны чаще всего связаны со следующими экстралингвистическими явлениями и характеристиками: социальными, природными, техническими, химическими, пищевыми, бытовыми, а также физическим состоянием.

По результатам исследования в английском языке была обнаружена 31 лакуна. Наибольшее количество итальянских лексико-семантических вариантов, которым не было найдено соответствий среди цветковых глаголов английского языка, было выявлено в лексико-семантической группе глаголов, обозначающих белый цвет, а именно 13.

Необходимо отметить, что отнесение части лексико-семантических вариантов в разряд лакун связано с грамматическими особенностями итальянского и английского языков. Именно по причине того, что большинство итальянских глаголов образованы приставочно-суффиксальным способом, они обладают более конкретными значениями, выражаемыми данными приставками, в отличие от их английских вариантов. Таким образом, например, ЛСВ глагола *imbiancare* 'sottoporre il riso a raffinazione, privando i chicchi del pericarpo', т. е. 'очищать рис, отделяя зерна от околоплодника, тем самым делая их более белыми', является лакуной для английского языка, так как глагол *to white* или *to whiten* в значении 'to make white or whiter', т. е. по сути тоже делать что-то белым или более белым, имеет слишком широкое значение и не может выступать полным соответствием лексико-семантическому варианту глагола *imbiancare*.

Некоторые лакуны используются с аллегорическим оттенком, например *annerire* 'rendere cupo, triste' (делать мрачным, грустным); *imbrunirsi* 'incupirsi, oscurarsi in volto' (хмуриться, мрачнеть); *ingiallire* 'appassire, svanire' (увядать, исчезать). Некоторые лакуны можно отнести к просторечиям. Например, *smarronare* 'scocciare, seccare' (надоедать, раздражать, докучать).

В целом лакуны в английском языке могут также быть разбиты на группы, отражающие различные отношения, процессы, характеристики, состояния и явления в природе, в сельскохозяйственной отрасли, в политической сфере, в промышленной сфере, в сфере питания, в сфере человеческих отношений, а также в области человеческих состояний.

Таким образом, по результатам исследования для 32 единиц английского языка и 31 единицы итальянского языка не было обнаружено лексических соответствий среди цветных глаголов сопоставляемого языка. Данные единицы были отнесены в группу лакун. Отсутствие межъязыковых соответствий в итальянском языке чаще всего связано с различными экстралингвистическими явлениями и характеристиками, относящимися к социальному, природному, техническим, химическим и другим процессам. В английском языке лакуны относятся преимущественно к политической, промышленной и пищевой сферам. Необходимо отметить, что отнесение части лексико-семантических вариантов в разряд лакун связано с грамматическими особенностями итальянского и английского языков. Большинство итальянских глаголов образованы приставочным и приставочно-суффиксальным способами, что в очередной раз свидетельствует о большей конкретности значений, выражаемых итальянскими глаголами, а также указывает на то, что наличие лакун во многом обусловлено и мотивировано наличием большого разнообразия приставок и их значений.

Круглый стол

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

Н. А. Богданова

ЛИНЕЙНАЯ СИММЕТРИЯ В ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НЕМЕЦКОГО КОРОТКОГО РАССКАЗА

Идея об универсальных принципах самоорганизации форм живой и неживой природы (в том числе и с позиций композиционного соположения частей сложных объектов) является одной из современных научных концепций. Изучение объектов окружающего мира, рукотворных и нерукотворных, через принципы симметричного построения дает ключи к более глубокому пониманию мироустройства, гармонии, творчества. Понятие симметрии чаще всего трактуют как соразмерность, повторяемость частей некоего объекта относительно или безотносительно определенной оси.

В лингвистике эта идея нашла отражение в лингвосинергетике, изучающей процессы самоорганизации языковых и речевых структур, реализация принципа симметрии изучалась на нескольких уровнях – лексическом, синтаксическом, текстовом (В. А. Карпов, Л. Н. Мышкина, И. Н. Пономаренко). На уровне текста элементы симметрии и ее прагматические функции рассматривались при анализе ритмической организации стиха и законов отбора, распределения и соотношения морфологических классов слов и синтаксических конструкций в художественном тексте (О. Б. Маркова, Л. Г. Портер). Симметрия в художественном тексте понимается прежде всего как повторяемость одних и тех же элементов художественного целого в различных вариантах: с поворотом относительно оси симметрии на 180° , как линейное повторение без такого поворота, как дискретное повторение с пространственной и семантической градацией или без нее. Изучение симметрии композиционной организации литературных произведений наиболее разнообразно представлено на материале поэтических текстов (О. Б. Маркова, Л. Г. Портер). В нашем исследовании мы покажем, что симметричность частей может характеризовать не только поэтические, но и прозаические тексты.

Изучая композиционные особенности построения текста немецкого короткого рассказа посредством построения их логико-семантических формул (ЛСФТ), мы отметили, что отдельные микротемы этих формул, а также их последовательности часто повторяются в текстах. При этом данная особенность зачастую ускользает при чтении самого текста, она проявляется именно при анализе ЛСФТ, где на уровне микротем (МТ) и регистровых блоков (РБ – совокупности микротем внутри одного абзаца) отображается логика смыслового развертывания текста. Особенности логико-семантической формализации текста заключаются в том, что для построения ЛСФТ исполь-

зуется метаязык, который в наиболее абстрактном виде представляет композиционную структуру нарратива: дает информацию о главных, второстепенных и прочих действующих лицах, объектах, признаках, времени и месте действия, а также учитывает способ подачи информации, а именно рематическую доминанту текстового фрагмента (предметную, качественную, акциональную, статуальную, статуально-динамическую, импрессивную), а также речевой регистр (описательный, изобразительный, генеритивный, волюнтивный).

В качестве повторяющихся элементов в нашем исследовании рассмотрены компоненты ЛСФТ – РБ и МТ, симметрия различалась также на двух уровнях: уровне регистровых блоков (РБ-уровне) и уровне микротем (МТ-уровне). В текстах немецких коротких рассказов зафиксировано повторение смысловых компонентов без поворота относительно оси симметрии, называемое линейной, трансляционной симметрией. В работе В. А. Карпова «Симметрия-асимметрия в польском языке» показана возможность изучения субстанциональной (структурной) симметрии на уровне слова. На основании повторяемости одиночных букв и их сочетаний различается точечная и линейная симметрии. Мы к точкам приравниваем РБ и МТ и считаем повторяемость отдельных РБ и МТ в структуре текста точечной симметрией (ТС). Симметрия, создаваемая двумя точечными, дает линии, отрезки, повторяющиеся в структуре текста. Эту симметрию мы называем линейной (ЛС).

Для примера приведем отрывок ЛСФТ по рассказу В. Борхерта «Preußens Gloria»:

1. **Ио-Ип-6**

InM010 + InM005 + ИоM013

2. **Ио-Ип-6**

InM010 + ИоM013

3. **Ио-Ип-6**

InM010 + InM005 + ИоM013 + ИоM003

4. **Ио-Ип-6**

ИпM008 + InM005 + ИоM013 + ИоM003

В данной формуле жирным шрифтом обозначена ТС на РБ-уровне, курсивом – ТС на МТ-уровне, подчеркиванием – ЛС на МТ-уровне. Как видно из формулы, в данном тексте присутствуют 4 ТС на РБ-уровне, 4 ТС на МТ-уровне, 2 ЛС на МТ-уровне. Это сигнализирует о наличии в тексте своеобразного ритмического рисунка, создаваемого повторяющимися текстовыми фрагментами. Так, точки симметричных РБ содержат схожие элементы описания внешности и действий главного субъекта, а именно:

- повторяющиеся точки микротем содержат схожие описания действий главного субъекта: *Der nackte Schädel schwamm wie ein blankgebohrter Mond unter der blassen Nachtbeleuchtung; Marschierte mit einem kahlen Schädel, der wie ein Messingmond durch das Halbdunkel der nächtlichen Fabrikhalle schwamm; Der dürre Mensch marschierte einen vorbildlichen makellosen Paradeschritt durch das riesige kahle Rechteck der Halle;*

- описание внешности главного субъекта: *Aber es war nur ein dürrer grader Mensch mit langen Beinen und einem kahlen Schädel, der in der einsamen Halle marschierte, ...ruckartig, bleich und blankgebohnt.*

При этом из формулы также видно, что описание идет в определенной последовательности, которая также повторяется в тексте в разных местах т. е. за констатацией действия главного субъекта следует описание внешности субъекта, а также в отдельных текстовых фрагментах встречаются повторяющиеся линии однотипных микротем: констатация действия – описание внешности – описание прочего признака объекта. Данная особенность построения короткого рассказа характерна для многих текстов В. Борхерта, при этом она связана больше не с параллельным описанием идентичных объектов, действий и пр., а именно с ретардацией повествования, т. е. его замедлением в результате повторения одних и тех же элементов описания при одинаковом составе действующих лиц. Одно-временно с ретардацией происходит и фокусировка внимания читателя именно на этих точках повествования. Жанр короткого рассказа часто называют «графикой в прозе» за его автологичность, у В. Борхерта на этом «рисунке» как будто прорисовываются и выделяются отдельные детали. Они становятся заметнее читателю, познакомившемуся с формулой текста автора. В результате сравнительного анализа ЛСФТ немецких коротких рассказов было установлено, что для этого жанра типичным является наличие смысловых «перекличек» РБ и МТ текста, что создает специфический ритмический рисунок текстов на двух уровнях.

А. И. Горожанов, Д. В. Степанова

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ СТРУКТУР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Корпусная лингвистика как относительно новое направление компьютерной лингвистики занимается изучением построения, методологии создания и использования лингвистических корпусов, а также способов обработки данных в корпусах. Суть этого направления сводится к тому, что достоверные данные о фонетической, морфологической, синтаксической и семантической структуре языка и речи могут быть получены только из достаточно большого массива текстов.

Современные компьютерные технологии позволяют накапливать и оперативно обрабатывать сверхбольшие объемы данных. Работа с электронными корпусами текстов стала одним из основных методов лингвистических исследований, с помощью которого решаются самые различные задачи.

В настоящее время для проведения корпусных исследований используются «гигакорпусы», или лингвистические корпусы третьего поколения, которые позволяют решить проблему преодоления несовместимости с прог-

рамным обеспечением пользователя и достижения высокой скорости исполнения поисковых запросов (Солнышкина, Гатиятуллина 2020). Но даже такие вычислительные мощности не позволяют в полной мере решать актуальные задачи корпусной лингвистики, в частности, связанные с интерпретацией художественных произведений точными методами.

Исследование ставит перед собой цель определить в рамках корпусного подхода оптимальный с точки зрения достоверности и универсальный метод интерпретации художественных произведений, который позволит извлекать данные для моделирования пространственно-временной и качественной структур произведения, установить черты идиостиля автора.

Для достижения поставленной цели по применению корпусного подхода к интерпретации художественного произведения точными методами необходимо выполнить следующие задачи.

1. Определить параметры интерпретации художественных произведений. Разрабатываемый метод направлен на получение результатов, которые бы позволили, во-первых, описать параметры художественной реальности произведения, во-вторых, составить представление о персональных характеристиках героев, в-третьих, установить черты идиостиля автора. Описание художественной реальности в рамках нашей задачи сводится прежде всего к исследованию таких категорий, как пространство, время и качество, которые могут быть представлены в различных комбинациях, например, пространство и время, «хронотоп» (Бахтин 1975; Ноздрин 1997), пространство и качество (Горожанов, Гусейнова 2021). Составление языковых портретов персонажей требует тщательной работы над текстом художественного произведения с высокой долей «ручного» труда, касающейся маркирования реплик и внутренней речи персонажей, причем работа осложняется еще и тем, что отделить языковой портрет героя от языкового портрета автора чрезвычайно трудно. Планируется охарактеризовать языковые портреты героев, составив предварительно подкорпусы их речи как подмножества корпуса всего художественного произведения (Potarova, Komalova 2018). Что касается исследования идиостиля автора, то в современной предметно-специальной литературе мы встречаем как работы, направленные на установление идиостиля в целом (Баранов, Добровольский, Фатеева 2021), так и попытки описать его отдельные компоненты, в рамках чего могут быть проанализированы целые текстообразующие категории или отдельные языковые явления (Тарасевич 2014; Соколова, Степанова 2019; Бойчук, Джонсон 2020; Горожанов 2021). Мы планируем применить здесь принцип «от простого к сложному», двигаясь от отдельных языковых явлений к текстообразующим категориям (Горожанов, Степанова 2022).

2. Определить тип создаваемого лингвистического корпуса, необходимого для исследования всех заданных параметров. Это может быть либо национальный («гигакорпус»), либо сбалансированный (специальный) лингвистический корпус. Для интерпретации произведений художественной литературы целесообразным представляется использовать сбалансированные корпуса,

которые будут включать, например, тексты всех или определенных работ того или иного писателя, а возможно, даже тексты произведений писателей одного литературного направления. Такого рода корпуса применяются для решения специализированных задач и не имеют универсальных жестких требований к объему. В рамках исследования ставится задача создания собственного сбалансированного (специального) корпуса объемом не менее одного полного текста художественного произведения (с опцией выделения подкорпусов речи персонажей), а именно письменный одноязычный (русский, немецкий, английский языки) литературный художественный исследовательский статический неразмеченный полнотекстовый синхронический корпус.

3. Отобрать подходящие программные решения, которые определяют не только скорость обработки данных, что немаловажно при объемах современных лингвистических корпусов, но и достоверность получаемых результатов. Для решения поставленной задачи был выбран язык программирования Python, который на текущий момент является мировым лидером по популярности благодаря своей универсальности и наличию большого набора библиотек для решения различных прикладных задач, например, библиотека spaCy, представляющая собой набор разнообразных инструментов для расширенной обработки естественного языка (Добровольский, Кротова, Цветаева и др. 2021).

4. Предварительная апробация разрабатываемого метода. Экспериментальная проверка использования корпусного подхода для интерпретации художественного произведения проводилась на материале романа Ф. Кафки «Замок», текст которого составил сбалансированный неразмеченный лингвистический корпус, программно разбитый на предложения, каждое из которых начинается с новой строки. Токенизатор spaCy выделил в корпусе 13 6410 элементов (токенов), к которым были отнесены не только словоформы, но также знаки препинания и знаки новой строки. В автоматическом режиме были выделены так называемые «сущности», т. е. имена собственные и локации в порядке упоминания от самого частого к самому редкому (своего рода ономастическая модель или художественный ономастикон романа (Косиченко 2017)). Результат работы программы нетривиален, поскольку spaCy проводит не простую частотную выборку и сравнение токенов с имеющимися в ее базе данных образцами, но и анализирует их окружение. После ручного объединения различных падежных форм одной и той же леммы был получен следующий список персоналий (более 10 раз упоминаются в полученном результате): К. – 724 раза, Frieda – 296 раз, Barnabas – 177 раз, Klamm – 120 раз, Amalia – 88 раз, Hans Brunswick – 83 раза, Olga – 70 раз, Pepi – 53 раза, Bürgel – 33 раза, Jeremias – 30 раз, Sordini – 24 раза, Sortini – 21 раз, Gerstäcker – 15 раз, Erlanger – 15 раз, Lasemann – 11 раз. Зная содержание романа, можно сказать, что в пропорции количественных показателей достаточно точно отражается важность тех или иных героев. При рассмотрении языкового портрета персонажей очевидным становится тот факт, что частотные герои романа обязательны для такого рода анализа. Среди клю-

чевых локаций романа программа зафиксировала следующие (в алфавитном порядке): *Brückenhof* ‘постоялый двор «У моста»’, *Dorf* ‘деревня’, *Erde* ‘Земля’, *Fenster* ‘окно’, *Haus* ‘дом’, *Herrenhof* ‘господский постоялый двор’, *Kirche* ‘церковь’, *Schloss* ‘замок’. Интересны данные о временной структуре романа, отраженной в глагольных формах. Расчет показывает, что глаголы, имеющие в spaCy метку «настоящее», употребляются в романе 6 928 раз, а глаголы с меткой «прошедшее» – 8 028 раз. Интерпретировать этот результат можно различным образом. Например, такое большое количество форм настоящего времени объясняется тем, что в романе значительное место занимают диалоги персонажей, тогда как в прошедшем времени приводятся в основном различного рода описания. Особенно важным представляется тот факт, что этот результат был получен оперативно и без предварительной разметки корпуса художественного произведения.

Таким образом, полученные результаты показали, что использование неаннотированных корпусов текстов может быть эффективным для решения поставленной задачи в совокупности с современными программными инструментами обработки естественного языка.

Круглый стол

«ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ. ТЕХНОЛОГИИ ОБЩЕНИЯ В PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Н. Н. Максименя

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Какие ассоциации возникают у вас при слове *брендинг*?

Брендинг традиционно ассоциируется с товарами широкого/массового потребления, но в настоящее время эта технология все чаще применяется для продвижения территорий.

Когда мы делаем упаковку для продукта, мы хотим, чтобы наш продукт купили. Мы стараемся создать красивую и привлекательную упаковку, стремимся максимально рассказать с ее помощью о продукте нашему покупателю. А как сделать такую «упаковку» для города, района или страны, чтобы привлечь туда туристов/инвесторов/удержать местное население? Здесь и возникает понятие *брендинг территорий*.

Сегодня вопрос брендинга территорий актуален для многих стран ввиду процессов глобализации и конкуренции на мировой экономической арене. Рыночная конъюнктура позволяет бизнесу продавать свои товары и услуги дороже, обосновывая увеличение цены популярностью определенной территории.

Какие факторы играют главную роль? Наивно думать, что ключевую роль здесь играет местоположение и/или природные особенности. Да, для туристов эти факторы могут играть решающую роль при выборе места отдыха. Но вот простой пример: выход к морю имеет 151 страна, в какую именно поедет турист или вложит деньги инвестор? Факторов много, но один из самых главных – имидж страны или, другими словами, ее брендинг.

Принято считать, что бренд территории включает следующие составляющие: статус региона – это место данного региона в структуре и иерархии других регионов страны по различным основаниям: степени развития, роли в экономической, политической, культурной жизни страны. Статус региона, в свою очередь, определяется потенциалом и ресурсами территории (информационными, финансовыми, кадровыми и т. д.), в том числе и внешними связями с другими регионами, городами и странами; облик региона, т. е. его внешний вид (архитектура, достопримечательности, природные особенности, местоположение, чистота улиц, освещенность дорог и т. п.); региональный фольклор; стереотипы о регионе; мифология; эмоциональные связи с регионом (эмоции, чувства, ожидания, надежды, связанные с городом и отношением к нему); региональная символика (название, флаг, герб, эмблема, девиз, гимн и т. п.) (О. В. Штеер 2016).

Бренд выражается сквозь призму непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики территорий и сообществ, получивших общественное признание и пользующиеся спросом потребителей. Успешный бренд в совокупности обладает ключевыми характеристиками: уникальностью, идеологией, а также оптимальной архитектурой, которая определяет, как бренд взаимодействует с территориальными продуктами, корпоративными брендами и другими компаниями (Е. Н. Кукина 2011).

Брендинг территории – это коммуникативная технология, включающая в себя комплекс мер по продвижению территории/территориальной единицы (города, района, страны) с целью формирования позитивного имиджа региона, повышения его конкурентоспособности и улучшения качества жизни его населения.

К инструментам брендинга территории относятся:

- символические инструменты, т. е. набор визуальных способов воздействия на потребителей бренда;
- рекламные инструменты, включающие распространение информации о территории путем рекламы, адресованной потребителям бренда и направленной на привлечение внимания к объекту рекламы, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение во внешней среде;
- PR-инструменты – комплекс мероприятий по продвижению бренда, основанный на предоставлении общественности информации об особенностях территории и сотрудничестве с ней путем привлечения к совместной деятельности.
- стратегические инструменты, направленные на формирование ключевой особенности бренда с учетом основных характеристик территории.

Брендинг территорий разрабатывается в виде одной или нескольких креативных концепций. Их количество зависит от поставленных задач, которые нужно решить и от целевых аудиторий, в качестве которых могут выступать туристы, инвесторы, местные жители. (М. С. Глущенко, А. В. Мордовии 2015).

Рассмотрим белорусский опыт брендинга территорий на примере кейса креативного агентства «Молоко», занимавшегося разработкой бренда Миорского района, расположенного на северо-западе Витебской области, занимающего первое место в Республике Беларусь по количеству озер и восхищающего своими уникальными ландшафтами.

Первый шаг заключался в постановке целей и задач. На этом этапе проводились кабинетные и полевые исследования с целью подробного изучения территории, ее политических, культурных, социальных и экономических особенностей.

На втором этапе было определено ядро целевой аудитории. Портрет первичной целевой аудитории выглядел следующим образом: белорусы, жители областных центров, преимущественно Минска. Работники интеллектуального труда, работающие как в офисах, так и на фрилансе. Доход средний и выше. Современные, активные интернет-пользователи как с мобильных

устройств, так и с ПК. Пользователи таких социальных сетей, как Instagram, Facebook и ВК. Путешествуют, минимум раз в год ездят в полноценный отпуск на популярные туристические курорты. Между отпусками стремятся как можно чаще выезжать из страны, не реже раза в год путешествуют в Европу. К путешествиям относятся как к возможности сохранять баланс. Любят путешествия за то, что, открывая для себя невиданное ранее, вдохновляются, заряжаются энергией, поэтому предпочитают новое привычному. Стремятся увидеть главные достопримечательности своей страны, когда появляются дети, знакомят их с достопримечательностями родного края. Однако местные направления предпочитают не часто, поскольку уже все видели, а видеть по второму кругу – скучно. Не брезгливы к белорусской природе, любят ее, но она для них просто обычная, не удивляет. Им кажется, что в Беларуси все привычное, а ландшафты типичные: леса, поля, озера – это их не особо впечатляет, а они любят удивляться.

Выделив данную целевую аудиторию, мы сделали вывод о том, что основной движущей силой является желание удивляться новому. Но, по мнению ЦА, в Беларуси слишком одинаковые леса и поля, и удивляться тут особо нечему.

Специалисты агентства «Молоко» выявили преимущество Миорского района как места, которое удивляет, будучи при этом локальным, то есть находясь внутри страны.

Определение ЦА позволило перейти к третьему этапу – созданию платформы бренда Миорского края и разработке стратегии его развития и позиционирования. Суть бренда была сформулирована следующим образом: Миорский район – локальная экзотика.

Миорский район позиционировался как место, где можно комфортно познакомиться с абсолютно новой для себя экосистемой – верховыми болотами, удивиться их красоте и отличию от других ландшафтов, разрушив стереотипы и предубеждения о болотах. Слоган звучал так: *Миорский край. Удивление рядом. Міёрскі край. Здзіўленне побач.*

На этом этапе были разработаны атрибуты бренда – способы выражения бренда, его внешняя форма, по которой потребитель воспринимает, запоминает и узнает бренд. В качестве атрибутов бренда выступили: фотографии болот (необычный ландшафт, желание увидеть который даст дополнительную мотивацию к поездке); клюква и продукция из клюквы (уникальный продукт-сувенир из Миорского района); журавли (экскурсии с наблюдением как вид белорусского сафари); экотропа (безопасный вид изучения болот для тех, кто в первый раз на болоте и у кого много опасений); сайт туристического бренда Миорского района (каждый турист должен иметь возможность выбрать интересный формат путешествия и спланировать поездку в Миорский район). Также был составлен список рекомендаций по формированию турпродукта.

Задачей четвертого этапа была разработка рекомендаций по формированию имиджа бренда и каналам его продвижения. Для Миорского района были определены следующие направления развития.

Создать и регулярно обновлять сайт с турпродуктом. Продвигать его посредством рекламной сети Яндекса (РСЯ) и контекстно-медийной сети Google (КМС), а также с помощью размещения рекламных баннеров на сайтах популярных белорусских интернет-СМИ.

Для продвижения сайта с турпродуктом использовать социальные сети Instagram, Facebook, ВК и Одноклассники.

Осуществлять продвижение в социальных сетях с помощью промотирования постов и совместных рекламных проектов с блогерами и лидерами мнений.

По результатам событий, связанных с совершенствованием туристической среды в Миорском районе, отправлять пресс-релизы во все популярные интернет-СМИ, а также в телерадиокомпаниях.

Регулярно, не реже чем 1 раз в 3 месяца, разрабатывать уникальные и интересные спецпроекты в популярных белорусских интернет-СМИ о туристических предложениях Миорского района.

Создавать совместные рекламные проекты с лидерами мнений, известными путешественниками, блогерами. Привлекать лиц для совместных проектов по критерию авторитетности их мнения для ядра целевой аудитории. Приглашать в туры известных людей с возможностью появиться отмеченными у них в социальных сетях.

Привлекать местных жителей для участия в конкурсах социальных инициатив для реализации их идей популяризации туризма в Миорском районе (например, socialweekend.by)

Заключить партнерские отношения с туроператорами, которые организуют туры по Беларуси. Регулярно сообщать о новинках в турпродукте таким компаниям.

Раз в год создавать и реализовывать имиджевую рекламную кампанию Миорского района. Для бесплатного размещения в медиа рассмотреть возможности встраивания в концепцию социальных реклам на этапе разработки кампании.

Заключительным этапом стала разработка визуальной символики бренда Миорского края: логотипа, айдентики, брендированной промопродукции, фирменных декоративных элементов и т.д.

Брендинг территорий позволяет решить одновременно несколько задач, а именно:

- 1) создать/улучшить имидж территории;
- 2) привлечь туристов;
- 3) привлечь инвесторов;
- 4) «удержать» местных жителей.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА PR-УСЛУГ

Рынок PR-услуг специалисты определяют как совокупность фирм, компаний, агентств, групп, производящих и реализующих услуги в области управленческого консультирования, экономического консалтинга, социальной психологии, антикризисного управления и др. Отдельная PR-услуга представляет собой специфическое производство в непроизводственной сфере, предполагающее повышение уровня осведомленности общественности о существовании и деятельности определенного базисного субъекта PR.

Сфера PR тесно связана с жизнью общества. И поскольку общество постоянно изменяется, динамика характерна и для связей с общественностью. Изменения в PR обусловлены событиями, которые происходят в мире, в отдельной стране или регионе и касаются как инструментов и технологий общения в этой сфере, так и общих векторов ведения коммуникации с целевыми аудиториями.

Меняются потребности и предпочтения потребителей, ожидания внутренней целевой аудитории организации, постоянно развиваются современные технологии. PR как сфера деятельности незамедлительно откликается на происходящие изменения с тем, чтобы взаимодействие субъекта и объекта оставалось максимально эффективным.

Существующие сегодня тенденции развития рынка PR-услуг условно можно разделить на три группы. Те, которые прослеживаются на мировом рынке, те, которые характерны для западного рынка PR-услуг, и, наконец, те, которые определяют деятельность отечественных PR-специалистов.

Так, в качестве общих, или универсальных, тенденций следует отметить продолжающуюся цифровизацию процессов. Коммуникация с клиентами, стейкхолдерами, сотрудниками переходит в онлайн-формат, и даже снижение актуальности вопросов, связанных с пандемией, не демонстрирует того, что мы вернемся в оффлайн формат. Различные мероприятия, такие как выставки, презентации, конференции, пресс-брифинги и другие достаточно прочно обосновались в сети. Помимо цифровизации к общим тенденциям на рынке PR-услуг относится инкорпорирование идеи устойчивого развития в процесс коммуникации с целевыми аудиториями. То, насколько ответственными и осознанными являются действия базисного субъекта и насколько представители общественности осведомлены о данном направлении деятельности, определяет уровень доверия и лояльности со стороны целевой аудитории. Также для всех специалистов вне зависимости от географического положения важным вопросом является оценка эффективности PR-деятельности. Использование цифровых данных, расчет KPI, возвратов по инвестициям занимает внимание специалистов в этой области. Обоснование бюджета, расчет прибыли невозможны без предоставления точных количественных данных.

Характерной особенностью западных специалистов является антропоцентризм деятельности. Во главу угла ставится человек, будь то внутренняя или внешняя аудитория компании. Идеи равноправия, разнообразия, инклюзивности, индивидуализации продукта являются ключевыми в сообщениях, передаваемых общественности. Основной фокус внимания зарубежных PR-специалистов заключается в создании и предоставлении индивидуально-ориентированной услуги.

Что же касается отечественного рынка PR-услуг, то в качестве основной тенденции отмечается рост спроса на специалистов в антикризисной коммуникации. С переходом в онлайн-пространство значительно возрастает риск столкнуться с негативной реакцией, допустить ошибку, что в глобальном масштабе может привести к кризису. Следующая характеристика заключается в особом подходе PR-специалистов к формированию уникального торгового предложения (УТП). Сегодняшний рынок перенасыщен товарами и услугами. По данным аналитиков, в 2019 году было зарегистрировано больше двадцати миллиардов торговых марок, что свидетельствует о высокой конкуренции практически во всех сферах деятельности, функционирующих в сегменте B2C. Компаниям становится все сложнее отстраиваться от конкурентов и находить уникальные характеристики продукта. Отечественные PR-специалисты в качестве УТП апеллируют к такому качеству, как экспертность. Это может проявляться как позиционирование руководителя компании в качестве эксперта отрасли или позиционирование компании в качестве лидера на рынке. Еще одной особенностью отечественного рынка PR-услуг является выделение бюджета на онлайн-продвижение компании. Это не означает, что раньше работа с целевыми аудиториями в интернет-пространстве осуществлялась бесплатно. Однако в качестве ключевого преимущества онлайн-продвижения отмечалась как раз экономичность и доступность этого инструмента. В настоящий момент все же отмечается необходимость выделения значительных финансовых ресурсов и на набор аудитории, и на дистрибуцию контента для достижения поставленных целей. В тех случаях, когда бюджет не выделяется, а это особенно касается государственных структур, то необходимо предлагать интересные инфоповоды и уникальный контент, то есть прибегать к органическим инструментам привлечения внимания и повышения осведомленности общественности.

Отметим, что предложенная дифференциация является весьма условной в силу действия процессов глобализации, которые приводят к более тесному взаимодействию организаций, расположенных в различных частях мира. Тем не менее указанные тенденции проявляются в коммуникативной деятельности организаций: в инструментах и технологиях общения, которые используются при установлении и поддержании контакта с целевыми аудиториями.

О. А. Шуманская

ЖАНРЫ PR-КОММУНИКАЦИИ В ТВИТТЕРЕ (на примере белорусских компаний)

В настоящее время практически любая компания использует аккаунты в социальных сетях для повышения узнаваемости, формирования и поддержания положительного корпоративного имиджа, продвижения товаров и услуг. Коммерческие и некоммерческие компании выбирают социальные медиа в зависимости от своей деятельности, целей, аудитории и специфики социальной сети.

Белорусские компании сферы ИТ активно используют социальные сети в качестве PR-инструмента. Одной из них является Твиттер – платформа для оперативной передачи и обмена новостями личной и общественной значимости. Публикации в ней, или твиты, представляют собой короткие сообщения длиной не более 280 символов с возможностью размещения визуального контента.

Каждая вторая из 100 проанализированных нами белорусских ИТ-компаний размещает публикации в Твиттере. Полагаем, что причина популярности этой сети заключается в том, что она дает ИТ-компаниям выход на нужную целевую аудиторию: наибольшее количество пользователей Твиттера из США (77 млн). Проанализированные нами организации ориентированы на американский рынок, на котором они представляют услуги по ИТ-аутсорсингу.

Выделяя медиажанры, мы руководствовались определением интернет-жанра профессора Л. Ю. Щипицыной: «устойчивый тип текста; форма, которую принимают конкретные проявления речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации». Мы также опирались на классификацию жанров Твиттер-коммуникации организаций, разработанную И. П. Ромашовой. Исследователь выделила объявление, обращение, анонс, «консультация специалиста», репортаж и жанры фатического общения: шутку, поздравление, болтовню, или «small talk». Жанры фатики используются для создания шутливого дружеского тона коммуникации, поддержания внимания аудитории к компании. Функция жанров фатического общения заключается в установлении и поддержании контакта с аудиторией, в общении ради общения.

Типичными медиажанрами для белорусских ИТ-компаний в Твиттере выступают: *анонс, мини-отчет, объявление* и жанры фатического общения (*поздравление, цитата, болтовня*, или «small talk»).

А н о н с – это предварительное оповещение о предстоящем событии, в котором концентрированно подается основная информация. Характерными темами анонсов в Твиттере являются участие и организация предстоящих мероприятий. В них сообщается дата, место, время, цели проведения и участники: *A new portion of expert talks is coming at #adobecomby If you are in Minsk,*

join us July 23, 7 PM at HTP Incubator. Free tickets ‘Приближается время новых выступлений экспертов. Если вы в Минске, присоединяйтесь к нам 23 июля в 19.00 в бизнес-инкубаторе Парка высоких технологий. Вход свободный’.

К жанру анонса также относятся сообщения о новых статьях, размещенных на страницах сайта или блога. Эти публикации сообщают тему, основные проблемы и их решения, затрагиваемые или описываемые в лонгридах, размещенных на страницах сайтов или блогов. Прочитав анонс и ознакомившись с темой публикации, читатель принимает решение перейти по ссылке на страницу сайта или блога либо остаться в социальной сети: *What are the benefits of using blockchain in the public sector? We give an answer in our recent blog post* ‘Какие преимущества у блокчейн в государственном секторе? Мы отвечаем на этот вопрос в нашем последнем посте в блоге’.

М и н и - о т ч е т ы содержат краткую информацию о прошедших событиях, успешно завершенных мероприятиях, достижениях компаний. Другими словами, мини-отчеты сообщают читателю результаты работы компаний: *This week we celebrated a significant achievement, 200 people in our Brest office!* ‘На этой неделе мы праздновали значительное достижение: 200 сотрудников в нашем Брестском офисе’.

Основными темами объявлений в Твиттере является краткое описание или изложение основной информации о продуктах и услугах компании: *Get the powerful Native App DASH and Build Your #Salesforce #Dashboard! Fresh, Pretty, Easy-to-Use* ‘Приобретите мощное нативное приложение DASH и создайте панель индикаторов для вашего отдела продаж! Свежее, симпатичное, легкое в использовании’.

Типичным медиажанром для Твиттера является такая разновидность объявления, как объявление об открытых вакансиях. Оно содержит краткое описание свободной должности. Заинтересовавшиеся читатели могут перейти по ссылке, чтобы ознакомиться с более подробным описанием вакансии на страницах официального сайта компании: *Twistellar Inc, a Salesforce Registered Consulting Partner, is looking for a Sales Manager ...* ‘ООО «Твистеллар», зарегистрированный партнер-консультант по отделу продаж, ищет менеджера по продажам’.

В качестве типичного фатического медиажанра для Твиттера выступает *п о з д р а в л е н и е*. Компании поздравляют целевую аудиторию с международными и американскими праздниками: *Today is the day when we would like to thank everyone out there. Thank you all for staying with us and being a part of the IntexSoft life! Happy Thanksgiving from the IntexSoft team!* ‘Сегодня тот самый день, когда мы хотим поблагодарить всех, кто читает нас. Спасибо за то, что остаетесь с нами и являетесь частью жизни IntexSoft. Счастливого дня Благодарения от нашей команды!’.

К характерным фатическим медиажанрам в Твиттере также относятся *ц и т а т ы*. Они используются для создания положительного образа адресанта, демонстрации корпоративных ценностей и принципов, которым сотрудники следуют в работе: *If you take responsibility for your work, then those*

around will have respect for what you do and will be happy to support you ‘Если вы возьмете на себя ответственность за вашу работу, то окружающие зауважат вас и с радостью поддержат’. Полагаем, что сообщения этого жанра могут размещаться в тех случаях, когда отсутствуют более серьезные новостные поводы.

Еще одним примером типичного фатического медиажанра в «Твиттере» является «small talk», или «болтовня». Сообщения этого медиажанра не несут серьезную информационную нагрузку. Их коммуникативная функция заключается в поддержании контакта с целевой аудиторией. Тексты этого медиажанра используются в ситуациях отсутствия более серьезных информационных поводов: *We love coffee. It gives us energy. And what empowers you?* ‘Мы любим кофе. Он дает нам энергию. А что дает силу вам?’.

По частотности использования анонсы находятся на первом месте: общее количество публикаций-анонсов составило 287. Из них подавляющее большинство – это анонсы статей, размещенных на страницах блогов или сайтов. Очевидно, что ИТ-компании используют Твиттер для увеличения количества посещений корпоративных сайтов, на страницах которых также размещаются блоги. Заинтересовавшись статьей и перейдя на сайт, читатели смогут узнать больше информации о компании и связаться с ее представителями. На втором и третьем местах находятся мини-отчеты и объявления. Полагаем, потому что компании используют Твиттер для оперативного информирования аудитории о своих достижениях. Фатические жанры используются значительно реже: к ним прибегают в тех случаях, когда отсутствуют другие новостные поводы.

Таким образом, эта социальная сеть используется белорусскими компаниями сферы ИТ для выхода на американскую аудиторию, представляющую собой потенциальных или действительных клиентов и партнеров, их оперативного информирования и взаимодействия с ними, формирования и поддержания благоприятного образа и для генерации трафика на страницы официальных сайтов.

Круглый стол

«ДИКЦИЯ И ГОЛОСОВЕДЕНИЕ В ОБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА»

М. Ю. Крылович

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ДИКЦИИ АНГЛИЙСКОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ НАРУШЕНИЯ СЛУХА

Слово *дикция* (от лат. *dictio* ‘произношение’) означает четкое произнесение звуков в соответствии с фонетическими нормами языка. Выразительность дикции – важная сторона мастерства выступающего, она является одной из составных частей техники речи. При хорошей дикции каждый гласный и согласный звуки звучат безукоризненно точно и ясно, и это помогает донести смысл слова через его выразительность. Хорошая дикция готовит речевой аппарат к творческому процессу мышления и речи и совместно с дыханием и ведением голоса обеспечивает понятную красивую речь.

В практике обучения родному языку в специальных школах для детей с нарушением слуха значительная часть коррекционной работы традиционно отводится на формирование сегментных единиц их речи, то есть дикции. Изучение английского языка учащимися с глубоким нарушением слуха стало возможным в Беларуси сравнительно недавно и сразу поставило перед практиками и лингвистами проблему: возможно ли сформировать достаточно хорошую дикцию в английской иноязычной речи неслышащих?

Научная работа в этом теоретико-экспериментальном направлении является новой как по привлеченным к исследованию группам испытуемых, так и по полученным результатам. Лингвисты-преподаватели иностранного языка ставят перед собой цель исследовать английскую иноязычную речь, звучащую в устах детей с нарушением слуха, с фокусированием как на качестве фонем, реализуемых в минимальной единице восприятия и артикуляции – слоге, так и на исследовании ритма и интонации их речи, то есть на голосоведении.

Для первичного анализа качества слоговых составляющих английской иноязычной речи была привлечена группа неслышащих испытуемых из 16 человек, учащихся 3–6 классов спецшколы № 13 г. Минска для детей с нарушением слуха. На начальном этапе изучения иностранного языка было проведено 16 уроков вводно-коррективного курса с использованием специальной технологии для дополнения речи говорящего условными знаками, способствующими расшифровке произносимых иноязычных слогов с губ говорящего – визуально-фонетической системы коммуникации. В качестве контрольной была отобрана группа из 4 испытуемых с нормальным слухом такого же возраста, чтобы выявить качественные характеристики реализации фонем в составе англоязычного слога у лиц, имеющих особенности

психофизического развития – нарушение слуха – на фоне нормативных данных и тем самым определить перспективы освоения ими английского языка как иностранного в его вербальном выражении.

По показателям, полученным после подсчета количественных данных, было выявлено, что у испытуемых с нарушением слуха число деформаций консонантных и вокалических элементов слога является практически одинаковым – 51 % и 49 %. У школьников с нормой слуха модификации консонантных элементов слога преобладают над вокалическими: 69 % к 31 %.

Количественный анализ модификаций консонантных элементов лицами с нарушением слуха по сравнению с испытуемыми с нормативными психофизиологическими данными позволил выявить наиболее и наименее изменяемые признаки.

Как выяснилось, наибольшую трудность для неслышащих представляет способ образования согласных. Проведенный далее анализ данных позволил ранжировать группы согласных по степени подверженности качественным модификациям: щелевые (фрикативные) (40 %), смычно-взрывные (31 %), сонорные (29 %). Наибольшее число модификаций консонантных элементов испытуемыми I группы приходится на фрикативные согласные, наименьшее – на сонорные.

По месту образования наибольшее количество наблюдалось в переднеязычных альвеолярных [l] и [s].

По признаку ‘палатализация’ деформации было подвержено значительное число разных согласных: [t], [l], [v], [f], [s], [n], [m].

При нарушении слуха также наблюдалось два отклонения в реализации такого признака, как степень участия голосовых связок – оглушение (9,7 %) или озвончение звуков (7,4 %), что было отмечено как в начале, так и в конце слогов и слов. Очевидно, данный артикуляторный признак представляет трудность при реализации для испытуемых с нарушенным слухом как в родном, так и иностранном языке.

Среди консонантных модификаций в группе испытуемых следует выделить такую особенность, как чрезмерное затягивание смешанного тембра английских сонорных [m], [n], [w], которое невозможно передать в транскрипции, что отражает очень ограниченные возможности их перцептивно-артикуляционной базы.

Качественным изменениям по способу и месту образования наиболее подвержены сегменты, не представленные в артикуляционной базе русского языка и представляющие особую трудность для неслышащих: [ð], [θ], [r], [w].

К типичным отклонениям от произносительной нормы английского языка при глубоком нарушении слуха в вокализме относятся следующие.

1. Качественные изменения сегментов слога по ряду. Наибольшей модификации в данном экспериментальном материале подвергались частотные в английском гласные переднего ряда [i:] [i], [əu], они замещались русским гласным [ы] – звуком смешанного ряда высокого подъема широкой разновидности. Замена дифтонга [əu] (смешанный ряд) на [ou] (задний ряд).

2. Остальные вокальные сегменты по признаку 'ряд' уподоблялись русским гласным.

3. Количественные изменения вокальных элементов слога по долготе выявлены у всех английских гласных. Наблюдались следующие тенденции:

- длительность долгих звуков заметно увеличивалась;
- исторически краткие английские гласные [i], [ʌ], [æ], [o] заменялись похожими по качеству долгими русскими звуками;
- исторически долгие английские звуки менялись на краткие.

4. Качественные изменения по степени подъема приводили к замене фонем [ʌ, æ] на [э] или [а].

5. Разброс данных в остальных случаях отражает варьирование субституций по подъему в широких пределах. Все это свидетельствует о неподготовленности артикуляционно-перцептивной базы неслышащих к восприятию и производству английских фонем в составе слога.

Как показал данный эксперимент, у неслышащих испытуемых в английской речи наблюдался ряд качественных и количественных изменений в признаках вокалических и консонантных элементов слога, что естественно для начальной стадии освоения иностранного языка. Это приводило к невнятной дикции и недостаточной разборчивости их речи для успешной коммуникации на иностранном языке. Естественно, в условиях слуховой депривации задача довести ее до совершенства не ставится. Однако поставленная проблема обязывает учителей английского языка к выполнению на начальном этапе того минимума коррекционной работы, который доступен этим детям.

Необходимо отметить, что качество восприятия и воспроизводства неслышащими непривычных элементов английского слога успешно достигается благодаря сопровождению говорящим своей речи визуально-фонетической системой (ВФС) коммуникации. Благодаря ее использованию формируется слог как единица, лежащая в основе идентификации речи при ее восприятии и служащая основой ее членения при артикуляции. Слог важен, так как он, с одной стороны, выступает как минимальное поле для реализации фонем при артикуляции и перцепции, с другой стороны, он является носителем просодических характеристик речи и служит опорой для голосо-ведения. Его качественное формирование, ведущее к хорошей дикции, оказывает положительное воздействие и на просодию англоязычной речи лиц с нарушением слуха. Улучшая с помощью ВФ-системы дикцию, то есть качество звучания английской речи неслышащих говорящих, учитель позволяет сделать речь таких школьников максимально приближенной к нормативной, достаточно разборчивой и доступной для восприятия нормально слышащими людьми.

Круглый стол
«ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА»

М. С. Авсянская

СПОСОБЫ ЭКСПЛИКАЦИИ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ
В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале публичных выступлений TED Talks)

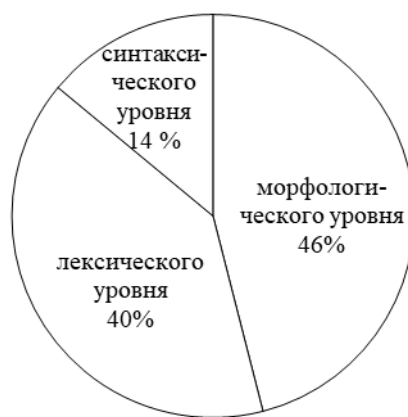
Публичным является любая форма выступления перед аудиторией. По мнению Криса Андерсона, главного куратора конференции TED, публичное выступление – это наиболее эффективная форма воздействия на людей. И хотя нет единственно правильного способа сделать свое выступление эффективным, оратор должен быть знаком с максимальным количеством средств, как риторических, так и языковых, что позволяет разнообразить свои речи.

Цель работы – выявить и систематизировать конкретные языковые средства, используемые в публичных выступлениях для реализации стратегии убеждения.

Актуальность темы заключается в том, что именно языковые средства выражения исследованы меньше, чем риторические приемы и ходы. Их изучение и систематизация позволит выработать алгоритмы реализации конкретных тактик для достижения основной цели публичного выступления – убеждения аудитории.

Теоретической основой исследования послужили положения О. С. Иссерс о том, что речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. В свою очередь, стратегия убеждения направлена на изменение взглядов и/или поведения человека. Для успешности стратегии убеждения говорящий использует последовательность тактик, которые реализуются посредством конкретных коммуникативных ходов и языковых средств.

Исследование проводилось на основе 10 публичных выступлений TED Talks длительностью до 15 минут на тему защиты окружающей среды. Ораторы – носители американского варианта английского языка. В процессе исследования были отобраны языковые средства экспликации стратегии убеждения на *морфологическом, лексическом и синтаксическом* уровнях. При этом количественно средства распределены следующим образом (рисунок).

Языковые средства экспликации стратегии убеждения

Языковые средства экспликации стратегии убеждения были систематизированы в соответствии с реализуемой тактикой.

На морфологическом уровне были выявлены следующие языковые средства экспликации стратегии убеждения.

1. Тактика единения:

а) личное и притяжательное местоимения *we* и *our*: *And actually, microbes are already an integral part of **our** everyday lives. // But for the first time, **we** are in a place where **we** can shift the power paradigm of flooding.*

б) личное и притяжательное местоимения *you* и *your*: *But if **you**'ve ever visited Iceland or an active volcano, **you**'ve got geysers and steam vents and lava.*

2. Тактика побуждения:

а) модальные и квазимодальные глаголы со значением возможности (*can, may, to be able to*), необходимости (*have to, need*) и волеизъявления (*will*): *Geothermal concepts **can** be done anywhere in the world. // We **need to** efficiently, effectively and safely drill below the surface over and over and over and over again.*

б) императив: ***Imagine** you are a part of a crew of astronauts traveling to Mars or some distant planet. // So **make** your property or your community part of the solution.*

На лексическом уровне были выявлены следующие средства.

1. Тактика усиления и тактика обобщения реализуются через использование лексики категории экспрессивности (*never, everywhere, totally, perfectly, really, great, staggering, love, fierce, angst, incredible, severe, devastating, all over the world* и т.д): *There are groups forming up **all over the world** that help people repair stuff even without government or regulatory change. It's another **really hot** area of innovation.*

2. Тактика обоснованных оценок:

а) числительные (научные и статистические данные): *The core of the Earth is **6,000** degrees Celsius. // We had **five million** students that went to virtual school this past year that didn't have enabling technology;*

б) имена собственные (названия организаций, имена авторитетных людей, названия стран): *Well, the scientists at NASA actually figured out a way to do this. // There's been a lot of help from the **Federal Trade Commission** and also the **Biden** administration, in saying we really, as a country, need to be able to fix our stuff, and we need competition for repair.*

3. Тактика привлечения внимания и тактика сокращения дистанции:

а) устойчивые выражения и метафоры: *A good many of those teams are actually oil and gas veterans.// Now I'm talking in terms of groceries because that's something I can **wrap my head around**.*

б) разговорная лексика: *And our **nerdy** kids will be able to open things up, figure out how they work and become the engineers and innovators of our future.*

На уровне синтаксиса были выявлены следующие средства.

1. Тактика привлечения внимания:

а) специальные и общие вопросы без ответа либо с последующим ответом: *So what's your solution? What's your innovation? What are the next steps? // What does that look like? Well, that's roughly the size of South America and Africa combined;*

в) параллельные конструкции: *It helps us keep things out of the trash. It helps bring jobs into our communities, and it can help solve the digital divide.*

2. Тактика хеджирования:

разделительные вопросы: *Those conditions seem simple, but they actually occur naturally in very, very few places in the world, right?*

Количественное распределение средств экспликации стратегии убеждения представлено в таблице.

Уровень языка	Реализуемая тактика	Средство	Кол-во, %
Морфологический	единения	местоимения <i>we</i> и <i>our</i>	42
		местоимения <i>you</i> и <i>your</i>	15
	побуждения	модальные и квазимодальные глаголы	30
		императив	13
Лексический	усиления, обобщения	лексика категории экспрессивности	40
	обоснованных оценок	числительные	27
		имена собственные	13
	привлечения внимания, сокращения дистанции	устойчивые выражения и метафоры	13
		разговорная лексика	9
Синтаксический	привлечения внимания	специальные и общие вопросы без ответа либо с последующим ответом	63
		параллельные конструкции	16
	хеджирования	разделительные вопросы	21

Результаты проведенного нами анализа позволяют заключить, что разнообразные грамматические и лексические средства являются средством выражения значительного количества коммуникативных тактик (тактики усиления, обобщения, единения, побуждения, сокращения дистанции, обоснованных оценок, привлечения внимания, хеджирования). Выделенные средства являются легко реализуемыми приемами, которые могут повысить эффективность публичного выступления.

Е. С. Алешина, А. Рыженков

ПОПЫТКА УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ФЕНОМЕНА «ГИБКИЕ НАВЫКИ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

У *soft skills* много названий – гибкие, мягкие, надпрофессиональные навыки, универсальные компетентности и т.д. Появление самого понятия *soft skills* приписывают американским военным. В 1959 году впервые в ходе исследований в армии США к постановке задачи для офицеров был добавлен пункт «*supporting skills and knowledges*», который и стал прообразом *soft skills*. Американские военные заметили, что эффективность подразделений зачастую зависит не только от выучки, дисциплины и профессионализма. Большое влияние на военнослужащих оказывают отношения внутри коллектива, или бесконфликтность коммуникаций, осознание общих целей, лидерские качества руководителей подразделений.

Спустя 13 лет в 1972 году в Техасе прошла конференция «*CONARC Soft Skills Conference*», где профессор Пол Дж. Уитмор представил доклад «*What are soft skills?*», официально утвердивший статус нового термина – «гибкие навыки – это важные связанные с работой навыки, которые практически не требуют взаимодействия с машинами и чье применение в работе весьма обобщено».

Каждый год авторитетные исследовательские организации публикуют топ-листы самых востребованных гибких навыков, которые помогают людям быть успешными в меняющемся мире. Наиболее популярные версии предлагают LinkedIn и Всемирный экономический форум. Последний ежегодно выпускает отчет «*The Future of Jobs Report*», в котором используются данные качественных и количественных исследований, и который объединяет оценки бизнес-лидеров и данные различных источников, чтобы отразить текущую ситуацию и сделать прогноз на ближайшие годы.

На постсоветском пространстве попытку выявить наиболее значимые *soft skills* сотрудников по мнению работодателей предпринял в 2018 году

Бизнес-инкубатор «Навигатор возможностей» НИУ ВШЭ-Пермь. На основании полученных данных исследователями были сформированы топ-10 гибких навыков: активное обучение, координация, умение вести переговоры, обучение других, информационная грамотность, клиентоориентированность, устная коммуникация, умение решать сложные задачи, операционная грамотность и тайм-менеджмент (Soft skills – навыки XXI века: что больше всего ценят работодатели-драйверы в России и Пермском крае?).

В 2022 году в России создан «Консорциум вузов по развитию универсальных компетентностей». Соглашение об этом подписали ВШЭ, Университет ИТМО, Уральский федеральный университет, Томский и Тюменский государственные университеты. В каждом из этих вузов действуют наиболее передовые программы по развитию soft skills у студентов, а также ведутся исследования в этой области. Университеты объединяют усилия, чтобы предложить программы по развитию навыков, их измерению и оценке для всего высшего образования.

Несмотря на то, что в последнее время эта проблема стала привлекать все больше внимания со стороны исследователей, до сих пор остается вопрос, какие навыки необходимо иметь для успешного развития в профессиональной сфере и продвижения по карьерной лестнице. Несмотря на актуальность изучения данного феномена, пока не выделено единого перечня гибких навыков. Более того, сфера деятельности человека влияет на перечень выделяемых актуальных навыков.

Целью данной работы является попытка унифицировать терминологическое разнообразие soft skills, вербализованных в англоязычном дискурсе. Материалом исследования послужили зарубежные исследования, в которых перечислены soft skills, необходимые для профессионального роста.

Методом сплошной выборки из авторитетных онлайн-источников (например, отчеты LinkedIn, The World Economic Forum's Future of Jobs Report, The Balance Careers и др.) были отобраны наиболее употребительные наименования soft skills на английском языке. Так, было выявлено 112 soft skills (среди них teamwork, creativity, critical thinking и многие другие). В результате количественного, семантического и контекстуального анализа наименования были объединены в 8 групп: Personal Qualities, Communication Skills, Thinking, People Management Skills, Team Management Skills, Project Management Skills, Teamwork, Self-management Skills. Три из них (People Management Skills, Team Management skills, Project Management skills) объединяются в кластер Management skills. Общее количество упоминаний навыков, входящих в данный кластер, составляет 36,61 %.

Из 8 групп, не входящих в кластер Management skills, на первом месте по частотности вербализации навыков находится группа Personal Qualities (18,75 %), группы Communication skills и Thinking (11,61 % и 10,71 %

соответственно). Наименее употребительными являются навыки, объединенные в группы Self-management Skills и People Management Skills (8,04 % и 5,36 % соответственно) (таблица).

**Частотность актуализации Soft skills
в англоязычных авторитетных изданиях**

Группа soft skills	Частота вербализации, %	Перечень soft skills
Personal Qualities	18,75	responsibility, courtesy, empathy, positive attitude, possessive insight into others, flexibility, adaptability, work ethic, worth ethic, integrity
Communication Skills	11,61	communication skills, oral communication, active listening, listening skills, negotiation
Thinking	10,71	critical thinking, analytical skills, being able to make connections across complex ideas, cognitive flexibility, systems analysis, logical reasoning, creative thinking
People Management Skills	5,36	leadership, being a good coach, people management
Team Management Skills	15,18	coordinating, management skills, supervisory skills, facilitating skills, organisational skills, planning, scheduling, goal-setting, initiative, motivation, satisfaction, persuasion
Project Management Skills	16,07	project management, problem-solving, judgement and decision-making, presentation skills, precision and attention to details, problem sensitivity, visualisation, time-management, service-orientation
Teamwork	14,29	collaboration, effective teamwork, interpersonal skills, being supportive to one's colleagues, reliability
Self-management Skills	8,04	self-correction, self-direction, self-esteem, self-evaluation, self-management, self-motivation, self-confidence

В результате проведенного исследования установлено, что наиболее частотно актуализируемыми в англоязычных авторитетных источниках являются навыки, взводящие в группу Management Skills, включающие People Management Skills, Team Management Skills, Project Management Skills, а также группа Personal Qualities. Актуальность вербализации данных навыков обусловлена их значимостью для эффективного взаимодействия и согласованности действий в команде, оптимизации принимаемых решений в широком спектре ежедневных профессиональных задач. Эти навыки сложно поддаются количественному измерению и, как правило, не описаны в должностных инструкциях, но именно они обеспечивают высокую производительность и продуктивность труда в любой отрасли.

О. В. Аношина

**АБСОЛЮТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ И НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ**
(на материале произведений С. Кинга и статей рубрик «Наука»
и «Путешествия» издания «Дейли Мейл»)

Как правило, абсолютные конструкции – это одна из самых сложных тем для усвоения, что объясняется отсутствием подобных конструкций в белорусском и русском языках. Студентам сложно «опознать» предикативную конструкцию, соответственно, понять смысл высказывания, перевести его на русский язык. При переводе с русского или белорусского на английский язык студенты также используют придаточные предложения, деепричастные обороты там, где может и будет естественно звучать абсолютная конструкция.

Немало споров возникает и в отношении того, насколько употребительны абсолютные конструкции в современном английском языке, какому стилю присущи или в каком стиле чаще используются и используются ли вообще.

Для человека естественно и закономерно замечать то, что для него важно, то, что находится в данный момент в фокусе его внимания. И первоочередной задачей преподавателя грамматики становится убеждение студентов в том, что изучаемое явление актуально, важно и значимо для формирования языковой и переводческой компетенции.

Одним из методов знакомства студентов с грамматическим явлением является дискурсивный подход, подразумевающий обучение через анализ текстов художественной литературы, новостных статей, субтитров фильмов, просмотр фильмов и сериалов на английском языке. Соответственно, возникает необходимость создания сборника текстов и предложений с абсолютными конструкциями для аудиторной и самостоятельной работы студентов.

Материал для исследования составили тексты произведений С. Кинга объемом 42 262 слов («Гвенди и ее шкатулка», «Крауч-Энд» и «Сезон дождей») и тексты новостных статей рубрик «Наука» и «Путешествия» издания «Дейли Мейл» объемом 29 663 слов (18 статей рубрики «Наука» и 17 статей рубрики «Путешествия»). Методом сплошной выборки была отобрана 51 абсолютная конструкция из художественных текстов и 56 абсолютных конструкций из текста новостей. Полученные данные позволяют предположить, что абсолютные конструкции встречаются чаще в новостях рубрик «Наука» и «Путешествия» издания «Дейли Мейл», чем в произведениях С. Кинга.

В исследуемых художественных текстах 73 % абсолютных конструкций были номинативными: *She shook her head and cringed away from him, her hair falling over her face*; 66,5 % абсолютных конструкций включали в себя причастие: *She pulls away and flees for the car, her apologetic parents trailing behind her*; абсолютные конструкции использовались преимущественно (96 %) в функции сопутствующих обстоятельств: *Six months later he was*

found dead of a heart attack, a can of Harp Lager in his hand. В функции обстоятельства причины было зафиксировано только 2 употребления. В то же время не было зафиксировано ни одного случая употребления абсолютных конструкций в функции обстоятельства времени или условия. Полученные данные отражены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Абсолютные конструкции в произведениях С. Кинга

Абсолютные конструкции	Выполняет функцию сложного обстоятельства	
	сопутствующих обстоятельств	причины
Номинативная абсолютная причастная конструкция	26 (51 %)	1 (2 %)
Предложная абсолютная причастная конструкция	7 (13,5 %)	
Номинативная абсолютная конструкция	10 (20 %)	
Предложная абсолютная конструкция	6 (11,5 %)	1 (2 %)
Всего	49 (96 %)	2 (4 %)

В текстах новостных статей рубрики «Путешествия», если сравнивать с исследуемым художественным текстом, заметно более широкое использование предложных абсолютных конструкций (85,5 %): *On the first floor there is a second bedroom, bathroom, stairs and lift with the second floor having the third bedroom and a similar layout.* В то же время большинство абсолютных конструкций (53,5 %) также включают в себя причастие. В них отмечена не такая большая разница в частоте использования абсолютных конструкций в функции обстоятельства причины (43 %): *The researchers highlight that with life expectancy increasing around the world, the elderly population is set to double between 2019 and 2050;* или сопутствующих обстоятельств (57 %). Полученные данные отражены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Абсолютные конструкции
в статьях рубрики «Путешествия» издания «Дейли Мейл»

Абсолютные конструкции	Выполняет функцию сложного обстоятельства	
	сопутствующих обстоятельств	причины
Номинативная абсолютная причастная конструкция	3 (11 %)	
Предложная абсолютная причастная конструкция	8 (28,5 %)	4 (14 %)
Номинативная абсолютная конструкция	1 (3,5 %)	
Предложная абсолютная конструкция	4 (14 %)	8 (29 %)
Всего	16 (57 %)	12 (43 %)

В текстах новостных статей рубрики «Наука» было зафиксировано такое же количество абсолютных конструкций, что и в текстах рубрики «Путешествия». При этом в них также преобладали предложные абсолютные конструкции (89 %): *Previous studies have suggested that people vary considerably in their flirting skills, with poorer flirts more likely to be single*; и абсолютные причастные конструкции (82 %): *Europeans endured the hottest summer on record last year, with wildfires, floods and intense heatwaves battering the continent*. Чаще, по сравнению с текстами рубрики «Путешествия», абсолютные конструкции указывали на сопутствующие обстоятельства. Полученные данные отражены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Абсолютные конструкции
в статьях рубрики «Наука» издания «Дейли Мейл»

Абсолютные конструкции	Выполняет функцию сложного обстоятельства	
	сопутствующих обстоятельств	причины
Номинативная абсолютная причастная конструкция	3 (11 %)	
Предложная абсолютная причастная конструкция	18 (64 %)	2 (7 %)
Номинативная абсолютная конструкция		
Предложная абсолютная конструкция	4 (14 %)	1 (4 %)
Всего	25 (89 %)	3 (11 %)

Сводные данные использования абсолютных конструкций в новостных статьях представлены в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Абсолютные конструкции
в статьях издания «Дейли Мейл»

Абсолютные конструкции	Выполняет функцию сложного обстоятельства	
	сопутствующих обстоятельств	причины
Номинативная абсолютная причастная конструкция	6 (11 %)	
Предложная абсолютная причастная конструкция	26 (46 %)	6 (11 %)
Номинативная абсолютная конструкция	1 (2 %)	
Предложная абсолютная конструкция	8 (14 %)	9 (16 %)
Всего	41 (74 %)	15 (26 %)

Согласно результатам исследования, номинативная абсолютная конструкция доминирует в художественном тексте (73 %), предложная – в новостном тексте (87 %). Конструкции с причастием использовались в 2 раза чаще конструкций без причастия.

Самая употребительная функция – сопутствующие обстоятельства, в функции обстоятельства причины зафиксировано всего 4 % абсолютных конструкций художественного текста, в новостном тексте – 26 % от общего числа. Абсолютных конструкций в функции обстоятельства времени и условия не зафиксировано ни в одном типе исследуемого дискурса.

Абсолютные конструкции, употребленные в функции обстоятельства причины, почти одинаково часто стояли или в начале (8), или в конце предложения (7): *With online bookings the norm, it is tricky to 'make your case' as everything is so anonymous*, сопутствующих обстоятельств – всегда в конце предложения: *Frankie takes off across the parking lot, Jimmy right behind him*.

Второй элемент абсолютных конструкций без причастия был выражен прилагательным: *Germany and South Korea remain in second place overall, with passport holders able to travel to 190 destinations without a visa*, предложной фразой: *In the dream, she doesn't stand there helpless in the driveway with her heart in her throat*; существительным: *With online bookings the norm, it is tricky to 'make your case' as everything is so anonymous*.

В тексте новостных статей абсолютные конструкции встречались в заголовках (2): *Traditional orchards are VANISHING from the landscape in England and Wales with more than 80% lost since the early 1900s, National Trust claims*; в подзаголовках (1) и в подписях к фото (4): *Feast for the senses: Calpe is a foodie heaven, with delicious local specialities rich in seafood*.

Тенденция к использованию однородных абсолютных конструкций была одинаково ярко выражена в исследуемых типах дискурса, в художественном тексте отмечено 5 предложений с 17 (33 %) однородными абсолютными конструкциями: *Then he's gone, middle finger jutting out the window, tires burning rubber*; в новостных текстах отмечено 4 подобных предложения с 9 (16 %) абсолютными конструкциями: *The Saturday night of each event is an evening for members to dress up in their Western finery, with men in their coats and hats and ladies in gowns*. В художественном тексте также было отмечено использование абсолютной конструкции в эллиптическом предложении: *'Run!' His face pale as cheese* и в случае парцелляции: *The woman pointed. 'Station's right up there. Globes hanging in front. You'll see it.'*

Результаты проведенного нами анализа позволяют заключить, что абсолютные конструкции широко используются в современном художественном и новостном дискурсе. На наш взгляд, перспективным видится проведение исследования на более обширном объеме материала, включающем в себя новостные статьи разных рубрик, кинодискурс, материалы публикаций в социальных сетях.

О. В. Афонина

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИИ «ИНТЕРЕС»
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕЦЕНЗИЯХ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Зарождение рецензии как жанра связано с обоснованной необходимостью критического анализа того или иного произведения. А. Тертычный определяет понятие *рецензия* как жанр, основу которого составляет отзыв (прежде всего – критический) о произведении художественной литературы, искусства, науки, журналистики и т.п.

В настоящее время рецензия привлекает большое внимание исследователей. Анализу подвергаются различные с точки зрения их тематики рецензии, например, искусствоведческая рецензия (Л. А. Земцова), театральная (Н. М. Мошникова), музыкальная (В. А. Эрман, А. В. Ермакова), киорецензия (В. А. Эрман), на художественные произведения (Н. М. Довгань).

Материалом нашего исследования являются профессиональные авторские рецензии на художественные произведения на английском языке, отобранные из критических литературных изданий, специальных разделов вебсайтов СМИ, посвященных обзорам и критическому анализу современных литературных произведений, специализированных медиаресурсов, публикующих профессиональные авторские рецензии.

Рецензия на произведение художественной литературы обладает четкой структурой. Неотъемлемыми ее компонентами выступают наименование автора и самого произведения, краткое его изложение, оценка, рекомендация к прочтению или ее отсутствие.

Коммуникативно-прагматической целью автора рецензии является воздействие на реципиента, стремление сделать его своим сторонником, ценителем данного произведения. Так, в классическом своем представлении рецензия дает объективную оценку произведения. Автор рецензии в данном случае демонстрирует функцию отстраненного наблюдателя, оставаясь беспристрастным. Анализ современных рецензий на художественные произведения показал, что авторы рецензий все чаще прибегают к субъективной оценке, выражению своего эмоционального отношения. По мнению В. И. Шаховского, с позиций лингвистики эмоция рассматривается как дополнительное содержание высказывания и способ оценки значения предметов и явлений реального мира для конкретного человека. Следовательно, понятия оценки и эмотивности граничат и обуславливают друг друга.

Эмоция интереса – одна из наиболее ярких положительных эмоций человека. Интерес представляет собой особое состояние, побуждающее к познавательной деятельности. В рецензиях на художественные произведения широко используются различные языковые средства выражения эмотивности, существенная доля которых представлена вербализацией эмоции интереса, что объясняется тем, что характеристика произведения с позиции увлекательности является одной из ключевых для читателя.

Целью исследования выступает выделение средств лексического выражения оценки в англоязычных рецензиях на художественные произведения, определение их семантических особенностей, первичная классификация по частеречному принципу. В фокусе – все виды лексических средств выражения эмотивности. Поэтому вслед за Н. А. Лукьяновой под эмотивной лексикой мы понимаем всю совокупность лексических средств, с помощью которых передаются эмоции.

Основным методом исследования выступил дефиниционный анализ, посредством которого было выявлено наличие сем эмотивности в структуре значения слова. Так, к лексическим средствам выражения эмоции «интерес» мы относим те, в денотативном или коннотативном компоненте значения которых наличествует сема 'interest' и ее возможные стилистические вариации.

К наиболее широко представленным именам существительным, вербализующим данный класс лексических единиц относится прежде всего сама лексема *interest* 'the quality that something has when it attracts somebody's attention or makes them want to know more about it' в основном в составе коллокаций *to be of interest to somebody, to hold interest for somebody*. Называя саму эмоцию, автор рецензии прямо указывает на то, что заинтересовало лично его и что может заинтересовать читателя. Схожую функцию выполняет и лексема *fascination* 'a very strong attraction, that makes something very interesting'. Лексема *avidity* 'the quality of being very enthusiastic about something' встречается в описаниях особого душевного подъема автора от прочтения и желания перечитать произведение заново, например, *avidity to reread this again and again*. Лексема *suspense* 'a feeling of excitement or anxiety when you do not know what will happen next' более экспрессивна и указывает чаще на конкретные элементы и повороты сюжета, которые могут показаться привлекательными для читателя. Лексема *piquancy* 'interest and excitement, especially because of being mysterious' также свидетельствует о том, что произведение обладает изюминкой, необычностью и нетипичностью сюжета. Весьма распространена лексема *page-turner* 'a book that is so exciting that you want to read it quickly'. Практически все авторы рецензий используют ее для описания произведения с точки зрения его необычайной увлекательности, что влияет и на скорость и затраченное время на его прочтение.

Глагольные конструкции можно разделить на две группы: те, что описывают интерес, испытанный самим автором рецензии, а также те, что фиксируют характеристики самого произведения с позиции его увлекательности, а именно сюжет, героев, описываемых событий. Примерами первой группы таких лексических единиц выступают следующие: *to read in one sitting* 'to read smth very fast because of its great interest and excitement', *to be on tenterhooks* 'to be very anxious or excited while you are waiting to find out something or see what will happen', *be all over it* 'to be very involved or interested in something', *be one's bag* 'to be something that one is interested in or enjoys', *to engage* 'to succeed in attracting and keeping somebody's attention and interest'. Примерами второй группы лексических единиц выступают лексемы *to hook* 'to succeed in making someone interested in something', *to intrigue* 'to make somebody very interested and want to know more about something', *to keep you smb at night* 'to prevent someone from sleeping (used figuratively)'.

Имена прилагательные чаще всего реализуют значение увлекательности с позиции описания физического состояния, например, когда что-то настолько нас интересует, что «захватывает дух». Примерами таких лексем выступают *brehtaking* ‘very impressive, exciting, or surprising’ и аналоги *breath-stealing*, *take-your-breath-away*. Некоторые имена прилагательные реализуют те же значения, что и глаголы, однако в количественном отношении гораздо более репрезентативны, например, *read-in-one-sitting*, *intriguing*, *page-turning*, *engaging*. Доминирование имен прилагательных объясняется большей эффективностью описательных конструкций с точки зрения воздействия и убеждения. Имена прилагательные фиксируют понятия интереса и увлекательности наиболее многообразно и полно. Примерами данных лексем также выступают лексемы *epic* ‘telling a long story about brave actions and exciting events’, *captivating* ‘capable of attracting and holding interest’, *compelling* ‘very interesting or exciting, so that you have to pay attention’, *juicy* ‘richly interesting’, *enthraling* ‘extremely interesting’, *gripping* ‘exciting or interesting in a way that keeps your attention’.

Таким образом, можно говорить о тенденции смещения фокуса с объективной оценки, выражаемой авторами рецензий, к более субъективной. Также имеет место выражение эмоционального отношения автора рецензии к рецензируемому им произведению, его автору, сюжету, что влечет за собой более широкое использование эмотивной лексики. Это позволяет говорить о том, что рецензия чаще выполняет функцию привлечения и стимулирования интереса к новым произведениям художественной литературы, приближаясь тем самым к рекламе. Лексические средства, реализующие эмоцию «интерес», наиболее широко представлены в текстах рецензий, так как увлекательность произведения – это первое, на что обращает внимание его потенциальный читатель.

О. В. Изотова, В. Зоценко

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОБАКЕ В БЕЛОРУССКИХ И НИДЕРЛАНДСКИХ ПАРЕМИЯХ

Животные издавна присутствуют в жизни людей: животное было и помощником при ведении хозяйства, и другом, и защитой, и опасностью. Такие сложные отношения человека и зверя не могли не найти своего отражения в языке. Лексико-семантическая группа, которая включает в себя названия животных, – это важный пласт мировосприятия народа, который в рамках лингвокогнитивного и лингвокультурологического исследования может рассматриваться как своеобразная призма, сквозь которую человек определенной культуры видит мир, как лакмусовая бумажка национального мировосприятия и ментальности.

Материал исследования составили белорусские и нидерландские пословицы, содержащие в себе лексему *собака* или же относящиеся к традиционным представлениям о *собаке*, отобранные методом специальной выборки из

соответствующих паремиологических и лексикографических трудов. Основными источниками исследования стали: «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы» / склад. Ф. Янкоўскі. (Мінск, 1992); «Прыказкі і прымаўкі» / Рэд. А. С. Фядосік (Мінск, 1976); «Тлумачальны зборнік прыказак» / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч (Гродна, 2011); Spreekwoorden en uitdrukkingen uit de Nederlandse taal (<http://spreekwoorden.nl>); Nederlandse spreekwoorden, gezegden en citaten (<http://www.spreekwoord.nl>).

Проведенный анализ показывает значительное сходство паремиологических представлений о *собаке* у белорусов и голландцев. Такое сходство, вероятно, обусловлено общими закономерностями развития человеческого бытия, дающими единый опыт, единое знание «правил жизни». В сопоставляемых фрагментах паремиологических картин мира выявляются также некоторые различия, связанные с проявлением специфически национального «взгляда на вещи», что объясняется социально-историческими причинами.

Так, материалы нашего исследования позволили выделить некоторые общие черты вербализации представлений о *собаке* в поговорках белорусского и нидерландского языков. В обеих паремиологических картинах мира зооним *собака* ассоциируется с образом жертвы: (*Wie een hond wil slaan kan licht een stok vinden.* – Любой, кто хочет ударить собаку, может легко найти палку. (Толкование: *Als je iets tegen iemand wil doen kun je altijd wel iets bedenken.* – Если хочешь поставить кого-либо в затруднительное положение, то и способ найдешь). – *Хто хоча сабаку ўдарыць, то кій найдзе. Як хочаш сабаку ўдарыць, то і кія знойдзеш;* отсутствием – в подавляющем большинстве случаев – второго или параллельного брака: (*'t Moet al een ruige hond wezen, die twee nesten warm houden kan.* – ≈ Только дерзкая собака может сидеть на двух стульях. (Толкование: *Alleen een rijke man kan er een tweede vrouw op na houden.* – ≈ Только богатый человек может иметь две жены.) – *Пайшоў сабака сена касіць, на касіў стог ды сам здох.*

При этом поговорки советуют помнить о необходимости отражения нападений на собственной территории: (*Een hond is stout op zijn eigen dam.* – букв. Собака смела на своей территории. (Толкование: *Op je eigen gebied kun je je het best verdedigen.* – Лучше всего защищаться на собственной территории.) – *На сваім падвор'і і сабака пан;* последствиях чрезмерной торопливости: *Een haastige hond werpt blinde jongen.* – Торопливой собаке – слепые щенки. (Толкование: *Je kunt beter iets langzaam goed doen dan haastig iets slecht afraffelen.* – букв. Лучше сделать что-либо медленно, но качественно, чем быстро, но с менее удачным результатом). – *Сабака сора дзеці робиць, ды сляпыя родзяцца. Сабакі хутка робяцца, да доўга сляпыя.*

Изучение поговорок белорусской и нидерландской коммуникативных культур позволило также выявить некоторые особенности вербализации представлений о *собаке*:

- практически полное отсутствие поговорок об “охоте” в белорусской паремиологической картине мира: *Met onwillige honden is het kwaad hazen*

vangen. – ≈ *С упрямой собакой не поймаешь зайца*. (Толкование: *Het is bijna onmogelijk om iets te bereiken met iemand die niet wil meewerken*. – ≈ *Невозможно добиться чего-либо с тем, кто не готов к сотрудничеству*);

- отсутствие пословиц, описывающих значимость качеств, противоположных застенчивости: *Een blode hond wordt zelden vet*. – ≈ *Стеснительная собака – ничего не достигнет*. ≈ *Стеснительная собака редко добудет кость*. (Толкование: *Die al te beschroomd is, komt niet vooruit in de wereld*. = *Met verlegenheid komt men niet vooruit in de wereld*. – *Застенчивостью ничего не достигнешь*), в белорусской паремиологической картине мира;

- преимущественное использование зоонима *собака* в форме единственного числа в белорусских паремиях, множественного – в нидерландских;

- отсутствие в белорусской паремиологической картине мира пословиц о собаке как группе людей: *Hoe ruiger hond hoe meer vlooiën*. – *Чем грубее собака, тем больше блох*. (Толкование: *Hoe slechter het gezelschap hoe vervelender hun daden*. – *Чем хуже компания, тем скандальнее ее действия*).

Проведенное исследование позволило, таким образом, предпринять попытку описания значимого для человека фрагмента паремиологической картины мира, связанного с компонентом-зоонимом *собака*.

В. В. Козлова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АЛГОРИТМА ПОИСКА МНЕНИЙ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Как отечественные, так и зарубежные исследователи медийного дискурса отмечают две противоположные характеристики его информационной разновидности: тенденция к нейтральному и объективному освещению событий, с одной стороны, и экспрессивность, стремление воздействовать на интеллектуальную и эмоциональную сферу адресата – с другой (Э. А. Вайглас, А. В. Гилева, С. М. Гуревич и др.). Хотя высказываются предположения, что эмоциональный компонент, содержащийся в текстах информационных жанров, не противоречит принципу объективности, поскольку эмотивные элементы позволяют увеличить уровень эмпатии адресата и тем самым – понимание новости. Более того, любая новость обладает «оценочным характером, что, в свою очередь, не влияет на объективность сообщения» (прототип цит. по М. Montgomery). Тем не менее, учитывая, что все происходящее в мире передается в СМИ с определенной идеологической позиции, то картина мира, предлагаемая СМИ, становится не реальной, а искаженной (прототип цит. по М. Montgomery). Речь в том числе идет и об информационных жанрах медийного дискурса, наличие в которых эмоционального компонента, оценок, может значительно влиять на восприятие новости реципиентом.

Что касается мнений и фактов, которые представлены в СМИ, следует понимать процесс написания публицистического текста. В широком смысле любой текст СМИ – это единый контекст мнения, поскольку текст пишет

журналист, имея при этом ту или иную коммуникативную цель. Соответственно, вся информация проходит отбор. Одни факты в тексте освещаются, другие получают авторскую интерпретацию, третьи не проходят процесс отбора и в итоговом тексте никаким образом не упоминаются. Соответственно, публицистический текст можно рассматривать в качестве одной единицы мнения, в которой автор представляет некоторое субъективное суждение читательской аудитории на основе отбора фактов и мнений согласно выбранной коммуникативной цели высказывания (А. К. Симонов, с. 239). В данном случае контекст мнения выражает ценности и убеждения или автора, или редакции, или заказчика материала (имеются в виду имиджевые статьи). В узком же смысле контекст мнения понимается как суждение, в котором автор высказывает некоторую точку зрения относительно какого-либо явления или ситуации. Контекстом мнения может служить часть предложения, предложение, несколько предложений. Однако для удобства решения задач автоматического поиска и анализа мнений (Opinion Mining) за контекст мнения чаще всего принимается отдельное предложение.

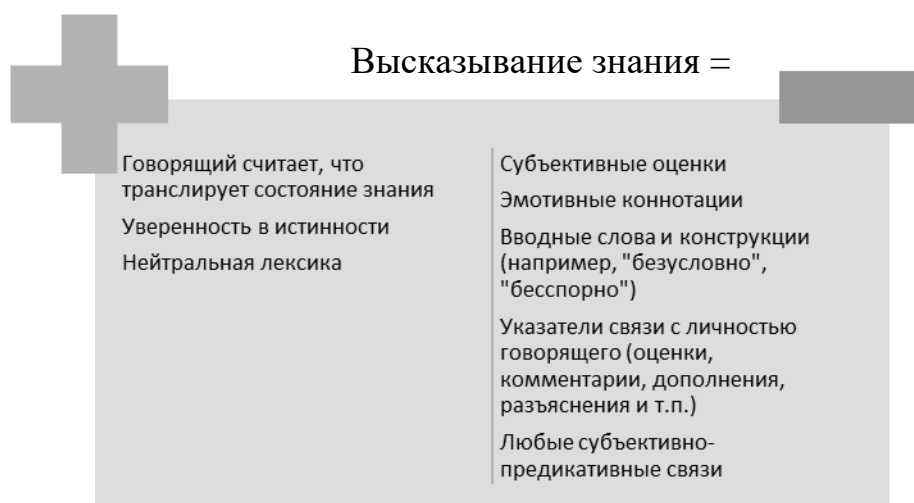
Так, актуальность приобретает способность разграничивать высказывания фактологического характера и высказывания мнения. Проблема состоит в том, что на данный момент не существует единой исчерпывающей системы, согласно которой можно провести это разграничение. В данной работе мы предпринимаем попытку эту задачу решить для текстов медийного дискурса (таблица).

Критерии разграничения высказываний фактологического характера и высказываний мнения в медийном дискурсе

Высказывания фактологического характера	Высказывания мнения
Объективны. <i>В Беларуси школьники сдают вступительные экзамены в форме ЦТ.</i>	Субъективны. <i>ЦТ – лучшая форма проведения вступительных экзаменов в Беларуси.</i>
Не допускают альтернативную точку зрения. <i>В Беларуси ЦТ сдают с 2004 года.</i>	Допускают как минимум одну альтернативную точку зрения (высказывание будет принадлежать к полю знания, пока не будет найдена хотя бы 1 альтернатива). <i>Я считаю, лучше сдавать ЦТ, чем экзамен в вузе. (Сравним: Я считаю, что лучше сдавать экзамен в вузе.)</i>
В структуре высказывания отсутствует сема уверенности или сомнения. <i>На ЦТ разрешают взять с собой бутылку воды.</i>	В структуре высказывания может фигурировать сема уверенности (убеждения, предположения, сомнения). <i>На ЦТ, вероятно, разрешают взять с собой бутылку воды.</i>
Достоверны и не нуждаются в аргументации, доказательстве. <i>На ЦТ знания абитуриентов оцениваются по 100-балльной системе.</i>	Недостоверны и нуждаются в аргументации, доказательстве. <i>ЦТ – эффективная система, поскольку позволяет оценить знания абитуриентов по 100-балльной системе.</i>

В рамках медийного дискурса высказывания, имеющие ретроспективную направленность, с бóльшей долей вероятности будут принадлежать к области фактологических высказываний. <i>В 2020 году по белорусскому языку максимальные 100 баллов получило 78 абитуриентов.</i>	В рамках медийного дискурса высказывания, имеющие проспективную направленность, с бóльшей долей вероятности будут принадлежать к области высказываний мнения. <i>В этом году максимальные 100 баллов по белорусскому языку получит еще больше абитуриентов.</i>
Отсутствие оценок в структуре высказывания. <i>В Беларуси школьники сдают вступительные экзамены в форме ЦТ.</i>	В структуре высказывания могут фигурировать оценки. <i>ЦТ – лучшая форма проведения вступительных экзаменов в Беларуси.</i>
В высказывании фигурируют фактивные предикаты. <i>Я знаю, что в этом году ЦТ проводят на базе нашей школы.</i>	В высказывании фигурируют пугативные предикаты. <i>Я полагаю, что в этом году ЦТ проводят на базе нашей школы.</i>
В рамках медийного дискурса, высказывания фактологического характера, как правило, не содержат предикатов волитивного, сенсорного планов.	В рамках медийного дискурса в высказывании могут фигурировать предикаты волитивного, сенсорного планов. <i>Я хочу, чтобы для творческих специальностей тоже придумали аналог ЦТ (= Я считаю, что нужно...)</i>

Так, Н. Д. Арутюновой сформулированы правила оформления высказывания, передающего факт: из высказывания необходимо исключить субъективные оценки, эмотивные коннотации, вводные слова и конструкции, указатели связи с личностью говорящего (оценки, комментарии, дополнения, разъяснения и т.п.), любые субъективно-предикативные связи, лексика при этом должна быть нейтральной и отвечать критерию «прозрачности» (Н. Д. Арутюнова) (рисунок). И наоборот, наличие подобных маркеров причисляет высказывание к мнениям, т. е. мнение – это то, что «не удовлетворяет критериев знаний», «ненадежное», «допускающее ложь» знание (Г. Ф. Гибатова).

Правила оформления высказывания, передающего факт

Таким образом, для составления алгоритма поиска и анализа мнений в медийном дискурсе необходимо, прежде всего, подготовить лингвистическую базу – вручную разметить корпус текстов, отбирая высказывания фактологического характера и высказывания мнения. И далее в высказываниях мнения можно приступить к поиску характерных маркеров. Наличие прозрачной системы разграничения высказываний фактологического характера и высказываний мнения позволит повысить эффективность алгоритма.

Е. В. Невмержицкая, Е. В. Денисова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ Д. ТРАМПА

Выступления политиков имеют особое значение в жизни современного общества. По публичным политическим выступлениям можно судить о развитии политических отношений между государствами, а также о приоритетах самих политиков в различных областях социально-политической жизни и в некоторой степени о предпочтениях самих избирателей. Любое публичное выступление политика всегда нацелено на значительное количество людей и представляет из себя его взаимодействие с аудиторией, демонстрацию своей позиции, средство убеждения и воздействия на слушателей.

Стоит обратить внимание на интересный, на наш взгляд, факт, что, согласно данным научных исследований, результативность речи оратора в отношении его аудитории состоит из трех основных компонентов, расположенных в следующей пропорции: 55 % – 38 % – 7 %. Где 55 % приходится на язык тела, 38 % на голосовые характеристики выступающего и только 7 % приходится на непосредственное содержание речи оратора.

В частности, публичные выступления 45-го Президента США Д. Трампа всегда привлекают внимание слушателей своей эмоциональностью, экспрессивностью, носят образный и запоминающийся характер, что, в свою очередь, помогает сделать публичное выступление более эффективным, успешным и получить предполагаемый отклик у аудитории.

Вообще понятие эмотивности и выражения эмоций в языке и речи является одной из ключевых в современной лингвистике, о чем могут свидетельствовать многочисленные исследования. Известный исследователь категории эмотивности в языке В. И. Шаховский придерживается мнения, что эмоции представляют собой «ментальные системы знаний и оценки». Можно сказать, что эмоции – это реакция психики человека на внешний мир и отношения с другими людьми. На фонетическом уровне эмотивность тесно связана со звуком, интонацией, ударением.

Так, в своей работе мы постарались исследовать некоторые лексические и просодические особенности публичных выступлений американского поли-

тика на материале стенограмм выступлений за период с 2015 по 2020 г.: выступления Д. Трампа на праймериз (июнь 2015 г.), Inauguration Speech (20.01.2017), State of the Union Address (30.01.2018), First presidential debate in full: Trump vs Biden (сентябрь 2020).

С точки зрения лексических особенностей выступлений американского политика его речи отличает большое количество простых слов и предложений, говорящее о том, что политик не стремится к лексическому разнообразию своего словарного запаса. Так, в частности, в его предвыборной речи, присутствуют слова и выражения разговорного стиля *folks, fellas*, что является определенным политическим ходом, направленным на установление связи с народом. Для многих выступлений политика характерно наличие большого числа односложных и двусложных слов, которые просты по смыслу и форме и доступны: (*I, me*) всем категориям избирателей: *great, they, he, said, won, very, going*.

Во всех своих выступлениях Д. Трамп говорит просто, ярко, крайне эмоционально, с использованием минимально осложненных грамматических и синтаксических конструкций (это, в свою очередь, способствует облегчению восприятия устной речи), лексико-синтаксических повторений, а также часто пользуется жестами. Речи Трампа не обходятся без критики своих оппонентов, прямых и косвенных обвинений в неумении управлять страной, лжи, бессовестности. Иногда в начале своих выступлений (выступление на праймериз 2015 г.) политик создает у аудитории негативные эмоциональные настроения (недовольство существующим порядком, некоторую злость): *Our country is in serious trouble; We don't have victories any more; We have nothing; we as a country are getting weaker; we are dying; sadly, the American dream is dead*.

Кроме того, на тех же праймериз в июне 2015 г. тогда еще потенциальный претендент на высший политический пост США стремился в полной мере использовать языковые средства для привлечения избирателей. Так, говоря о своих оппонентах, он употреблял лексику, не характерную для официального стиля выступлений: *How stupid are our leaders?*, в адрес же других кандидатов высказывался и вовсе негативно: *... some of the candidates... they sweated like dogs*, а тогдашнего президента США Б. Обаму назвал *a disaster called the big lie*. Затем, создав некоторую негативную атмосферу в аудитории слушающих, Д. Трамп часто переходил на свою личность и стремился сделать громкие заявления и дать громкие обещания: *we will make America great again; we had a really good plan; we are really good; we will face challenges; we will confront the hardships, but we will get the job done*.

Стоит отметить, что преуменьшение заслуг своих оппонентов, иногда дискредитация оппонентов и в то же время акцентирование внимания аудитории на собственных достижениях и заслугах характерно для подавляющего большинства публичных выступлений американского политика.

Если обратиться к выступлению Д. Трампа на предвыборных дебатах (First presidential debate in full: Trump vs Biden) в сентябре 2020 года (в качестве оппонента выступал Дж. Байден), можно заметить, что изначально политик рассматривает себя как успешную личность, лидера, что, по сути, ярко отражено в манере его речи и сильно влияет на ее просодическое оформление. Кстати говоря, по мнению многих исследователей, которые занимаются изучением особенностей политических выступлений Д. Трампа и его речевого портрета (в частности, Г. В. Порческу и О. С. Рублева), «личность политика влияет на специфику языкового оформления его выступлений».

Вот пример его выступления: *I will tell you very simply, we won the election. / Elections have consequences. / We have the Senate. / We have the White House. / And we have a phenomenal nominee.../* или же: *He will shut it down again. / He will destroy this country... /*, откуда видно, что в своих выступлениях Д. Трамп использует просодический прием паузации; паузы, в свою очередь, указывают на ключевые моменты, тем самым давая слушателям время для осмысления сказанного. Тем же целям, как видно из приведенного выше примера, служит и прием синтаксического повтора (повтор существительного *election*, глагола *have*, вспомогательного глагола *will*, местоимения *he*). Опять же, мы отмечаем, что Д. Трамп делает паузы после каждого риторически значимого слова или словосочетания. Кстати говоря, с просодической точки зрения, в конце данного высказывания американский политик использует низкий всходящий тон, который указывает на незаконченность высказывания, тем самым Д. Трамп побуждает слушателей к размышлению о важности сообщаемой им информации.

Таким образом, проанализировав выступления Д. Трампа с точки зрения лексических и просодических средств выражения эмотивности, мы пришли к выводу о том, что все речи американского политика отличает эмоциональность, образность, экспрессивность, наличие отрицательно-маркированной лексики в большинстве из них, несоответствие правилам политической риторики, однако, на наш взгляд, это делает его запоминающимся политиком, который часто напрямую говорит, то, что думает, и предстает перед людьми таким, каким есть, со всеми недостатками и достоинствами.

И. В. Павлоцкая, О. В. Адамовская

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Целью данной работы является установление общих и отличительных предпочтений проведения выходных дней в Великобритании, США и Беларуси; выделение лексических единиц, описывающих досуговые предпочтения, и их корреляция в английском и русском языках.

Актуальность темы данной работы определяется тем, что мы признаем, что компетентностный подход является важнейшим фактором обеспечения качественного высшего образования.

Существует много трактовок понятия компетенция. Энциклопедический словарь отмечает, что понятие *компетенция* происходит от латинского слова *compeo*, что означает 'достигаю, соответствую, подхожу'.

Толковый словарь русского языка Ушакова определяет компетенцию как круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом.

Согласно Глоссарию терминов Европейского фонда образования, компетенция – способность делать что-либо хорошо или эффективно.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что компетентностный подход в образовании – это формирование ключевых образовательных компетенций, трактуемых как совокупность навыков, умений, знаний, нормативно-ценностных установок, необходимых для эффективного решения личностных и социально значимых проблем в определенных сферах деятельности и культуры.

Лингвокультурологическую компетенцию, для формирования которой необходимо понимание сходства и различия между культурами родной страны и страны изучаемого языка, можно по праву включить в систему академических компетенций, и определить как совокупность системно организованных знаний о культуре, готовность интерпретировать языковые и экстралингвистические факты, а также аналитические и коммуникативные умения, которые приобретаются в процессе знакомства с культурными ценностями страны изучаемого языка.

По мнению В. И. Байденко, компетенции формируются за счет педагогических и методологических подходов, они не могут генерироваться в процесс традиционного образования на предметно-содержательном уровне. Их формирование происходит за счет их систематического интегрирования в целостный образовательный процесс посредством технологий, содержания, стиля жизни учреждения образования, типа взаимоотношений между преподавателями и студентами и между самими студентами.

Мы считаем, что проектная технология способствует формированию академических компетенций, и лингвокультурологической в частности, так как развивает коммуникативные навыки, навыки работы в группе; умение исследовать, ставить задачу, собирать информацию, делать выводы, строить гипотезу и обобщения и т.д.

В качестве материала для исследования нами были использованы проектные работы студентов первого курса переводческого факультета по теме «Как проводят выходные дни жители Великобритании, США и Беларуси», которые, в свою очередь, опирались на открытые интернет-источники и социологические опросы.

Данная таблица содержит информацию о десяти наиболее популярных досуговых предпочтениях среднестатистической семьи в трех странах.

Американцы	Британцы	Белорусы
Sleeping (19 hours)	Making a to-do list (77 %) with 60 % putting it off	Проведение время дома в кругу семьи (45 %)
Watching TV (80 % 7 hours)	Relaxing and recharging (43 %)	Просмотр телепередач (27 %)
Eating (95 % 3 hours)	Taking a long walk (40 %)	Чтение книг (25 %)
Doing the housework (44 % 5,5 hours)	Watching a film on TV (40 %)	Интернет (25 %)
Shopping (45 % 2 hours+ 1 hour of driving)	Eating a roast dinner (40 %)	Покупки (20 %)
Taking kids to sports games (4 hours)	Having a lie-in (33 %)	Работа на приусадебных участках (20 %)
Playing games (2 hours)	Visiting friends and family (33 %)	Хобби, спорт (20 %)
Playing with animals and pets (16 % 1,5 hours)	Working out and hobbies (23 %)	Прогулки и отдых на природе (18 %)
Spending time with the family (wish they had more)	Gardening (20 %)	Кулинария (15 %)
Spending time with friends (wish they had more)	Cleaning the house (15 %)	Посещение клубов, баров, встречи с друзьями (10 %)

Как видно из таблицы, 50 % досуговых предпочтений (просмотр ТВ, проведение времени с семьей и с друзьями, еда и занятия спортом) популярны во всех трех странах. Однако самыми большими любителями просмотра телепередач являются американцы, больше проводят времени в кругу семьи белорусы, британцы чаще встречаются с друзьями. Примерно одинаковое количество времени уделяется спорту, но при этом следует отметить, что американцы предпочитают семейные игровые виды спорта. Что касается еды, установлено, что белорусы отводят на нее меньше времени по сравнению с американцами и британцами.

В то время как американцы уделяют сну много времени, а британцы любят в выходные поваляться в постели, белорусы не упоминают его в своих предпочтениях. Британцы единственные планируют свои выходные, но, судя по приведенным процентам, им редко удается придерживаться своих планов. И американцы, и британцы уделяют время работе по дому, в то время как белорусы не считают это мероприятием выходных дней. И белорусы, и американцы совершают покупки в выходные, а британцы не тратят на это время. Помимо занятий спортом, британцы и белорусы любят прогулки на свежем воздухе, а также уделяют время садоводству и работе на приусадебных участках.

Несмотря на выявленные общие черты в досуговых предпочтениях современных белорусов, американцев и британцев, следует отметить, что только американцы уделяют время домашним питомцам, британцы любят расслабиться и восстановить силы, а белорусы выделяют чтение книг и просмотр страниц в интернете в качестве своих предпочтений.

Анализ лексических единиц, обозначающих досуговые предпочтения представителей разных стран, из вышеприведенной таблицы показал, что существует определенная степень их корреляции в русском и английском языках. Например, *watch TV – смотреть ТВ, spend time with the family and friends – проводить время с семьей и с друзьями, shopping- покупки, working out and hobbies – занятие спортом и хобби, но gardening – работа на приусадебном участке, taking a long walk – прогулка.*

Результаты проведенного исследования способствуют пониманию национальной специфики досуговых предпочтений и развитию языковой догадки при переводе лексических единиц с русского на английский и с английского на русский язык.

Д. Л. Тригубова

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕГАТИВНООЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ТЕКСТАХ КИНОАННОТАЦИЙ

Киноаннотация как специфичный, гибридный дискурсивный жанр отличается многообразием средств вербализации и тем самым представляет интерес для лингвистического исследования. Особенно ярко в текстах киноаннотаций проявляется семантико-прагматическая категория оценки, способствующая приданию образности и выразительности описанию аннотируемого фильма. Преимущественно используется позитивная оценочная лексика, поскольку магистральной задачей киноаннотации является привлечение зрителей к просмотру фильма и его продвижение на кинорынке за счет создания положительного образа. Вместе с тем проведенное нами исследование позволило установить ряд интересных особенностей реализации негативнооценочных значений в киноаннотациях.

Актуальность установления закономерностей функционирования негативной оценки в текстах киноаннотаций обусловлена малой исследованностью данного вопроса и, как следствие, его неосвещенностью в современных лингвистических работах. Фактическим материалом нашего исследования послужили киноаннотации на английском и русском языках к художественным фильмам производства США, вышедшим в прокат в 2018–2020 гг.

При рассмотрении оценочных значений, реализуемых в киноаннотациях, мы опираемся на ранее установленную нами семантическую структуру аннотаций, содержащую три внутренних по отношению к сюжету фильма компонента (персонажи, действие, хронотоп) и один внешний (дополнительная информация).

Рассмотрим сначала компоненты аннотации, напрямую связанные с сюжетом фильма. Чаще всего негативнооценочные значения используются в компоненте «действие». Лексика такого типа востребована при описании возникших у персонажей тяжелых жизненных ситуаций, конфликтов и проблем, драматических и трагических событий: *sickening discovery* ‘отвратительное открытие’, *sadistic game* ‘садистская игра’, *terrifying scenario* ‘ужасающий сценарий’, *darkest secrets* ‘мрачайшие секреты’ (к/ф “Escape Room”); *страшные фотографии, леденящие душу звонки, страшная рана, жуткий заговор, извращенная игра* (к/ф “Wounds”).

Негативнооценочные значения также оказываются актуальными при характеристике и представлении персонажей определенного типа. В частности, для характеристики антагониста, или противника главного героя, используется исключительно негативная оценка, в то время как позитивная оценка практически невозможна: *a deadly enemy* ‘смертельный враг’ (к/ф “Shazam!”); *опаснейшие противники* (к/ф “BlacKkKlansman”). В представлении главных героев негативная оценка не распространена, однако в аннотациях к фильмам отдельных жанров, например, драмам, мелодрамам, встречается включение в характеристику главного героя негативнооценочных значений, преимущественно описывающих его жизненные трудности. В таком случае негативная оценка призвана не сформировать негативное отношение к персонажу, а индуцировать эмпатию, вызвать у реципиента сопереживание по отношению к герою, а также создать неоднозначный, амбивалентный образ. Например: *disenchanted* ‘разочарованный’ (к/ф “Under the Silver Lake”); *lonely* ‘одинокий’ (к/ф “Motherless Brooklyn”); *мученик* (к/ф “A Hidden Life”). Использование негативнооценочных значений для представления главного героя как отрицательного персонажа является скорее исключением и отмечено в крайне ограниченном количестве аннотаций, например: *the world’s most notorious serial killer* ‘самый скандально известный серийный убийца в мире’ (к/ф “Extremely Wicked, Shockingly Evil and Vile”).

Использование негативной оценки в компоненте «хронотоп» не распространено, но может быть вызвано сюжетными характеристиками фильма. Приведем примеры реализации негативнооценочных значений для представления места событий: *in an already struggling circus* ‘в цирке, испытывающем трудности’ (к/ф “Dumbo”); *опасные труппы Бруклина* (к/ф “Motherless Brooklyn”).

Наиболее интересным нам представляется вопрос реализации негативнооценочных значений в компоненте «дополнительная информация», включающем сведения о жанре фильма, задействованных в нем актерах, полученных кинопремиях, создателях фильма (режиссеры, продюсеры, авторы сценария, кинокомпания) и др. Именно здесь возникает некоторая прагматически парадоксальная ситуация. Рассматриваемый компонент должен быть идиосинкратичен по отношению к негативной оценке: оценка вышеназванных характе-

ристик фильма в определенной степени распространяется на фильм в целом, а киноаннотация, стремясь создать как можно более привлекательный образ фильма, не может давать ему негативную оценку. При этом на первый взгляд может показаться, что в отношении фильма использование негативной оценки возможно, например: *the darkest, creepiest, most shocking film in the series* ‘самый мрачный, самый жуткий, самый шокирующий фильм в серии’ (к/ф “The Grudge”); *mind-blowing mayhem* ‘умопомрачительный беспредел’ (к/ф “Overlord”); *creepy, thrilling, totally terrifying* ‘жуткий, захватывающий, совершенно ужасающий’ (к/ф “The Curse of La Llorona”); *беспощадный психологический хоррор* (к/ф “Escape Room”); *пугающий эротический триллер* (к/ф “High Life”). Приведенная оценочная лексика действительно имеет негативное значение согласно своей словарной дефиниции, однако в данном контексте важным для нашего исследования является положение Е. М. Вольф о том, что значение оценки по признаку «хорошо/плохо» в значительной степени определяется признаками объекта оценки, по которым он оценивается. Характеристика фильмов ужасов, триллеров, боевиков, экшнов и т. п. как страшных, ужасающих, шокирующих имеет позитивнооценочное значение, поскольку интерес к фильмам таких жанров связан именно с их пугающим, напряженным характером, и данные признаки свидетельствуют о привлекательности данных фильмов, особенно для любителей подобных жанров.

Любопытным представляется специфичный случай использования прилагательного *грустный*, имеющего негативнооценочное значение, в отношении актера: *возвращение грустного Бена Аффлекса* (к/ф “The Way Back”). Ввиду характерного для русскоязычных киноаннотаций синкретичного представления компонентов «персонажи» и «дополнительная информация», в результате которого имя персонажа заменяется именем актера, оценка становится двухфокусной и приобретает двухобъектный характер. В то время как формальным объектом оценки является актер (Бен Аффлек), реально в фокусе оценки находится представляемый актером персонаж. Таким образом, в киноаннотации дается положительная оценка игры актера и его способности передать образ грустного персонажа. Иными словами, негативнооценочное значение относится к компоненту «персонажи», а не к компоненту «дополнительная информация».

Подводя итоги, отметим, что использование негативнооценочных значений не противоречит ключевой коммуникативной интенции киноаннотаций и, аналогично позитивной оценке, направлено на создание необходимого образа фильма для привлечения зрительской аудитории. Негативнооценочные значения наблюдаются в трех из четырех структурных компонентов киноаннотаций, концентрируясь в компонентах, непосредственно связанных с сюжетом фильма. Во внешнем по отношению к сюжету компоненте реализация формально негативнооценочных значений носит парадоксальный характер, передавая в действительности положительную оценку или приобретая необходимую двухфокусность.

Д. Л. Тригубова, А. Будковская

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В СЛОГАНАХ АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Во многих университетах мира существует практика создания и использования специальных слоганов как элемента корпоративной культуры. Актуальность исследования особенностей употребления стилистических средств в слоганах университетов обусловлена интересом к их рассмотрению с точки зрения способов их воздействия на аудиторию и привлечения абитуриентов в условиях высокой конкуренции, вызванной разнообразием высших учебных заведений. Изучение слоганов университетов США представляется особенно любопытным в связи с их существованием на протяжении длительного времени и широким распространением.

Вслед за П. Деминым и С. Пашковой, мы трактуем слоган как распространенный атрибут символики университета; фразу, в которой в сжатом виде выражена ключевая идея учебного заведения. Основными свойствами слогана являются лаконичность, сжатая информативность и суггестивность, которые осуществляются в том числе за счет актуализации и комбинации различных стилистических приемов (О. В. Асташова).

В рамках нашей работы проведен анализ 50 слоганов американских университетов, представленных на официальных сайтах учебных заведений. Установлено, что в 98 % проанализированных слоганов используются различные стилистические приемы. Рассмотрим стилистические средства отобранных слоганов, функционирующие на каждом из уровней языковой системы: *графическом, фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом*. Классификация стилистических средств, используемая в данном исследовании, основывается на книге «Основные теории и практики стилистики английского языка» Н. В. Баниной, а также на научных статьях, посвященных исследованию стилистических средств в разных типах текстов.

Наибольшее количество выявленных стилистических средств относится к синтаксическому уровню. Такие средства выразительности содержатся в 70 % изученных слоганов. Репертуар средств на данном уровне составляет 11 единиц и включает эллипсис, параллелизм, парцелляцию, асиндетон, анафору, эпифору, композиционный стык, предложения побудительного характера, риторическое восклицание, инверсию, гипофору. Отмечено частое употребление эллипсиса (36 % всех средств данного уровня) для компрессии слогана за счет опущения тех частей, содержание которых легко восстанавливается из контекста. При этом из всех случаев употребления эллипсиса 32 % относится к использованию «самостоятельных придаточных» (термин Т. А. Стародубовой), представляющих собой придаточную часть эллиптического сложного предложения с подразумеваемой главной частью. Самой распространенной является самостоятельная придаточная места, используемая для описания преимуществ университета. По такой модели составлены, например, слоганы Орегонского университета здравоохранения

и науки *Where healing, teaching and discovery come together* 'Где исцеление, обучение и открытие объединяются', Университета Оклахома-сити *Where you're a name, not a number* 'Где ты имя, а не порядковый номер'. Восстановленная главная часть таких эллиптических сложных предложений могла бы звучать так: *Study in a place where...* 'Учитесь там, где...', *This is a university where...* 'Это университет, где...'. Возможно также употребление самостоятельной придаточной причины: *Because curiosity knows no age limit* 'Потому что любознательность не знает возрастных ограничений' (слоган Ошерского института непрерывного образования при Университете Клемсона). Главная часть в таком случае могла бы быть следующей: *You should study here because...* 'Вам стоит учиться здесь, потому что...'.

Относительно часто на синтаксическом уровне встречается сочетание парцелляции и параллелизма, придающее слогану семантическую яркость и выразительность. Приведем в качестве примеров слоганы *To Serve, To Lead, To Teach* 'Служить, вести за собой, учить' Университета Туро и *Advancing knowledge. Transforming lives. Who will? Spartans will* 'Углубляя знания. Трансформируя жизни. Кто сможет? Спартанцы смогут' Мичиганского государственного университета. Последний также содержит достаточно редкое стилистическое средство – гипофору, предполагающую вопрос оратора к себе с последующим ответом на него.

Стилистические приемы лексического уровня являются следующими по распространенности после синтаксического. 58 % слоганов содержит стилистические средства данного уровня. Согласно результатам анализа, репертуар средств на данном уровне включает восемь средств: метафору, аллюзию, оксюморон, эпитет, метонимию, каламбур и антитезу. Наиболее распространенным лексическим средством выразительности является метафора (61 % слоганов). Например: *The Spirit Makes the Master* 'Из сильных духом рождаются мастера своего дела', досл. *Дух создает мастера* (Университет западного Кентукки). Значимым является также оксюморон, используемый для создания запоминающегося образа за счет «сочетания несочетаемого»: *A private university with a public mission* 'Частный университет с общественной миссией' (Университет медицины и науки Чарльза Дрю).

Отдельно остановимся на употреблении аллюзии, представляющей собой отсылки к Библии и цитатам святых. Религиозные университеты могут прибегать к ней в своих слоганах для эффективного привлечения целевой аудитории – людей, хорошо знакомых с Библией и заинтересованных в получении образования с религиозным уклоном. Так, Христианский университет Колорадо использует в качестве слогана фрагмент *Grace and Truth* 'Благодать и истина' из Евангелия от Иоанна. Вместе с тем слоганы с аллюзией могут присутствовать и у светских университетов, например, *Pray and Work* 'Молись и трудись' (Университет Дэлхаузи). Это объясняется тем, что религия в течение значительного периода времени занимала ключевую позицию в системе ценностей американцев и поэтому способна формировать положительный образ учебного заведения.

Установлено, что 38 % слоганов содержат фонетические средства выразительности, репертуар которых составляет четыре средства и включает ритм, рифму, аллитерацию и ассонанс. Наблюдается тенденция употребления ритма по модели ямба или хоря: *To Serve, To Lead, To Teach* 'Служить, вести за собой, учить' (Университет Туро), *Truth and Wisdom* 'Истина и мудрость' (Университет Южной Флориды). На втором месте по распространенности находится аллитерация: *Be ready. Be responsive. Be resourceful* 'Будь готов. Будь отзывчив. Будь изобретателен' (Университет штата Вашингтон).

В отдельных слоганах возможно использование рифмы (8 % средств на данном уровне) для придания или усиления эмоционально-экспрессивного оттенка, например: *Ever better* 'Еще лучше' (Университет Рочестера), *IU focused on you* 'IU сосредоточен на тебе' (Восточный университет Индианы). Последний слоган представляется особенно интересным, поскольку в рифму включается аббревиатура названия университета.

Графические стилистические средства обнаружены в 36 % исследованных слоганов и преимущественно связаны с ненормативным использованием капитализации. Наиболее распространена начальная капитализация, составляющая 67 % средств на данном уровне, например: *Science, Art, Industry* 'Наука, Искусство, Промышленность' (Университет Нью-Гэмпшира). Встречается также полная капитализация: *BE PROUD* 'БУДЬТЕ ГОРДЫ' (Университет Маршалла). Интересным в данном контексте является слоган Айдахского университета *BRAVE. BOLD*. Полная капитализация здесь сочетается с использованием слова *bold*, одним из значений которого является 'жирный', если речь идет о шрифте. Таким образом, яркое и выразительное графическое оформление слогана подкрепляется лексическим значением слова. Одновременно *bold* является синонимом слова *brave*, используемого в первой части слогана и означающего 'храбрый'. За счет многозначности слова *bold* в слогане реализуется каламбур. Отметим, что данный слоган является одним из наиболее стилистически насыщенных и включает характерные для многих слоганов парцелляцию и параллелизм, а также бессоюзие и эллипсис.

Самыми немногочисленными оказались морфологические средства выразительности, выявленные лишь в 8 % изученных слоганов. В отдельных слоганах наблюдаются случаи морфологических повторов, преимущественно суффиксальных: *Spiritual and intellectual light* 'Духовный и интеллектуальный свет' (Университет Элона в Северной Каролине), *Always onward toward better things* 'Всегда вперед к лучшему' (Пенсильванский университет). Слоган Доминиканского университета Огайо *To contemplate truth and to share with others the fruits of this contemplation* 'Созерцать истину и делиться с другими плодами этого созерцания' содержит кольцевой корневой повтор.

Таким образом, анализ слоганов американских университетов позволяет установить, что стилистическая выразительность является их обязательной характеристикой. Наиболее широко распространены синтаксические стилистические средства, за ними следуют лексические и фонетические, а самыми немногочисленными оказались стилистические приемы на графическом и морфологическом уровнях языковой системы.

Д. Л. Тригубова, А. Цыкунова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В КИНОЗАГОЛОВКАХ

Данная исследовательская работа посвящена установлению и раскрытию закономерностей функционирования имен собственных (онимов) в заголовках современных американских фильмов, а также описанию специфичных случаев их употребления. Актуальность темы определяется ростом научного интереса к кино не только как к особому виду аудиовизуального искусства, но и как к объекту лингвистического исследования. Значительное внимание уделяется рассмотрению особенностей кинозаголовков. Вместе с тем функционирование онимов в рамках кинозаголовков является относительно малоизученным.

В качестве теоретического материала исследования нами был использован «Словарь русской ономастической терминологии», составленный Н. В. Подольской. Классификация онимов, предложенная автором, легла в основу установления видов онимов, выявленных в кинозаголовках. Все приведенные в работе определения разновидностей онимов взяты из данного словаря. В качестве фактического материала исследования использованы заголовки 100 популярных художественных фильмов, выпущенных в США в 2021 году. Источником материала стала англоязычная онлайн-база данных о кинофильмах imbd.com.

Под кинозаголовком вслед за В. Е. Анисимовым мы понимаем основную функционально-прагматическую единицу кинотекста, называющую кинофильм. По утверждению автора, кинозаголовок пробуждает интерес потенциального зрителя и создает определенные ассоциативные связи с сюжетом фильма, его действующими лицами, актерами, поднимаемыми проблемами и основными мыслями, транслируемыми создателями фильма. Кинозаголовок служит своеобразным ключом к пониманию и интерпретации фильма, предваряя его события, эксплицитно или имплицитно раскрывая его содержание и смысл. Изучение функционирования онимов в кинозаголовках представляется нам особенно интересным, поскольку название кинофильма само по себе является именем собственным – фильмонимом (термин Ю. Н. Подымовой), и, таким образом, объектом нашего исследования выступают «онимы внутри онимов».

Рассматривая художественные фильмы как своего рода художественные произведения, имеющие сюжет, персонажей, место и время событий и т. д., мы можем полагать, что онимы, используемые в кинофильме, являются поэтонимами, или поэтическими онимами. В связи с этим включенные в кинозаголовок имена собственные, фигурирующие в самом фильме и непосредственно связанные с его сюжетом, мы будем относить к поэтическим онимам.

Согласно расчетам, 32 % исследованных заголовков включают различные онимы. Всего выявлено 33 онима, т. е. заголовки могут содержать

несколько имен собственных. Из 32 кинозаголовков, содержащих имена собственные, 12 фильмонимов (37,5 %) состоят исключительно из онимов других разновидностей, например: к/ф *Spencer* ‘Спенсер’, к/ф *Nightmare Alley* ‘Аллея Кошмаров’. В 20 случаях (62,5 %) онимы являются составной частью кинозаголовков: к/ф *Clifford the Big Red Dog* ‘Большой красный пес Клиффорд’, к/ф *Munich: The Edge of War* ‘Мюнхен. На грани войны’.

Выделенные в кинозаголовках онимы можно условно поделить на две основные группы:

- имена собственные людей или иных живых существ (антропонимы, зоонимы) – 78,8 % от общего количества онимов;
- названия локаций (хоронимы, годонимы, ойконимы) – 21,2 % от общего количества онимов.

К первой группе относятся 26 собственных имен людей или иных живых существ. Все имена в данной группе являются поэтическими, так как имеют прямое отношение к сюжету и называют ключевых персонажей фильма. Из 26 онимов три являются поэтическими зоонимами (11,5 % от онимов в данной группе): *Clifford* ‘Клиффорд’ (к/ф “Clifford the Big Red Dog”), *Godzilla* ‘Годзилла’, *Kong* ‘Конг’ (к/ф “Godzilla vs. Kong”). Еще 23 онима относятся к категории поэтических антропонимов, причем 16 из них (69,6 %) являются реально существующими именами, используемыми в реальной жизни, например: *Kate* ‘Кейт’ (к/ф “Kate”), *Zack Snyder* ‘Зак Снайдер’ (к/ф “Zack Snyder’s Justice League”), *Ron* ‘Рон’ (к/ф “Ron’s Gone Wrong”). Семь антропонимов (30,4 %) созданы специально для конкретного кинопроизведения. Такие имена преимущественно представляют собой особую разновидность антропонима – псевдонимы и прозвища: *Spider-Man* ‘Человек-паук’ (к/ф “Spider-Man: No Way Home”), *Cruella* ‘Круэлла’ (к/ф “Cruella”), *Black Widow* ‘Черная Вдова’ (к/ф “Black Widow”), *The Green Knight* ‘Зеленый рыцарь’ (к/ф “The Green Knight”). Одновременно выявленные нами псевдонимы относятся к именам-характеристикам, т. е. являются семантически прозрачными поэтическими именами, характеризующими кого-либо, подчеркивающими или преувеличивающими его качества. Так, например, оним *Cruella* ‘Круэлла’ содержит в себе указание на то, что главная героиня характеризуется как *cruel* ‘жестокая, бессердечная’. Псевдоним *Spider-Man* ‘Человек-паук’ указывает на специфику супергеройских способностей персонажа, схожих со способностями паука.

Четыре онима не только представляют собой имена и/или фамилии главных героев фильма, но и являются именами реально живших или живущих людей, биографиям которых посвящен фильм: *Gucci* ‘Гуччи’ (к/ф “House of Gucci”), *Richard* ‘Ричард’ (к/ф “King Richard”), *Spencer* ‘Спенсер’ (к/ф “Spencer”), *Tammy Faye* ‘Тэмми Фэй’ (к/ф “The Eyes of Tammy Faye”).

Интересны два гибридных онима, одновременно представляющие собой и антропонимы, и онимы других видов. Так, оним *Gucci* ‘Гуччи’ является итальянской фамилией и называет итальянский дом моды, функционируя таким образом и как антропоним, и как эргоним (имя собственное делового объединения людей, организации, учреждения, корпорации, предприятия,

заведения). *Jeepers Creepers* ‘Джиперс Криперс’ – название популярной джазовой песни, что позволяет рассматривать его как артионим (имя собственное произведения изобразительного искусства), и одновременно *The Creeper* ‘Крипер’ – имя демонического существа, задействованного в фильме, т. е. антропоним.

Ко второй группе онимов, выявленных в кинозаголовках, относятся топонимы, или названия мест и локаций. Топонимы отмечены в 7 % заголовков и составили 21,2 % от всех онимов. В данной группе мы можем выделить следующие разновидности онимов:

- три ойконима, или 42,9 % от онимов в данной группе, представляющие собой имена собственные поселений: *Newark* ‘Ньюарк’ (к/ф “*The Many Saints of Newark*”), *Munich* ‘Мюнхен’ (к/ф “*Munich: The Edge of War*”), *Lakewood* ‘Лейквуд’ (к/ф “*Lakewood*”);

- три хоронима, или 42,9 %, называющие территории, области, районы: *West Side* ‘Вест-Сайд’ (к/ф “*West Side Story*”), *The Heights* ‘Хайтс’ (к/ф “*In the Heights*”), *Encanto* ‘Энканто’ (к/ф “*Encanto*”);

- один годоним, или 14,2 %, представляющий собой собственное имя внутригородского линейного объекта – проспекта, улицы, переулка, проезда: *Nightmare Alley* ‘Аллея Кошмаров’ (к/ф “*Nightmare Alley*”).

Шесть из семи выявленных топонимов (85,7 %) напрямую называют место событий фильма. Один топоним в данной группе – *Nightmare Alley* ‘Аллея Кошмаров’ – носит метафорический характер и, на наш взгляд, использован в названии, чтобы усилить таинственное, пугающее, меланхоличное изображение персонажей и сюжета в целом. Данное имя собственное представляет собой метафорический топоним, будучи разновидностью метафорического имени.

Проанализировав полученные результаты, мы можем сделать вывод, что использование онимов в кинозаголовках достаточно распространено. Наиболее характерно включение антропонимов, а также возможно употребление топонимов. Чаще всего оним имеет прямое отношение к сюжету и называет имя главного персонажа или место, где происходят события в фильме. Перспективой является расширение фактической базы исследования, включение в нее других языков и сопоставление функционирования онимов в кинозаголовках на двух языках в переводческом аспекте.

А. О. Тригубович

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В современном языкознании нет единого подхода к определению «реалий», что связано с необъятным количеством значений, вкладываемых линг-

вистами в это понятие. Тем не менее вопрос определения, классификации и передачи реалий средствами языка перевода остается одним из наиболее важных в переводоведении, что обусловлено высокой распространенностью данного пласта лексики в текстах различных типов дискурса и необходимостью сохранения страноведческой и национально-культурной специфики лексем языка оригинала при переводе средствами другого языка.

Существуют различные способы определения понятия «реалия», однако в данном исследовании предлагается использовать подход С. Влахова и С. Флорина, которые выделяют их в особую категорию средств выражения. Под реалиями они понимают «слова и выражения, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе».

В рамках предметной классификации большинство авторов выделяют географические, этнографические и общественно-политические реалии. Объектом данного исследования служат общественно-политические реалии, выступающие частью общественно-политической лексики и отражающие специфические для данной страны явления и понятия из общественно-политической сферы. Такие лексические единицы отражают особенности административно-территориального устройства, органов и носителей власти, военной и политической деятельности, общественных движений, социальных явлений, а также номинируют политических и общественных деятелей, звания, степени, титулы, обращения, учреждения, учреждения образования и культуры, сословия и касты.

Выбор общественно-политических реалий в качестве объекта данного исследования обусловлен тем, что политическая сфера, будучи одной из важнейших сфер жизни общества, находит широкое отражение в публицистическом дискурсе. Средства массовой информации освещают проблемы внутренней, внешней и международной политики, являются главным источником политической информации, что, в свою очередь, влияет на формирование политического сознания. Объем издаваемых и публикуемых в интернет-пространстве общественно-политических текстов (статей, мнений, интервью, критических, сатирических материалов, обзорной, аналитической, статистической информации), ориентированных на иноязычных читателей, достаточно велик и, по мере роста международных связей, продолжает увеличиваться. Переводчик, таким образом, несет ответственность за достоверность и точность информации, которую получают читатели. Соответственно, огромное значение приобретает знание и понимание общественно-политических реалий переводчиком, т.к. слова-реалии несут социокультурную фоновую информацию, важную для понимания общего смысла текста, в том числе и имплицитного, поскольку они связаны с определенными ассоциациями для носителей языка.

В настоящее время существует множество исследований, посвященных вопросу классификации способов передачи слов-реалий средствами языка перевода. В качестве основных большинство авторов выделяют следующие: транскрипция и транслитерация, калькирование, экспликация (может быть представлена внутритекстовым переводческим комментарием), конкретизация и генерализация значений (при помощи добавлений, опущений или родовидовой замены), использование функционального аналога, контекстуальная замена (трансформация) и опущение реалии.

Материалом для практической части данного исследования послужили англоязычные статьи общественно-политического характера онлайн-версий издательств Daily Mail и The Guardian, а также их русскоязычные переводные аналоги, представленные онлайн-издательством «Инопресса».

В ходе сравнения оригиналов статей и их переводных аналогов было обнаружено, что одними из наиболее распространенных способов передачи реалий, в том числе общественно-политических, являются транскрипция и транслитерация, которые зачастую используются при передаче ономастических реалий:

People who were using Facebook, people who were using TikTok, and people who were using Snapchat were substantially more likely to come back and tell us they felt depressed the next time they filled out the survey. ‘Пользователи социальных сетей «Фейсбук» и «ТикТок», а также приложения «Снэпчат» с гораздо большей вероятностью говорили нам, что чувствуют себя подавленными, когда они заполняли анкету во второй раз.’

В данном примере при переводе также целесообразно использовать прием конкретизации (добавления), учитывая, что не вся целевая аудитория может владеть информацией о вышеуказанных социальных сетях и мобильном приложении.

В следующем примере переводчик прибегнул к целому комплексу способов передачи реалии в виде прямых словарных соответствий в сочетании с опущением и калькированием:

‘We are raising the real concern that we could have a shortage of immunization syringes, which would in turn lead to serious problems,’ claimed Lisa Hedman, WHO senior advisor to the Division of Access to Medicines and Health Products. ‘«Мы выражаем реальную обеспокоенность в связи с нехваткой шприцев для проведения иммунизации, что, в свою очередь, может привести к серьезным проблемам», – заявила Лиза Хедман, старший советник ВОЗ по вопросам доступа к лекарствам и продуктам здравоохранения’.

В следующем примере очень удачно используется прием конкретизации в виде добавления названия страны, о главе вооруженных сил которой идет речь:

‘UK must be ready for war with Russia,’ says armed forces chief ‘«Великобритания должна быть готова к войне с Россией», – предупреждает глава вооруженных сил Соединенного Королевства.’

Прием калькирования, который зачастую способствует сохранению специфической эмоциональной окрашенности реалии, также является довольно распространенным при переводе общественно-политических реалий:

The outgoing head of the UK's armed forces has said the military will have to be ready for war with Russia after recent tensions in eastern Europe, but he does not believe Vladimir Putin really wants "hot war" with the west 'Уходящий в отставку глава вооруженных сил Великобритании заявил, что вооруженные силы страны должны быть готовы к войне с Россией после напряженности последнего времени в Восточной Европе, но он не верит, что Владимир Путин действительно хочет «горячей войны» с Западом.'

EU countries must stand together in the face of a "hybrid threat" posed by "politically organised migration" 'Страны ЕС должны объединиться перед лицом «гибридной угрозы», исходящей от «политически организованной миграции».'

Применение экспликации (в том числе внутритекстового комментария) можно зачастую наблюдать при переводе общественно-политических реалий, которые не имеют устойчивых эквивалентов в языке перевода и требуют пояснения с целью максимальной смыслопередачи:

Robertson also recalled how he became the first and only Nato secretary general to invoke Nato's collective defence clause, known as article five, in the wake of the 9/11 attacks 'Робертсон также отметил, что он был первым и единственным генеральным секретарем НАТО, который в результате терактов в США, произошедших 11 сентября 2001 года, апеллировал к применению статьи № 5 Североатлантического договора о коллективной безопасности (ст. 5 договора предусматривает создание системы коллективной защиты: стороны договора соглашаются, что вооруженное нападение на одну или несколько стран-участниц будет рассматриваться как нападение на них всех, и, если такое произойдет, каждая страна в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную оборону поможет жертве агрессии, в том числе с применением вооруженной силы).'

Общественно-политические реалии, в силу своей употребительности и характерной для них страноведческой и культурно-национальной специфики, безусловно, представляют определенную сложность при переводе публицистических текстов. Существует множество способов передачи общественно-политических реалий средствами языка перевода. Окончательный выбор того или иного способа стоит за переводчиком в зависимости от, главным образом, типа реалии, степени ее узнаваемости целевой аудиторией, наличия необходимых фоновых знаний и особых целей, стоящих перед переводчиком в процессе текстопередачи (сохранение или усиление эмоциональной окрашенности, особого колорита реалии, передача имплицитной информации и др.).

ОБУЧЕНИЕ УПОТРЕБЛЕНИЮ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Синтаксическая система английского языка обладает своими уникальными чертами. Одной из ее особенностей является функционирование предикативных конструкций наряду с другими синтаксическими единицами, такими как словоформа, фраза и предложение. Предикативные конструкции широко освещены в научной литературе и учебных пособиях, однако зачастую представленная информация разнится. Тем не менее во всем этом многообразии точек зрения можно выделить общие характеристики предикативных конструкций вне зависимости от их типа:

- состоит из двух компонентов (чаще всего именного и отглагольного);
- компоненты конструкции находятся в отношениях предикации;
- отношения предикации между компонентами формально не выражены;
- предикативность проявляет себя не прямо, а опосредованно, через глагол-сказуемое.

В английском языке все предикативные конструкции можно разделить на две большие группы:

- предикативные конструкции с неличными формами глагола;
- предикативные конструкции, в которых второй компонент выражен другими частями речи (прилагательными, наречиями, предлогами, предложными фразами);

Также возникает вопрос, относить ли к предикативным конструкциям фразы с отглагольными существительными типа *his arrival*, *her appointment* и т.п., так как они также опосредованно обладают признаком предикативности.

Трудности при обучении употреблению предикативных конструкций связаны с

- отсутствием подобных конструкций в родном языке (русском или белорусском);
- неумением студента различить структурные типы синтаксических функций (такое часто наблюдается при частеречном подходе);
- неумением определить семантические отношения между компонентами предложения
- омонимией форм в английском языке, например, формы герундия, причастия и отглагольного существительного на *-ing*, формы личных и притяжательных местоимений (*her*).

Существует два основных подхода к обучению грамматике и предикативным конструкциям, в частности, индуктивный и дедуктивный. При индуктивном подходе студент сначала знакомится с фактами языка, отражающими то или иное грамматическое явление. Далее учащимся проводится анализ данного явления, на основе которого выводятся закономерности его употребления в речи, т. е. правило. Дедуктивный метод предполагает представление учащимся правил и впоследствии эти правила отрабатываются на конкретных фактах языка (А. П. Пузанов).

Рассмотрим целесообразность того или иного метода при обучении предикативным конструкциям. При индуктивном подходе студент сначала встречает предикативные конструкции (как правило) в тексте, т. е. в речи. Такой подход формирует у студента представление о наиболее типичных контекстах, где могут встретиться предикативные конструкции, что способствует пониманию важности и актуальности изучения конструкций при овладении современным английским языком. Однако в данном случае нет дифференциации между конструкциями и словосочетаниями. По умолчанию они все представлены как единицы одного уровня. При этом часто студенту предлагается найти в тексте только часть этой конструкции, т. е. неличную форму. Вопрос, как идентифицировать конструкции без неличных форм глагола, остается открытым. К тому же, в учебниках, основанных на индуктивном подходе к грамматике, такие конструкции не были найдены. На наш взгляд, при обучении предикативным конструкциям приоритет стоит отдать дедуктивному методу, согласно которому студенты изучают общие принципы функционирования и структуры предикативных конструкций и только затем используют их в речи.

При работе с конструкциями в контексте первое, на что стоит обратить внимание, – это форма компонентов и порядок их следования. Студенту необходимо выявить комбинации (словосочетание) именной части речи и неличной формы глагола. При этом обязательным условием здесь является предшествование именного компонента отглагольному. Возьмем в качестве примера два предложения: *The man reading a newspaper was my friend.* и *I saw the man reading a newspaper.* Приведенные выше предложения соответствуют данному условию: оба содержат комбинацию соответствующих компонентов.

Далее необходимо провести анализ тех отношений, которые установились между компонентами исследуемой нами комбинации слов. Именной компонент должен представлять деятеля, который выполняет действие, обозначенное неличной формой глагола, т. е. между компонентами должны быть предикативные отношения. Стоит отметить, что и это условие выполняется в представленных выше примерах.

И третье, комбинация анализируемых слов должна выполнять одну единственную функцию. А вот здесь как раз и есть расхождения. В предложении *The man reading a newspaper was my friend.* компоненты выполняют разные функции: *the man* является подлежащим; *reading a newspaper* – определением. В противном случае получилось бы, что чтение мужчиной газеты является моим другом, а не сам человек. В предложении *I saw the man reading a newspaper* я наблюдаю целое событие, чтение мужчиной газеты. Отсюда можно сделать вывод, что это предложение содержит предикативную конструкцию. Как видно из приведенных выше примеров, функциональный подход представляется чрезвычайно важным при обучении предикативным конструкциям. Ведь, если мы будем идти от формы и пытаться определить функцию каждой, мы не сможем дифференцировать структуры разных уровней в пределах одного предложения. Также для дифференциации предикативных конструкций и словосочетаний довольно успешно, на наш

взгляд, могут быть применимы и принципы, используемые генеративной грамматикой, где структуры различной степени сложности выводятся путем трансформаций из так называемых ядерных структур. Например: *I noticed that he arrived home yesterday.* – *I noticed him arrive home yesterday.* – *I noticed his arrival home yesterday.*

Таким образом, успешное усвоение предикативных конструкций требует учета следующих факторов: формальных характеристик (форма); отношений компонентов внутри грамматической структуры (структурный тип); синтаксических характеристик (функция); взаимосвязи грамматических структур различного уровня (трансформационный потенциал).

И. В. Чучкевич, А. А. Плешевеня

ДЕНОТАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ

Проблема отражения в тексте мира действительности тесно связана с проблемой изучения денотативного пространства текста. Это является причиной актуальности исследований в данной области.

Материалом нашего исследования послужило денотативное пространство текста научно-популярных статей, взятых из журнала *Discover*.

Денотативная структура текста обозначает структуру, составляющую совокупность денотатов, связанных с предметными отношениями в целостном семантическом комплексе, отображаемых в ситуации языковыми единицами (А. И. Новиков) Денотативная структура текста представляет план содержания текста и может отражать только небольшую часть связи между денотатами, что и является фрагментами действительности. Для того чтобы понять текст, нужно видеть то, как связаны эти фрагменты действительности. Стоит упомянуть, что смысловая нагрузка текста не является равномерной, поэтому важно определить единицы, которые бы являлись наиболее значимыми для понимания текста. По мнению достаточно широкого круга ученых, таковыми единицами являются ключевые слова.

Ключевые слова несут в себе наибольшую информативность, а также могут суммировать смысл текста. Е. М. Кузичева описывает ключевые слова как «веху, указывающую на те или иные компоненты текста, обладающие важным значением для понимания текста как целого».

К сожалению, единой методики по выявлению ключевых слов в тексте не существует. Но в ходе многочисленных исследований были выделены следующие методики: лингвистическая, статистическая, или частотная, машинная и смешанная. Лингвистический метод предполагает морфологический, структурный, синтаксический анализ текста. Лингвистические методы основываются на значениях слов, используют онтологии и семантические данные о слове. К сожалению, эти методы слишком трудоемки на ранних этапах: разработка онтологий, к примеру, весьма трудозатратна (О. Ю. Лазарева).

Статистический метод получил широкое распространение благодаря своей простоте реализации, так как единственным параметром для определения слова к множеству ключевых слов является частота его употребления. Частотный критерий при выявлении ключевых слов является более простым и сподручным. Однако частоту встречаемости нельзя назвать надежным критерием, поскольку в таком случае принимается во внимание не план содержания текста, а план его выражения. На наш взгляд, целесообразно учитывать также и семантический критерий при установлении наиболее частотных смысловых единиц и представить данный метод не как метод отбора ключевых слов, но как метод отбора ключевых денотатов.

Рассмотрим процедуру выявления денотативных областей на примере статьи «Plants may help make your surrounding quieter» by Leslie Nemo. Данный процесс можно разделить на несколько этапов.

Первый этап включает в себе обработку, форматирование текстового документа и приведение его к формату, пригодному в дальнейшем для обработки и распознавания. На этапе подготовки текста к дальнейшему распознаванию производится лексический и морфологический анализ.

Второй этап – это непосредственное выделение ключевых слов. Также на этом этапе проводится сравнение слов, которые могли бы быть емкими лексическими единицами, с эталонным списком ключевых слов. На этом этапе выходит значительный объем единиц:

Noisy, terrible, to sleep, is, noise, pollutant, noise, is, declared, is, banning, muffle, researcher, investigate, studies, greenery, noise, suggested, reduce, foliage, mufflers, studying, interact, pieced, leaves, sound, sound, quiver, waves, making, dissipates, leaves, sound, directions, deflect, bouncing, studies, trees, noise, Labs, researchers, noise, documenting, reduce, simulate, measure, research, study, noise qualities, volume, did, comparing, cut, noise pollution, cacophony of sounds, car, University of Montreal, is, can't, cruising down, noise, directions, means, coming, information, vegetation, noise, Smargiassi, regarding, reduce, says, plants, noise, mask, depends, planted, chosen, dense hedges, noise, better, Kang, blocking off, says, study, sound, layouts, deep, managed, were, branches, foliage, spaces, sound, to extend, to avoid, whistle through, lack, foliage, sounds, ways, can block, combined, landscaped, sound barriers, craft, studies, greenery, architects, Kang, do, see, is, is not designed, says, Kang, designing, greenery, sounds, notes, to keep out loud, isn't taught, not that well-known, Kang, is, says, struggle, sound barrier, noise problems, behave differently, could have, potential, sound buffers, construct, designers, sound, take advantage, perceive, study, Kang, lilac plantings, noise, found, reported, being less annoyed, uncommon, Kang, often, designing, says, could put, peace and quiet, we, crave.

На третьем этапе происходит упорядочивание списка полученных ключевых слов, возможна некоторая визуализация этого списка, а также его сокращение и распределение. На этом этапе нами была исключена всякая лексика, которая повторялась менее трех раз или встречалась исключительно

в одном абзаце. Также была вычеркнута косвенная речь (*he/she said that...*), так как это способ введения в текст статьи чужую речь, а не само ее содержание.

study\investigate\research – изучать, исследование

greenery\foliage\ tree – зелень, листва, деревья

is\to be – есть, являться

reduce\block off – сократить, заблокировать

На этапе упорядочения списка ключевых денотатов была использована следующая формула, которая помогает определить коэффициент важности ключевых слов (В. В. Зубов):

$K = (F \times M / N \times n)$, где

F – абсолютная частота слова в тексте (в нее входит суммарная частота всех синонимов слова и его местоименных замен);

M – число абзацев, в которых встречалось слово;

N – общее число слов в тексте;

n – общее число абзацев в тексте;

K – коэффициент важности слова.

После применения данной формулы были получены следующие данные:

Greenery\foliage\ tree $K = 0,0234352256186317$

sound $K = 0,0186317322$

noise $K = 0,0174672489082969$

reduce\block off $K = 0,0139737991266376$

is\to be $K = 0,0151382823871907$

researcher $K = 0,0050946142649199$

study\investigate\research $K = 0,0034934497816594$

В результате нам удалось выявить следующие денотативные области, представленные посредством полученных нами ключевых денотатов. Рядом указаны количество абзацев и количество повторений в тексте.

Greenery\foliage\ tree (23, 7) – окружающая среда

sound (16, 7) – физическое явление;

noise (15, 8) – физическое явление;

reduce\block off (16, 6) – человеческая деятельность;

is\to be (8, 5) – тождество;

researcher (7, 5) – вербальное информирование;

study\investigate\research (6, 4) – вербальное информирование.

После выявления денотативных областей был высчитан процент частотности указанных денотативных областей: природа (25,49 %), человеческая деятельность (16,99 %), тождество (13,4 %), человек как живое существо (9,08 %), место (8,81 %), универсальные смыслы и отношения (7,39 %), социальная сфера (3,69 %), вербальное информирование (3,54 %), энергия (2,8 %), физическое явление (2,59 %), прием пищи (2,01 %), болезни (1,16 %), время (0,84 %), население (0,79 %), нация (0,69 %), материал (0,42 %), вещество (0,32 %).

Круглый стол
«МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ
В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ»

И. М. Антошина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ЧТЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Информатизация современного общества и повышение требований к уровню языкового образования учащихся, способных к компетентным действиям в быстро меняющейся социально-экономической ситуации сегодняшнего инновационного и информационного общества с его ярко выраженными интеграционными процессами, определяют актуальность и многоаспектность проблемы использования электронных средств обучения (ЭСО) в процессе овладения иноязычным общением. Как известно, современные учащиеся постоянно окружены техническими приспособлениями разного рода, которые создают возможность нахождения в информационно-коммуникационной среде, ставшей неотъемлемой частью их жизни.

В настоящее время несомненным остается тот факт, что именно чтение является важнейшим средством интеллектуального и культурного развития учащихся, формой межкультурного общения в различных сферах (социальной, личной, академической, профессиональной).

Известно, что чтение на иностранном языке как интеллектуальная, активная, творческая деятельность всегда имеет целью не просто «считывание» информации, но ее активную смысловую переработку, интерпретацию в конкретной ситуации, оценку учащимися с позиции личностного смысла (значимость, необходимость информации, интерес и т.д.). Читая, учащиеся не только приобщаются к новому для них миру, но и начинают ориентироваться в нем, учатся определять общечеловеческие ценности и, как правило, получают моральное удовлетворение от самого процесса чтения.

В повседневной жизни учащиеся постоянно сталкиваются с необходимостью владеть всеми видами чтения (*изучающим, ознакомительным, просмотровым, поисковым*). Очевидно, что научиться читать иноязычные тексты означает овладеть определенными умениями и стратегиями чтения, характерными для выбранного вида чтения. Так, для *изучающего* чтения необходимо уметь не только полно и точно понимать информацию, но и критически ее осмысливать, глубоко проникать в содержание и смысл читаемого текста, давать оценку авторскому замыслу и др. Надо сказать, что диапазон использования изучающего чтения довольно широкий. Он вклю-

чает чтение правил, инструкций, документов, учебных пособий и учебно-справочных материалов, проектов, исследований, художественных произведений, критическую оценку СМИ и др.

Целью и результатом ознакомительного чтения является понимание основного содержания текста, включая тему, ключевые положения и раскрывающие их факты, наиболее важные детали, основную линию аргументации, выводы автора. Практика показывает, что для общего понимания содержания учащиеся обычно читают книги, журналы, материалы художественной, общественно-политической, научно-популярной литературы, информацию СМИ в интернет-источниках и др.

Просмотровое чтение имеет целью составить представление о тематике статьи, книги, журнала, определить целесообразность знакомства с содержанием. Соответственно, оно чаще всего связано с подбором информационного материала, обзором публикаций в ходе выполнения или разработки проектов, выбором необходимых источников с просмотром рекламных изданий, журналов, газет, интернет-источников для ориентации в новой информации и др.

В свою очередь поисковое чтение предполагает наличие у учащихся умений находить в тексте определенную/нужную информацию (конкретные данные, определения, формулировки и др.).

Следовательно, в процессе чтения на иностранном языке (ИЯ) для учащихся важно уметь выделять главное и исключать второстепенное, выявлять наиболее значимую информацию, находить в тексте основные факты (аргументы), устанавливать связь между частями текста, логику изложения (рассуждения), предвосхищать возможные события (факты, аргументы), сжимать и расширять текстовый материал, искать примеры в тексте, формулировать аргументы, делать выводы и др.

На наш взгляд, с целью повышения эффективности процесса чтения иноязычных текстов особую значимость приобретает внедрение в образовательный процесс современных электронных средств обучения (ЭСО).

Использование ЭСО в процессе иноязычного чтения позволит активизировать мыслительную деятельность учащихся, обеспечить реализацию индивидуализированного и дифференцированного подходов, а также интенсификацию самостоятельной работы учащихся с аутентичным текстом. В связи с этим каждый учащийся сможет выбирать свой маршрут чтения, прокладывая собственный путь проникновения в содержание информации, которая может быть представлена в различных форматах (текст, звук, видео, графика, анимация). При этом интерпретация извлекаемой информации будет зависеть от читательской активности учащихся, их действий по смысловому пространству гипертекста в разных направлениях и по разным путям.

Кроме того, ЭСО способствуют повышению мотивации и интереса учащихся, уровня их социокультурной компетенции и информационной культуры, расширению общего и лингвистического кругозора, словарного запаса, созданию информационно-коммуникационной образовательной среды.

В работе с иноязычным текстом особое значение играет процесс активного получения информации, предполагающий развитие у учащихся умений структурировать, обрабатывать, критически воспринимать и переосмысливать содержащуюся в тексте информацию и др. С этой целью можно использовать блоги (в частности, блог учителя), вики, твиттеры, генераторы заданий по тексту (<http://www.textivate.com/>), веб-задания определенных форматов, например: 1) хотлист представляет собой список ссылок на текстовые интернет-ресурсы, подлежащие изучению; 2) мультимедийный скреэпбук иллюстрирует список ссылок на мультимедийные ресурсы; 3) трэжа-хант содержит ссылки на различные сайты по изучаемой теме, снабженные вопросами; 4) сабжект-сэмпла включает ссылки на текстовые и мультимедийные источники, снабженные вопросами и предполагающие формулирование собственного мнения; 5) веб-квест – список ссылок на мультимедийные и текстовые источники, сформулированные вопросы по разделам, задание на формулирование собственного мнения и общий вопрос дискуссионного характера (П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев).

Следует отметить, что каждый из названных выше средств решает свои специфические задачи. Так, хотлист способствует развитию у учащихся умений осуществлять поиск информации, выделять ключевые слова, определять тему/проблему, отделять основную информацию от второстепенной, фиксировать важную информацию из прочитанного текста, подробно/кратко излагать содержание прочитанного. Мультимедийный скреэпбук, в свою очередь, обеспечивает развитие у учащихся, помимо перечисленных выше умений, также умения обобщать содержащуюся в тексте информацию, фиксировать необходимую информацию из прочитанного и т.п. Обращение к блогу формирует у учащихся такие важные умения чтения, как выделять необходимые факты/сведения; извлекать необходимую/интересующую информацию; оценивать важность информации и др.

Систематическое и целенаправленное применение электронных средств обучения позволит учителю эффективно развивать у учащихся умения и стратегии чтения в работе с иноязычными аутентичными текстами и повысить их мотивацию к деятельности чтения, выстраивая автономную образовательную траекторию с учетом своих индивидуальных потребностей.

И. В. Чепик

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ УЧАЩИХСЯ КУЛЬТУРЕ ИНОЯЗЫЧНОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ НА ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ЗАНЯТИЯХ

Проектная деятельность в обучении учащихся культуре иноязычного речевого общения в рамках факультативных занятий ориентирована на вов-

лечение каждого учащегося в активный познавательный процесс, на развитие коммуникативных умений разных видов речевой деятельности, которые способствуют реализации образовательных, воспитательных и развивающих целей.

Сущность использования проектной технологии на факультативных занятиях состоит в том, что цель занятий, приемы и способы ее достижения должны определяться самим учащимся на основе его интересов, индивидуальных особенностей, потребностей, мотивов, способностей. Проектная деятельность на факультативных занятиях позволяет органично *интегрировать* знания учащихся из разных областей при решении одной проблемы, дает возможность применять полученные знания на практике, генерируя при этом новые идеи. Проектная работа активизирует процесс иноязычного речевого общения, развивает у учащихся умения самостоятельной учебно-познавательной деятельности и др.

Факультативные занятия в проектной форме не только способствуют систематическому освоению знаний, но и *целенаправленно формируют* функциональную грамотность (ФГ) в области коммуникации на иностранном языке (ИЯ). Основная ценность проектного обучения состоит в том, что оно ориентирует учащихся на создание *образовательного продукта*, а не только на изучение определенной темы/проблемы.

Проектная технология в обучении учащихся культуре иноязычного речевого общения предполагает их творческую работу в рамках определенной темы/проблемы, поскольку они самостоятельно занимаются поиском иноязычного материала, анализируют его и используют дополнительные источники информации. Проектная работа ориентирует процесс факультативных занятий *на учащихся*, поскольку она опирается на их жизненный опыт, интересы, индивидуальные возможности и способности; стимулирует иноязычную речевую деятельность, затрагивает их эмоциональную сферу и усиливает мотивацию к изучению ИЯ; развивает индивидуальную ответственность за выполненную работу, учит сотрудничеству, кооперации, взаимодействию друг с другом и с учителем иностранного языка.

Проектную деятельность целесообразно направить на формирование у учащихся *способности* к успешной коммуникативной деятельности с учетом особенностей учебной и жизненной ситуации и культуры иноязычного речевого общения; *готовности* к целесообразному использованию иноязычных языковых и речевых средств при создании устных и письменных высказываний; *потребности* в рефлексивной оценке своей коммуникативной деятельности.

Целью проекта по обучению учащихся культуре иноязычного речевого общения является овладение ими основами культуры иноязычного речевого общения, что предполагает усвоение школьниками норм и правил межкультурного взаимодействия и умение учитывать их в своем речевом и неречевом поведении в различных ситуациях иноязычного общения. Например, проект

«Искусство иноязычного речевого общения» способствует формированию ФГ обучающихся в области коммуникации на ИЯ и предполагает решение ряда задач: формировать у учащихся знания о/об особенностях речевого общения на родном и иностранном языках; социальных факторах использования иностранного языка (правила вежливости, нормы социального поведения и др.); особенностях невербальных средств общения в изучаемых языках и др.; развить познавательный интерес и мотивацию к изучению иностранного языка; продемонстрировать умение отдельного учащегося (или группы) использовать исследовательский опыт, приобретенный в процессе обучения; научить самостоятельно добывать знания; научить учащихся принимать личную ответственность за собственную деятельность и результаты групповой работы; приобрести положительный опыт работы в сотрудничестве, умения работы в команде; активизировать творческий потенциал учащихся; расширить объем социокультурных знаний за счет новой тематики и проблематики речевого общения; расширить объем лингвистических и социокультурных знаний и умений, связанных с адекватным использованием языковых средств и правил *речевого и неречевого* поведения в соответствии с нормами, принятыми в стране изучаемого языка и др.

Главной идеей проектной работы выступает самостоятельная поисковая, исследовательская, творческая деятельность учащихся. Успешная реализация целей и задач проекта «Искусство иноязычного речевого общения» связана с организацией образовательного процесса по иностранному языку. Текстовый материал проекта соотносится в содержательном плане с основными темами/проблемами основного курса. В ходе выполнения проекта предусматривается целенаправленная работа с лингвострановедческими материалами (смысловое чтение иноязычных аутентичных текстов, обучение речевому этикету и узуальным особенностям ИЯ и др.). Коммуникативные культуроведческие задания способствуют поиску социокультурной информации и направлены на обучение приемам *смыслового (функционального)* чтения текста, на выведение суждения на основе содержания текста, сравнение информации с уже известными фактами, углубление содержания текста на основе актуализации фоновых знаний.

Обучение культуре иноязычного речевого общения целесообразно проводить с учетом основных этапов: ознакомление, тренировка и применение. На первом этапе работы проект «Искусство иноязычного речевого общения» может быть *информационным, практико-ориентированным*, на последующих – творческим, ролево-игровым. По степени управляемости работы данный проект может быть полностью структурированным или частично структурированным учителем.

По завершении курса факультативных занятий по обучению культуре иноязычного речевого общения учащиеся должны овладеть основами использования изучаемого языка как средства межкультурного общения с учетом

национально-специфических норм *речевого и неречевого поведения* в стандартных ситуациях общения. Результатом проекта может быть беседа по культуре иноязычной речи, презентация, театрализованная инсценировка и др. У школьников должен быть развит комплекс умений, позволяющих им успешно вступать в речевой контакт с носителем изучаемого языка и культуры, поддерживать и завершать иноязычное общение, используя аутентичные речевые формулы соответственно официальной / неофициальной ситуации речевого взаимодействия и статусу собеседника.

Предполагается также, что учащиеся научатся распознавать национальную специфику жестов, мимики, телодвижений, сопровождать свою речь паралингвистическими средствами общения. Приобретенные учащимися знания, навыки и умения будут способствовать предотвращению возникновения культурных барьеров и в целом социокультурному образованию школьников.

Проектная работа на факультативных занятиях способствует развитию учебно-познавательной деятельности учащегося, его самостоятельности, умения работать в команде и ценностного отношения к познанию, умения ориентироваться в информационном пространстве, развитию критического мышления и др.

И. В. Чепик, Цзян Сяоцинъ

ОБУЧЕНИЕ УЧАЩИХСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ ЧТЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

Проблема обучения младших школьников чтению на китайском языке как виду речевой деятельности представляет большой интерес. Именно чтение помогает развивать у учащихся образное мышление, данный вид речевой деятельности играет значительную роль в процессе обучения иностранным языкам, используется в качестве цели и средства обучения. Главной задачей обучения чтению на I ступени общего среднего образования (ОСО) выступает овладение *техникой чтения*, то есть узнавание зрительных образов иноязычных речевых единиц и озвучивание их во внутренней/ внешней речи. Любая речевая единица является оперативной единицей восприятия (такой единицей может быть иероглиф, слово или целое предложение). Чтение китайских текстов, основанное на коммуникативном подходе, формирует у школьников восприятие и понимание несложного оригинального печатного китайского текста, которое обеспечивается условным общением на уроке китайского языка и направлено на одновременное чтение и понимание содержания, извлечение необходимой информации.

Следует отметить, что у младших школьников интерес к чтению на иностранном языке недостаточно высок. Данный вид речевой деятельности

(РД) в большинстве случаев рассматривается как учебная задача и не всегда является для учащихся средством получения информации или источником удовольствия.

Известно, что коммуникативный подход предполагает усвоение иностранного языка (в нашем случае китайского) непосредственно в функции общения. Одной из основных целей обучения иностранному языку является развитие у обучающихся умения коммуникативного (функционального) чтения. Коммуникативное чтение подразумевает не только автоматизированность навыков техники чтения и высокий уровень развития рецептивных лексических и грамматических навыков, а предполагает полное понимание цели деятельности читающего.

С целью обучения чтению на китайском языке учащихся I ступени ОСО необходимо формировать у них мотивацию к данному виду речевой деятельности, прививать интерес к чтению; научить школьников преодолевать языковые и смысловые трудности при чтении, извлекать информацию из текста и др. Основными критериями сформированности у младших школьников навыков и умений чтения выступают: правильность определения темы, выделение основной информации текста, установление информации перво-степенной / второстепенной важности, однозначность понимания информации; правильность понимания значений лексических и грамматических средств в конкретном контексте и др.

Несмотря на важность данного вида РД, в обучении чтению на китайском языке существует ряд недостатков. Прежде всего учителя китайского языка уделяют много внимания изучению и анализу отдельных иероглифов, лексических единиц и грамматических структур, что не позволяет младшим школьникам в полной мере понимать изолированные предложения и текст. В обучении чтению на китайском языке недостаточное место отводится коммуникативным приемам и заданиям. В большинстве случаев чтение сводится к анализу отдельных иероглифов (汉字) и предложений, пиньинь (拼音) и новых грамматических явлений, игнорируя при этом формирование навыков коммуникативного чтения и понимание содержания текста в целом. Например, на уроках китайского языка осуществляется поиск предложений, содержащих новые иероглифы (слова); используется перевод и анализ грамматических явлений; составляются предложения по образцам и др. Кроме того, на уроках работают только с текстами из учебного пособия для учащихся, учащиеся редко читают дополнительные несложные аутентичные китайские тексты, что не в полной мере способствует формированию у них социокультурных знаний и умений.

Следует подчеркнуть, что в обучении младших школьников чтению на китайском языке ведущую роль играет коммуникативный подход. Для реализации данного подхода необходимо опираться на определенные *методические принципы*, которые значительно влияют на развитие умений извлекать

информацию в процессе чтения китайских текстов в зависимости от коммуникативной задачи и характеристик текста. К этим принципам относятся: принцип коммуникативной направленности, системно-деятельностная организация процесса овладения чтением как видом речевой деятельности, использование иллюстраций в качестве ориентиров предметного содержания текста, принцип новизны и принцип учета родного языка.

Вышеизложенное позволяет рассматривать обучение учащихся чтению с коммуникативных позиций и разработать коммуникативные упражнения и задания, которые являются адекватными средствами формирования умений чтения как деятельности и развития у обучающихся умений других видов речевой деятельности.

Известно, что техника чтения предусматривает правильное произношение написанного, быстроту и точность узнавания и понимания китайских иероглифов, четкость применения правил чтения, умение прогнозировать развертывание языкового материала, владение синтагматическим членением предложения и правильное его интонирование. Все элементы техники чтения характеризуют как *чтение вслух*, так и *чтение про себя*. На наш взгляд, сложно говорить о младших школьниках как «опытных чтецах», но готовить их к коммуникативному/функциональному чтению является важной задачей учителя китайского языка. На основании вышеизложенного можно констатировать, что учащиеся младших классов следует обучать

- 1) соотносить китайские иероглифы со звуками/словами, которые они передают;
- 2) правильно читать незнакомые китайские иероглифы/кандзи в изолированных позициях и предложениях;
- 3) соотносить китайские иероглифы с их значением;
- 4) распознавать знакомые китайские иероглифы в незнакомых текстах;
- 5) понимать структуру китайских текстов (искать заголовки, начало и конец абзацев, подписи под картинками);
- 6) распознавать разновидности текстов (стихи, детские песни, рассказы, диалоги, кроссворды, комиксы);
- 7) опираться на правила написания китайских иероглифов;
- 8) выразительно и правильно читать вслух;
- 9) ориентироваться в структуре предложения;
- 10) определять значение новых слов по словообразованию и контексту;
- 11) концентрироваться на содержании и понимании содержания текста.

Перечисленные выше навыки и умения призваны обеспечить условия протекания чтения как формы письменного общения, то есть создать перцептивно-смысловую основу восприятия и обучить учащихся оперировать языковым материалом в объеме предложений, смысловых кусков и несложных текстов. С самого начала необходимо обучать учащихся читать по-разному, так как уже на I ступени ОСО согласно учебной программе по

ИЯ (2017 г.) начинают формироваться виды чтения с разными целевыми установками. При этом целесообразно обучать учащихся и обращать их внимание на действия, обеспечивающие рецептивную сторону чтения, и одновременно направлять работу на решение коммуникативных (смысловых) задач с целью понимания и осмысления информации иноязычного текста.

Для достижения вышеизложенных задач обучения учащихся младших классов чтению необходим *специальный комплекс упражнений /заданий*, включающий *подготовительные* и *коммуникативные* упражнения, направленные на извлечение и понимание информации иноязычного текста.

Таким образом, в процессе разработки коммуникативных заданий/упражнений, направленных на формирование механизма чтения вслух с непосредственным пониманием информации, необходимо учитывать *особенности* обучения учащихся первой ступени ОСО чтению на китайском языке и *специфику* чтения как сложного вида иноязычной речевой деятельности, имеющей внутренний и внешний план, протекающей в двух формах (вслух и про себя) и осуществляющейся в тесном взаимодействии с другими видами речевой деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Абреу-Фамлюк В. Р.</i> Экспликация степени релевантности информации в интерпретирующих речевых актах	3
<i>Басовец И. М.</i> Способы метапрагматического сигнализирования с использованием конструкций авторизации и деавторизации в англоязычном медиадискурсе.....	5
<i>Беликова Е. А.</i> Риторический потенциал отрицательных конструкций в научном тексте	8
<i>Жупинская А. В.</i> Некорректный вопрос и кооперативный ответ: норма или парадокс	11
<i>Задворная Е. Г.</i> Дискуссия о языковой норме в современной российской лингвистике	14
<i>Ильичева И. Л.</i> Языковая репрезентация медиаобраза Брестчины в региональных СМИ	16
<i>Копач О. И.</i> К вопросу о статусе когнитивной топонимики	18
<i>Марченко О. В.</i> Соотношение коммуникативной ситуации отказа от реализации коммуникативного замысла и молчания.....	20
<i>Мяховский А. А.</i> Корреляция функционально-стилистических и иерархических свойств названий животных в современном английском языке	23
<i>Сытько А. В.</i> Семантика оценки в деонтических конструкциях.....	26
<i>Туровец В. С.</i> К вопросу о разграничении субстантивных составных номинативных единиц и фразеологических единиц (на материале русского и белорусского языков)	29

ГРАММАТИКА

<i>Барановский Р. С.</i> Роль контаминации в оформлении английских синтаксических конструкций равнозначности	32
<i>Бельченко В. И.</i> Функционирование средств выражения следствия в немецкоязычной художественной литературе.....	33
<i>Дмитриева И. В., Безменова Е. С.</i> Номинативные элементы в семантической структуре предложений со значением угрозы	36
<i>Зуевская Е. В.</i> Средства выражения уступительных отношений в современном немецком языке	38
<i>Зуевская Е. В., Демидович Ю.</i> Модальные слова и частицы в современном немецком языке	40
<i>Зуевская Е. В., Ильянкова Д.</i> Особенности синтаксической структуры немецкоязычных предвыборных лозунгов	42
<i>Зуевская Е. В., Циунель А.</i> Средства выражения пересказывательности в современном немецком языке	45
<i>Клинцова А. А.</i> Метафорическое расширение предикатов безличных предложений	47

<i>Ковалевич И. Н.</i> Прагматика вопросительных предложений в экспрессивных речевых актах.....	49
<i>Кондракова С. В., Гаевская А.</i> Средства выражения образа действия в немецкоязычных публицистических и художественных текстах	52
<i>Кондракова С. В., Курец Ю.</i> Средства выражения побуждения в немецкоязычных художественных текстах	54
<i>Кондракова С. В., Тюхай А.</i> Функционирование субстантивированных причастий в немецкоязычных художественных текстах	57
<i>Коренько Е. А., Радион Д. В.</i> Семантическая структура предложений с глаголом <i>say</i> (на материале романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и узник Азкабана»).....	60
<i>Ляшенко Е. С., Фатыхова В.</i> Актуализация значения акциональности в предложениях с глаголом-предикатом <i>change</i> (на материале художественных текстов)	62
<i>Овсейчик Ю. В.</i> О «дыхании» сочинительных союзов французского языка	64
<i>Павлова В. В.</i> Семантико-синтаксическая репрезентация вариативности глагола <i>snow</i>	66
<i>Паремская С. В.</i> Семантические и грамматические свойства предлога <i>ab</i> в диахронии.....	69
<i>Пархимович В. А.</i> Инфинитив как средство импликации субъекта в текстах печатных СМИ.....	70
<i>Турковская А. И., Петрашкевич Н. П.</i> Позиция обстоятельств в пьесах Уильяма Шекспира	72
<i>Петрашкевич Н. П., Катарская Е.</i> Структурно-семантические особенности заглавий художественных произведений на английском языке	75
<i>Курбаленко Н. В.</i> Особенности выражения каузации физических действий в художественном тексте немецкого языка.....	78
<i>Радикевич Н. С.</i> Репрезентация концепта «любовь» в пословицах и поговорках английского и турецкого языков	80
<i>Толстых Ю. А., Довгун В.</i> Средства выражения предположения в немецкоязычном публицистическом дискурсе	83
<i>Угринович А. Н.</i> Прилагательные как имплицитные средства выражения категории компаративности (на материале немецких СМИ)	85

ФОНЕТИКА

<i>Воробьева Л. Г.</i> Умелое использование голоса в устных высказываниях для реализации прагматической функции	89
<i>Дашкевич Ю. В.</i> Фонетические и морфологические преобразования английских заимствований в корейском языке: к постановке проблемы	91
<i>Карневская Е. Б., Ниживинская О. В.</i> Мелодическое завершение единиц внутрифразовой сегментации при разных типах членения	93
<i>Кохнович Т. К.</i> Способы выражения реплик-реакций в вопросно-ответных единствах немецкого языка.....	96
<i>Лебедева И. Г.</i> Просодические особенности французской эмоциональной речи	99
<i>Лопатько В. В., Трибис Л. И.</i> Акцентная выделенность ключевых слов в структуре устного текста	102

<i>Пилинко Ю. А.</i> Вариативность синтаксических и просодических структур косвенной побудительности в американских и британских публичных сообщениях.....	104
<i>Пятецкая О. Ю.</i> Особенности преподавания английского языка китайским обучающимся	106
<i>Рускевич Л. В.</i> Модификации сегментной длительности в английской экспрессивной речи.....	108
<i>Трибис Л. И., Лопатько В. В.</i> О некоторых концепциях восприятия речи.....	110
<i>Устинович В. В.</i> Просодические характеристики предцентральной части тонального контура французских устных высказываний с нейтральной и маркированной коммуникативной структурой	113
<i>Яскевич В. В.</i> Квантитативные признаки английских дифтонгов.....	115
<i>Яскевич О. М.</i> Фоностилистика дифференциация английской звучащей речи.....	117

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Баркович А. А.</i> Дериватема: модель оппозиционной динамики языка.....	120
<i>Василевская В. А., Василевская В. М.</i> Технологии Up-Sell и Cross-Sell в цифровом маркетинге	123
<i>Василевская В. М., Василевская В. А.</i> Emojі-маркетинг как средство повышения эффективности рекламы	125
<i>Василенко Е. С., Шалимо Н. В.</i> Семантические сети в задачах обработки естественного языка.....	127
<i>Детскина Р. В., Антоник К. П.</i> Применение нейронных сетей для фильтрации спама	129
<i>Жданович А. Е.</i> Сложности процесса автоматического выделения и перевода фразеологических словосочетаний.....	132
<i>Жданович М. А.</i> Микроструктура современного терминологического компьютерного словаря	134
<i>Зыгмантович Н. В.</i> Распознавание именованных сущностей в тексте на естественном языке	136
<i>Ильина Е. И.</i> От Интернета вещей к Интернету тел.....	140
<i>Марковская Е. В.</i> Сравнение возможностей и недостатков систем до Google Classroom и Ispring Online	141
<i>Романаускас Е. В.</i> Паремии с компонентом «имя собственное» в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»	143
<i>Селезнева В. С.</i> Разработка алгоритма для автоматизированного поиска композитов.....	146
<i>Филимонова Т. А.</i> Алгоритмы распознавания схожести текстов	148
<i>Шалимо Н. В., Василенко Е. С.</i> Тренды и тенденции современного образования.....	150

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дементьева Т. Г., Сахетмырадов С. С.</i> Категория вежливости как предмет лингвистического исследования (на примере русского и туркменского языков)...	153
---	-----

<i>Карпеш А. Э.</i> Роль англоязычных заимствований в итальянской и русской языковых системах (на материале лексики пандемийного дискурса).....	156
<i>Кудрявцева Е. С.</i> Лексико-грамматические характеристики частиц в неблизкородственных языках (белорусский и английский)	159
<i>Набатова М. А.</i> Межъязыковые лакуны в семантике отадъективных глаголов цветового обозначения в английском и итальянском языках.....	162

Круглый стол
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

<i>Богданова Н. А.</i> Линейная симметрия в логико-семантической организации немецкого короткого рассказа	165
<i>Горожанов А. И., Степанова Д. В.</i> Корпусный подход к моделированию пространственно-временной и качественной структур художественного произведения.....	167

Круглый стол
**«ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ. ТЕХНОЛОГИИ ОБЩЕНИЯ
В PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

<i>Максименя Н. М.</i> Брендинг территорий как коммуникативная технология	171
<i>Шилей Е. В.</i> Тенденции развития рынка PR-услуг	175
<i>Шуманская О. А.</i> Жанры PR-коммуникации в Твиттере (на примере белорусских компаний).....	177

Круглый стол
**«ДИКЦИЯ И ГОЛОСОВЕДЕНИЕ В ОБРАЗОВАНИИ
СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА»**

<i>Крылович М. Ю.</i> Проблема формирования дикции английской иноязычной речи в условиях нарушения слуха	180
--	-----

Круглый стол
**«ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА»**

<i>Авсянская М. С.</i> Способы экспликации стратегии убеждения в медийном дискурсе (на материале публичных выступлений TED Talks).....	183
<i>Алешина Е. С., Рыженков А.</i> Попытка унификации терминологической номенклатуры феномена «гибкие навыки» в англоязычном научном дискурсе....	186
<i>Аношина О. В.</i> Абсолютные конструкции в англоязычном художественном и новостном дискурсе (на материале произведений С. Кинга и статей рубрик «Наука» и «Путешествия» издания «Дейли Мейл»)	189
<i>Афонина О. В.</i> Лексическое выражение эмоции «интерес» в англоязычных рецензиях на произведения художественной литературы	193

<i>Изотова О. В., Зоценко В.</i> Специфика вербализации представлений о собаке в белорусских и нидерландских поговорках	195
<i>Козлова В. В.</i> Лингвистические основы алгоритма поиска мнений в медийном дискурсе	197
<i>Невмержицкая Е. В., Денисова Е. В.</i> Лексические и просодические средства выражения эмотивности в публичных выступлениях Д. Трампа	200
<i>Павлоцкая И. В., Адамовская О. В.</i> Использование проектной технологии при формировании лингвокультурологической компетенции у будущих переводчиков	202
<i>Тригубова Д. Л.</i> Реализация негативнооценочных значений в текстах киноаннотаций	205
<i>Тригубова Д. Л., Будковская А.</i> Особенности использования стилистических приемов в слоганах американских университетов	208
<i>Тригубова Д. Л., Цыкунова А.</i> Функционирование имен собственных в кинозаголовках	211
<i>Тригубович А. О.</i> Особенности функционирования общественно-политических реалий в англоязычных публицистических текстах и способы их передачи средствами русского языка	213
<i>Чучкевич И. В.</i> Обучение употреблению предикативных конструкций в английском языке: проблемы и перспективы	217
<i>Чучкевич И. В., Плешевеня А.</i> Денотативное пространство текста научно-популярной статьи	219

Круглый стол

«МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ»

<i>Антошина И. М.</i> Использование электронных средств обучения в процессе чтения иноязычных текстов	222
<i>Четик И. В.</i> Использование проектной технологии в обучении учащихся культуре иноязычного речевого общения на факультативных занятиях	224
<i>Четик И. В., Цзян Сяоцинъ.</i> Обучение учащихся младших классов чтению на китайском языке на основе коммуникативного подхода	227

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

25–29 апреля 2022 года

В пяти частях

Часть третья

Ответственный за выпуск *О. И. Копач*

Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник, Т. С. Соловьевой*

Подписано в печать 27.12.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 15,08. Тираж 100 экз. Заказ 62.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.